



Сборник статей
CLIO-SCIENCE. Проблемы истории
и междисциплинарного синтеза:
Сборник научных трудов. Выпуск III

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9741474

CLIO-SCIENCE. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов.

Выпуск III: Прометей; Москва; 2012

ISBN 978-5-4263-0091-0

Аннотация

В третий выпуск серии научных трудов исторического факультета МПГУ вошли статьи преподавателей, аспирантов, докторантов, магистрантов и студентов университета, коллег из других вузов, посвященные актуальным проблемам исторической науки и социально-гуманитарного познания.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, студентов гуманитарных факультетов и для всех интересующихся историей.

Содержание

Социально-гуманитарное знание и исторический синтез	5
Проблема определения концепта «Национализм»	5
в современной социально-гуманитарной науке	
Социальный потенциал концепта «Права человека»	8
в современной общественно-политической мысли стран Европы и Америки	
Становление современной катехитической культуры католической церкви	12
Проблема эффективности и успешности реформ в историческом контексте	18
Трансформация образа императора Японии: проблемы исторической имагологии	22
Сакрализация личности вождя иудейского восстания II в. н. э. Бар-Кохбы. семиотический аспект	28
Роль периодической печати в формировании общественного мнения России о внешней политике Германии во второй половине XIX века: имагологический подход	31
Исторический фильм. К проблеме определения жанра игрового кино	35
«О правах сочинителей, переводчиков и издателей»: к вопросу о становлении авторского права в России	41
Конституция австралийского союза и законодательство новой Зеландии периода формирования доминиона: у истоков национальной государственности	45
Поиск путей пресечения незаконного оборота наркотиков в рамках конвенции ООН 1988 года	52
Акт о Палате лордов 1999 г.: Его последствия и перспективы дальнейших преобразований	58
Проблемы социокультурной идентичности в эпоху глобализации	68
Модели неокорпоративной социальной политики	71
Синергетика и социально-историческое прогнозирование	75
Исторические события, явления и процессы: факты и интерпретации	78
Федор Черный в орде	78
Приказы в XVII веке: Штаты и особенности делопроизводства. некоторые перспективы дальнейшего изучения приказной системы	82
Введение	82
Штаты приказов	83
Материальное обеспечение приказных служащих	84
Приказное делопроизводство	90
Особенности делопроизводства в Посольском приказе	93
Проблема классификации приказов	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

CLIO-SCIENCE. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. Выпуск III

© С. Ю. Рафалюк, М. Ю. Лачаева, М. В. Пономарев, А. М. Родригес-Фернандес,
Н. В. Симонова, М. В. Короткова, В. Ж. Цветков, А. В. Клименко, 2012

© МПГУ, 2012

© Оформление. Издательство «Прометей», 2012

Социально-гуманитарное знание и исторический синтез

Проблема определения концепта «Национализм» в современной социально-гуманитарной науке

Журов И. В.

магистрант исторического факультета МПГУ

Одним из ключевых понятий современной социально-гуманитарной науки и политического языка является концепт «национализм». Его использование имеет достаточно продолжительную историю, в течение которой его содержание и концептуальное значение неоднократно менялось. В мировом социально-гуманитарном знании сложились полярно противоположные концепции национализма, которые при всем своем внешнем различии во многом соприкасаются друг с другом.

Одной из самых распространенных научных традиций определения «национализма» является концепция, согласно которой зарождение самого национализма как общественно-политического явления совпало с процессом европейской модернизации и складыванием централизованной государственной власти в Европе. Согласно этой точке зрения, национализм основан, прежде всего, на коллективистской идее, призванной воплотить в себе высшие ценности государственной власти и единства нации. На данном этапе национализм становится частью политической программы и государственной идеологии, задача которого виделась в подчинении отдельного человека коллективистскому служению нации и государству или «нации-государству», что имело мало общего с объективно существующей этнической общностью. Согласно концепции немецкого исследователя Я. Эгберта, важная роль в этом процессе принадлежит так называемому «национальному империализму»¹. Для «национального империализма» характерно стремление к образованию национального государства и приведение в соответствие с ним территории и централизованной власти.

Не менее важное место в западном научном дискурсе принадлежит теории национализма, согласно которой в современной общественно-политической жизни национализм приобрел форму манифестно-политической идеологии и имеет разрушительные последствия. Во многом благодаря сторонникам данного направления дискурс вокруг концепта «национализма» приобрел новую силу и породил немало различных теоретических разработок. Как отметил английский исследователь Д. Смит, «главным в исследовательских подходах сейчас должен быть отход от нормативного космополитизма, функционализма и... узкоисторического взгляда...»².

Начало теоретического изучения национализма было положено в западной социально-гуманитарной науке и преимущественно связано с именами Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Д. Смита. Национализм виделся им, прежде всего, как неотъемлемая составляющая становления капитализма, а вместе с ним современных государств. Более того, как полагал Хобсбаум, национализм есть и остается политическим проектом или доктриной модернизации. Его концепция получила свое теоретическое оформление в концепциях представителей

¹ Эгберт Я. Демократия и национализм: единство или противоречие [Электронный ресурс]. URL: <http://tatar-history.narod.ru/yan.htm> (дата обращения: 14.09.2011).

² Smith D. Nationalism and Peace: Theoretical Notes for Research and Political Agendas // Innovation. – London, 1994. – Vol. 7 – № 3 – P. 219.

школы социального конструктивизма и интерпретативной антропологии. Так, Б. Андерсон, а следом за ним Р. Брубейкер показали дискурсивную природу национализма, реальность которого выраженная в форме интеллектуальных и политических дебатов порождает явление коллективных мобилизаций, основанных зачастую на рациональном расчете или иррациональных побуждениях.

Таким образом, научный дискурс 1970#1980#х гг. положил начало новому витку изучения национализма не только на Западе, но и в постсоветской России, где проблема изучения и определения национализма была поднята до высшего общественно-политического уровня. В большинстве своем российские исследователи оказались ориентированы на западную постнеомарксистскую и конструктивистскую научно-теоретическую традицию. В качестве примера первого из этих подходов чаще всего рассматривается теория национализма Э. Хобсбаума, основным стержнем которой остается идея о так называемом рекрутировании массового сознания в пользу идеи нации и выдвигаемых от имени нации политических проектов. Теория Хобсбаума получила свое окончательное научно-теоретическое оформление в работах Т. Эриксона. Так, он в своем исследовании «Этничность и национализм» во много продолжил идеи Хобсбаума, что ярко выражено в следующей его формуле: «На уровне самосознания национальная принадлежность – это вопрос веры. Нация, представляемая националистами как «народ» (volk), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»³.

Сторонники конструктивистского направления вслед за Б. Андерсоном отмечают, что классическое понятие «нация» не раскрывает во всей полноте сущность концепта «национализм». Так, по мнению академика В. А. Тишкова, «национализм как идеологический концепт и основанная на нем политическая практика, которые исходят из того, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации»⁴. В свою очередь другой не менее известный российский исследователь С. Кара-Мурза отмечал, что «национализм как идеология – сравнительно недавнее явление», сложившееся именно в связи со становлением нации. «Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял политические задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ею суверенитета», – пишет он⁵. В то же время для многих российских исследователей характерна трактовка национализма как, прежде всего, политической или идеологической доктрины. Так, по словам исследователя С. Сергеева, «национализм есть, прежде всего, политическая идеология, в которой высшей ценностью является нация как единое целое, как самодостаточная и суверенная культурно-политическая общность»⁶. Более того, продолжает Сергеев, национализм есть субидеология, не выдвигающая «какого-то особого своего социально-политического проекта, подобно консерватизму, либерализму или социализму». Следовательно, национализм есть, прежде всего, идеология, нежели оформленная политическая парадигма.

³ Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective*. – London, 1993. – P. 105.

⁴ Тишков В. А. *Национализм в мировой истории*. – М., 2007. – С. 47.

⁵ Кара-Мурза С. Г. *Национализм как идеология* [Электронный ресурс]. URL: <http://sg-karamurza.livejournal.com/19576.html> (дата обращения: 14.09.2011).

⁶ Сергеев С. М. *Нация и национализм как социально-политические феномены* [Электронный ресурс]. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427398948/replies.xml?item_no=84 (дата обращения: 14.09.2011).

Во многом по причине нарастающей «концептуальной трясины», в которую оказалось «погружено» проблемное поле изучения национализма, в последнее десятилетие наметился кардинальный отход от конструктивистской дискурсивной парадигмы. Данная тенденция характеризуется попытками определения нации как некоей «метафоры коллективного обозначения» и изучения ее как формы человеческого коллектива в рамках государственного сообщества. Впервые призыв к отходу от дефиниций «нация» и «национализм» прозвучал в стенах Принстонского института во время доклада ведущего американского антрополога К. Гирца, представляющего примордиалистское направление исследований. В своей речи он подчеркнул следующее: «Для меня смысл вопроса состоит в том, насколько полезна идея «национализма» для понимания действительности прежде всего с интеллектуальной точки зрения, а затем с точки зрения политики? У меня нет простого или сложного ответа на этот вопрос. Но есть сомнения, которые возникают, когда видишь такие организующие концепты, как «страна», «народ», «общество» и, конечно, «государство»; все они, похоже, утопают в концепте «национализм», как будто это какой-то омут. Сила и значение первых утрачиваются или ослабевают по мере того как они оказываются взаимозаменяемыми с последним и друг с другом: своего рода множественные синонимы с плавающими обозначениями»⁷. Если для конца XIX – начала XX вв. национализм, по мысли Гирца, стал катализатором процессов модернизации и окончательного оформления капиталистической системы, то отныне «он, самое большое, лишь дополнительный усложняющий фактор или катализатор для иного рода процессов». С другой стороны, его российский оппонент в лице В. А. Тишкова отмечает обратное. По его словам, «...изучение национализма остается важной научной задачей не потому, что до сих пор не выяснена до конца природа этого исторического феномена или он не проиллюстрирован на достаточном количестве стран и исторических сюжетов. А потому, что в мире уже на протяжении почти двух столетий существует националистический дискурс, порождающий националистические практики, крайне значимые для общественной жизни многих стран и регионов»⁸.

В настоящее время можно говорить о том, что проблематика концепта «национализма», его определение и поиски его природы заняли прочное место в социально-гуманитарном знании Запада и Востока. Основной акцент переместился в область политико-философских исследований национализма. В то же время нельзя сказать о том, что время националистического дискурса прошло бесследно, породив в результате лишь «концептуальную трясину». К настоящему времени сложились два диаметрально противоположных теоретических конструкта национализма. Если теоретики политического национализма понимают под ним не просто какую-либо систему взглядов, но, прежде всего, социальную практику, характеризующую определенный этап исторического развития общества, то разработчики идеально-типической модели национализма указывают в качестве системных элементов данной структуры на представление о нации как органическом сообществе, веру в антропологическую естественность национальной принадлежности индивидов, приоритет принципа нации как морального критерия, а также позиционирование данного принципа в качестве единственного источника власти и авторитета.

⁷ Цит по: Тишков В. А. Постнационалистическое понимание национализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/postnazion.html> (дата обращения: 14.09.2011).

⁸ Тишков В. А. Постнационалистическое понимание национализма...; см. также: Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

Социальный потенциал концепта «Права человека» в современной общественно-политической мысли стран Европы и Америки

Климова Г. С.

к. и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Социальная сфера ни на государственном, ни на общеевропейском уровне сегодня немыслима вне категорий прав человека. Этот концепт аккумулировал основное содержание европейского социально-гуманитарного наследия и сегодня определяет критерии эффективности и границ социальной политики. Современное государство, которое иногда определяют как правовое государство, неспособно выстроить свои взаимоотношения с обществом без такого понятия, как права человека. Это тот редкий случай, когда государство проецирует свое действие не на все общество или определенную группу, но на отдельного гражданина. Становление концепции прав человека растянулось на века⁹, но само понятие вошло в активный словарь европейцев только к середине XIX в.

Необходимо признать, что, несмотря на достаточно длительную историю формирования прав человека, настоящий прорыв, позволивший утвердить этот концепт, произошел только в XX в. Две мировые войны и опыт тоталитарных политических режимов способствовали признанию и расширению прав человека. Становление прав человека происходило как на международном уровне (создание значительного числа влиятельных международных организаций, таких как ООН, Совет Европы, Страсбургский Суд по правам человека и т. д., и принятие исторических документов – Всеобщей Декларации прав человека, Европейской конвенции прав человека и т. д.), так и на государственном уровне (включение прав человека в конституции, создание национальных институтов, гарантирующих их соблюдение)¹⁰.

Упрочение положения прав человека в международной и национальных системах права позволило уточнить содержание конкретных прав и расширить сферу их применения. Сегодня одной из наиболее широко распространенных классификаций является модель «трех поколений прав человека», предложенная французским юристом К. Васако¹¹. Она не только классифицирует права, но и отражает их эволюцию. К первому поколению принято относить гражданские и политические права. Второе поколение – социальные, экономические и культурные права. Третье поколение до сих пор является самым спорным, так как включает коллективные права, связанные с понятием солидарности (право на мир, на окружающую среду и т. п.). В целом права человека являются очень мобильными. С развитием общества, технического окружения, науки и т. д. меняется сфера применения и содержание прав человека. Так, например, осознание отчуждения результатов труда порождало стремление защитить свои права и борьбу за признание ценности труда¹². А сегодня развитие генной инженерии или трансплантологии привело к появлению новых прав, связанных с иным представлением о человеческом теле.

Права человека как таковые стали рассматриваться в качестве одного из величайших достижений западной цивилизации и всего человечества. И, действительно, признание за индивидом широкого круга прав, предполагающих положение индивида как Человека,

⁹ См.: Бенуа А. де Против либерализма: (к Четвертой политической теории). – СПб.: ТИД Амфора, 2009. – С. 337–436.

¹⁰ Захарова Л. И. Эволюция представлений о правах человека // lexis-asu.narod.ru/other-works/zaharova.doc

¹¹ Vasak K. Pour une troisième generation droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / Ed. by C. Swinarski. – Hague, 1984.

¹² См.: Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. – СПб.: Алетей, 2009. – С. 396–397.

является важным шагом на пути к возможному гармоничному существованию. Права человека оказались теми ценностями, вокруг которых строится жизненное пространство, или, по крайней мере, должно строиться. Немецкий мыслитель Ю. Хабермас, как и значительное число других исследователей¹³, очень позитивно оценивает и степень укоренения этих ценностей, и их влияние на социальные системы. Свободные ассоциации, политическая ответственность и делиберативная политика являются необходимыми условиями воплощения в жизнь этих принципов. Именно благодаря им, по мнению Хабермаса, фундаментальные демократические убеждения становятся повседневной практикой людей. Реальным, хотя и не полным воплощением теории, предложенной Ю. Хабермасом, предстает Европейский Союз. «Совет Европы с Европейской конвенцией прав человека и ее Европейская социальная Хартия трансформировали Европу в пространство прав человека, более специфичное и более скрепленное, чем на любой другой территории в мире»¹⁴. То есть, немецкий философ считает, что прежде всего права человека и представляемые ими ценности составили основу европейского общества, основу европейской идентичности. Комментируя кантовскую идею всемирно-гражданского состояния, Хабермас пишет «Инновационное ядро этой идеи – в [заданной] последовательности преобразования международного права как права государств во всемирно-гражданское право как право индивидов. Конкретные люди выступают субъектами права не только потому, что они являются гражданами своих государств, но и в качестве членов всемирно-гражданской общности, подчиняющейся единому принципу»¹⁵. Именно концепт прав человека в состоянии стать фундаментом для создания такой социальной системы (из существующих исторических реалий таковой является Европейский Союз). Следовательно, для Хабермаса права человека являются тем ценностным полем, в котором формируется свободная коммуникация, направленная в свою очередь на укрепление и развитие европейских ценностей.

Профессор Университета Макгилла Ч. Тейлор, как и Хабермас, признает феноменальный потенциал прав человека, но высказывает определенные опасения: «С одной стороны, европейская правовая традиция представляет собой одно из величайших достижений европейской цивилизации. По-моему, сама по себе идея, что каждый человек защищен определенными правами, хороша <...> Опасность состоит в том, что, если понимать политические права упрощенно, подобная изоляция каждого отдельного индивида приведет к размыванию чувства соотнесенности индивидов с обществом, к эрозии, я бы сказал, самого политического процесса»¹⁶. То есть, получается, что права человека несут в себе и разобщающий потенциал. Известный мыслитель Н. Хомский замечает, что, «когда вы действуете, вы неизбежно начинаете посягать на права других людей» и возникает конфликт интересов. Здесь заложена опасность извращенной стратегии использования позитивного потенциала концепта.

Необходимо признать, что история критического подхода к правам человека не менее объемна, нежели их положительная оценка. Среди философов, критиковавших концепт прав человека, мы видим такие имена, как Й. Бентам, Э. Бёрк, Ф. Ницше и К. Маркс. Их идеи легли в основу позиции канадского исследователя Ч. Блаттберга, которая заключается в следующем: дискуссии о правах человека, будучи абстрактными, демотивируют людей от поддержания тех ценностей, которые эти права должны защищать¹⁷. Автор книги «После досто-

¹³ См., например: *Alston P. Ships Passing in the Night: The Current State of the Human Rights and Development Debate seen through the Lens of the Millennium Development Goals* // *Human Rights Quarterly*. – 2005. – Vol. 27. – № 3.

¹⁴ *Habermas J. Why Europe needs a constitution?* // <http://newleftreview.org/A2343>

¹⁵ *Хабермас Ю. Расколотый Запад*. – М.: Весь Мир, 2008. – С. 113.

¹⁶ *Тейлор Ч. Федерации и нации: секрет добрососедства* // Керни Р. Диалоги о Европе / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2002. – С. 39.

¹⁷ См.: *Blattberg C. The Ironic Tragedy of Human Rights in Patriotic Elaborations: Essays in Practical Philosophy*. – Montreal

инства» А. Макинтайр полагает, что сама идея естественности прав нелогична и лишает их всякой ценности¹⁸. Особенно резкой критике подвергается концепция универсальности прав человека¹⁹. Эта позиция приводит к мысли о том, что агрессивная гуманитарная политика ведет к ограничению национальных культур. Американский философ Дж. Роулз считает, что права человека определяют, где заканчивается законная терпимость к другим странам. Роулз пишет, что права «устанавливают границы режима внутренней автономии», и, что «их осуществление достаточно для того, чтобы исключить обоснованное и убедительное вторжение со стороны других людей, например, дипломатических и экономических санкций или в особых случаях – вооруженных сил»²⁰. Как мы видим, критика носит весьма разнообразный характер, она имеет различные основания и цели.

На наш взгляд, тотальную и наиболее резкую критику концепта прав человека сформулировал французский философ Ж. Бодрийяр: «Можно говорить о праве на здоровье, на пространство, о праве на красоту, на отпуск, о праве на знание, на культуру. И по мере того, как выступают эти новые права, рождаются одновременно министерства: здравоохранения, отдыха; а почему не красоты, не чистого воздуха? Все то, что как будто выражает общий, индивидуальный и коллективный, прогресс, что могло бы санкционировать право на социальный институт, имеет двоякий смысл, так что можно в некотором роде понять его наоборот: *существует право на пространство только начиная с момента, когда нет больше пространства для всех*, и когда пространство и тишина становятся привилегией некоторых в ущерб другим. Поэтому «право на собственность» возникло только начиная с момента, когда не стало больше земли для всех, право на труд возникло только тогда, когда труд в рамках разделения труда стал обмениваемым товаром, то есть не принадлежащим, собственно, индивидам. Можно спросить себя, не означает ли таким же образом «право на отдых» перехода отium'a, как некогда труда, к функции технического и социального разделения и фактически к уничтожению досуга»²¹.

По мнению французского мыслителя, появление новых социальных прав такого рода означает утрату охраняемых явлений, перевод их в качество социальных маркеров. Это никак не общественный прогресс, расширяющий реальный каталог прав человека, но создание новых источников экономической прибыли или социальных привилегий²². Право – не есть гуманизация жизненного мира, напротив, право появляется из сегрегации. Оно не свидетельство освобождения, но юридическое оформление неравенства. Для Бодрийяра право становится символом закрепощения. В этом смысле чрезмерное разбухание каталога представляется тревожным признаком закрепления неравенства еще не оформившегося общеевропейского общества.

Таким образом, права человека – очень пластичный концепт, их развитие и становление напрямую отражает изменения в социальных системах. В целом, в современной общественной мысли права человека признаются безусловной ценностью, определяющей социальное пространство. Но необходимо отметить, что концепт прав человека несет в себе двоякий потенциал. С одной стороны, права человека оказываются центром притяжения при формировании сообщества на основе принципа солидарности. В то же время права

and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2007.

¹⁸ MacIntyre A. Virtue: A Study in Moral Theory. – London: University of Notre Dame Press, 1984. 2nd ed. – P. 69.

¹⁹ См. подробнее: Честнов И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. – 1999. – № 1.

²⁰ Rawls J. The Law of Peoples. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – P. 79–80.

²¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; республика, 2006. – С. 83–84.

²² Там же.

человека могут стать почвой для размежевания и разобщения людей, вращающихся в одной социальной плоскости. К тому же это понятие может быть рассмотрено не с точки зрения освобождения людей, но с позиции закрепления их неравенства. В таком случае расширение сферы применения прав человека означает не либерализацию общественных отношений, но распространение неравенства на новые области. Наиболее острый конфликт, определяемый правами человека, связан с принципом их универсализации, когда навязывание ценностей становится нормой, то есть прямо противоречит самой идее прав человека. Приходится констатировать, что сегодня права человека чаще выполняют роль отвода глаз или даже симулякра, нежели действительно ослабляют социальное напряжение. Например, замораживая подписание СПС между Россией и ЕС из-за имевшихся нарушений соглашений ОБСЕ в ходе первой чеченской кампании²³, Союз с удивительным спокойствием взирал на реальность Гуантанамо. И сегодня позиция государств-членов ЕС по отношению к потоку беженцев, хлынувшему в ряд стран Европы в связи с событиями «Арабской весны», позволяет прийти к заключению о выборочном принципе применения сформулированных прав. Стратегия двойных стандартов, исповедуемая Брюсселем, не оставляет надежд на истинность заявленных ценностей. Тем не менее, следует признать, что, несмотря на такую модель применения прав человека, они остаются одним из связующих социум звеньев и ориентиром европейской социальной модели, едва ли не единственным идейным полем, способным консолидировать и граждан Европы, и общества национальных государств в современной кризисной ситуации.

²³ См. подробнее: *Климова Г. С.* Первая чеченская кампания 1994–1996 гг. как фактор во взаимоотношениях Российской Федерации и Европейского Союза // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2008. – № 5. – С. 74–78.

Становление современной катехитической культуры католической церкви

Пономарев М. В.

к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Катехизация (от греч. «оглашать», «наставлять») является одной из ключевых сфер деятельности Католической Церкви. Уже в первые века распространения христианства сложилась практика поэтапного обучения некрещеных людей, желающих стать христианами и принятых в христианскую общину (*катехуменов*). Изучение неопитами основ веры рассматривалось как необходимый этап их духовного взросления, предваряющий то сакральное соединение человека с Церковью Христовой, которое сопряжено с таинствами посвящения (крещением, миропомазанием и евхаристией). В системе *катехумената* использовались самые разнообразные методы – от участия в Литургии слова и вероучительных бесед до экзорцизмов и специальных молитв за катехуменов. Наставник (катехизатор) в ходе личного общения определял мотивы обращения неопитов и разрешал их сомнения, а поручители из числа членов общины свидетельствовали о нравственном облике кандидатов, приемлемости их рода занятий с точки зрения христианской этики. Таким образом, классическая форма катехумената была ориентирована не только на вероучительное просвещение, но и сплочение христианских общин, упрочение духа взаимной ответственности и духовной солидарности.

Роль катехумената была особенно значима в II–IV вв., когда христианство широко распространялось среди взрослых людей, а сам канон христианского вероучения находился в состоянии активного становления. Позднее, в связи с закреплением практики крещения младенцев, катехизация была практически упразднена. Лишь с XVI в. ситуация начала меняться. В ходе Тридентского собора 1545–1563 гг. восстановление традиций катехизации было признано важным средством противодействия угрозе протестантизма. Расширилась практика составления и издания *Катехизисов* – кратких изложений основ католического вероучения, предназначенных для закрепления единообразного толкования догматов, а также для развертывания миссионерской деятельности в колониях. Основной формой возрожденного катехумената в Европе стали воскресные школы христианского обучения. Первую из них открыл при Миланском соборе один из видных деятелей Контрреформации архиепископ Карл Борромео. В подобных учебных заведениях прихожане приглашались к участию в духовных беседах, направленных на укрепление их в «истинах веры», а дети осваивали чтение и письмо, изучали Библию и закон Божий.

В дальнейшем катехизация все в большей степени приобретала характер особого направления в рамках системы религиозного образования. Наряду с так называемой «приходской катехизацией», направленной на подготовку к первой исповеди, сформировалась катехитическая практика богословия. На протяжении XIX в. поэтапно закрепились три ее модели: первая из них опиралась на «метод свидетельства» – изучение истории спасения в Святом Писании в сочетании с личным свидетельством катехуменов об изменениях, произошедших в их жизни после начала общения с Христом; вторая (неосхоластическая) была ориентирована на систематическое изучение учения об Откровении с помощью метода дедукции, с опорой на логическое мышление и диалог по спорным вопросам; третья (Мюнхенская) была направлена на освоение «реальных знаний» о Благой Вести и истории Церкви в их формально-логическом изложении, а также практическую интерпретацию постигаемых истин в контексте жизненного опыта и возможностей катехуменов. Уже после Первой мировой войны к этим моделям добавилась Керигматическая (от греч. «провозглашение», «проповедь»), представляющая собой евангельскую проповедь для необращенных и ориенти-

рованная на специфику миссионерской деятельности в странах Латинской Америки, Азии, Африки.

Несмотря на достаточно широкое распространение всех этих моделей катехитического образования и богословия, ни одна из них не обладала официальным статусом, да и сама роль катехизации не выходила пока за пределы просвещения в основах католического вероучения. Однако на фоне все более радикальной секуляризации общественного сознания и бурного развития естественнонаучных исследований, закрепления республиканской формы правления и системы гражданского права, распространения либеральной и социалистической идеологии Церковь оказалась перед необходимостью искать новые формы пастырской деятельности. Особую роль катехизации в укреплении духовной дисциплины паствы отметил папа Пий IX в энциклике «*Nostis et Nobiscum*» (1849) При этом понтифик, известный своим клерикализмом, подчеркивал именно охранительные задачи катехитического руководства, необходимость пунктуального следования канонам, утвержденным Тридентским Собором²⁴. Внешне схожей была и позиция преемника Пия IX папы Льва XIII, который посвятил проблемам катехизации свое первое апостольское послание «*In Mezzo Alle Ragioni*» (1878). Новый понтифик с возмущением писал о запрете в итальянских муниципальных школах преподавания католического Катехизиса и пагубном засилии воинствующего материализма. Однако Лев XIII представил проблему катехизации в совершенно особом свете. Он подчеркивал, что катехизация не только несет с собой свет евангельских истин, но и способствует укреплению в обществе нравственных основ, приучает человека понимать роль добродетели в его собственной жизни. «Учение Катехизиса облагораживает и возвышает человека в его собственной концепции, – отмечал Лев XIII. – И кто может утверждать, что учение Катехизиса не обновляет мир, не освящает человеческие отношения более тонким нравственным чувством, не укрепляет христианскую совесть в противовес нравственному ничтожеству насилия и несправедливости»²⁵.

В годы понтификата Льва XIII католицизм получил мощный толчок для духовного и доктринального обновления. Официальным учением Церкви был провозглашен томизм, а ее социальное учение было переориентировано на анализ актуальных общественных процессов и явлений²⁶. В этой ситуации начала складываться обновленная катехитическая культура, тяготеющая к интеллектуализму и антропоцентризму, синтезу социальной, аксиологической и вероучительной функций. Однако закрепление ее было сопряжено с немалыми трудностями: на протяжении первой половины XX в. в Католической Церкви явно преобладали консервативные настроения. Так, папа Пий X в своих энцикликах подчеркивал, что катехитическое богословие должно быть безусловно ориентировано на укрепление тех истин вероучения, которые отражены в решениях Тридентского и Первого Ватиканского Соборов²⁷. В Кодексе канонического права, принятом по благословлению папы Бенедикта XV в 1917 г., было закреплено ортодоксальное понимание катехизации, которая сводилась исключительно к наставлению детей с целью подготовить их к участию в таинствах²⁸.

²⁴ Pius IX. *Nostis et nobiscum* (1849) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politicsofwellbeing.com> (дата обращения: 25.10.2011).

²⁵ Leo XIII. *In Mezzo Alle Ragioni* (1878) [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1878-06-26_SS_Leo_XIII_In_Mezzo_Alle_Ragioni_IT.doc.html (дата обращения: 25.10.2011).

²⁶ См. Пономарев М. В. Лев XIII и духовные истоки современного социального католицизма // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. Вып. II. – М.: Прометей, 2011.

²⁷ Pius X. *Acerbo nimis* (1905) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_x/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_15041905_acerbo-nimisen.html (дата обращения: 25.10.2011); Pius X. *Editae Saepe* (1910) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_x/encyclicals/documents/hf_px_enc_26051910_editae-saepe_en.html (дата обращения: 25.10.2011).

²⁸ Джероза Л. Каноническое право в католической церкви. – М.: Христиан. центр по изучению религий, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.agnuz.info/tl_fles/library/books/canoninchurch/page05.htm (дата обращения: 25.10.2011).

Папа Пий XI в воззвании «*Orbem catholicum*» (1923) суммировал эти идеи²⁹, хотя в более поздних энцикликах и декретах он уже признавал важность сосредоточения катехитического процесса на личности воспитанника, осмыслении актуальных социальных проблем в русле христианской этики³⁰. Но в полной мере условия для оформления современной концепции катехизации сложились лишь в эпоху аджорнаменто, когда Второй Ватиканский Собор дал толчок интенсивной модернизации католицизма.

В вопросах вероучения Второй Ватиканский Собор предложил не столько обновленную, сколько систематизированную и непротиворечивую версию традиционной догматики. А вот в области литургической реформы и развития социального учения Церкви новации оказались весьма масштабными. В полной мере это коснулось и вопроса о катехизации. Ключевое значение для этого имело провозглашение в ходе Собора задач Церкви по евангелизации мира. Само понятие *евангелизации*, по сути, впервые было раскрыто в ходе Собора в догматическом контексте. Подчеркивая роль миссионерских усилий по распространению Благой Вести, Собор отметил необходимость упрочения самого евангельского видения человека, придания ему всеохватывающего характера в рамках католического вероучения. Таким образом, принцип антропоцентризма становился основой и евангелизации, и катехизации (как отмечал впоследствии папа Павел VI, «евангельское освобождение коренится в некоем замысле о человеке, в антропологии, которую нельзя приносить в жертву преходящим требованиям какой-либо стратегии, практики или продуктивности»³¹). В декларации «О религиозной свободе» Собор провозглашал, что именно свобода выбора, личное достоинство и естественное право человека является той «евангельской закваской», которая должна составить основу духовной жизни человечества³². Поэтому евангелизация, которая является процессом «взросления в вере» и, одновременно, средством преображения мира, должна быть признана долгом каждого верующего. Даже «миряне, став участниками священнического, пророческого и царского служения Христа, исполняют в Церкви и в миру свою часть миссии всего Народа Божия, – утверждается в принятом на Соборе «Декрете об апостольстве мирян». – Их деятельность – настоящее апостольство: ведь она осуществляется ради евангелизации и освящения людей, а также для того, чтобы пронизать и усовершенствовать порядок преходящих вещей евангельским духом»³³.

С этой точки зрения требовалось признать несколько принципиальных новшеств в развитии практики катехизации. Во-первых, катехизация не может рассматриваться лишь как наставление в основах вероучения – она превращается в важнейшее средство евангельского освобождения, «способствуя подлинному, настоящему росту человека и справедливости в мире»³⁴. Во-вторых, если катехизация признается не только постижением основ вероучения, но и «взрослением в вере», а также социальной миссией Церкви, то она должна быть направлена как на детей, так и на взрослых, как на неофитов, так и на прихожан. Более того, катехизация, понимаемая в социально-антропологическом контексте, не может быть замкнута лишь в рамках конфессионального сообщества – она начинает тесно смыкаться с экуменической деятельностью Церкви. В-третьих, субъектами катехизации становятся не только специально подготовленные лица, но и миряне, выполняющие свою часть

²⁹ Pius XI. *Orbem catholicum* (1923) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/motu_proprio/documents/hf_p-xi_motuproprio_19230629_orbem-catholicum_it.html (дата обращения: 25.10.2011).

³⁰ Pius XI. *Divini illius Magistri* (1929) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_31121929_diviniillius-magistri_en.html (дата обращения: 25.10.2011).

³¹ Павел VI. *Евангелизация современного мира* (*Evangelii nuntiandi*, 1975). – М.: Издательство францисканцев, 2002. – С. 29.

³² Декларация «О религиозной свободе» // Документы II Ватиканского собора. – М.: Паoline, 2004. – С. 292.

³³ Декрет «Об апостольстве мирян» // Документы II Ватиканского собора. – М.: Паoline, 2004. – С. 255.

³⁴ Павел VI. *Евангелизация современного мира* (*Evangelii nuntiandi*, 1975)... – С. 28.

апостольской миссии. Особое значение в этом плане имеет укрепление христианской семьи. В-четвертых, новое понимание задач и масштаба катехитической деятельности требует значительного расширения ее средств. Как отмечалось в декрете «О пастырском служении Епископов в Церкви», принятом на Втором Ватиканском Соборе, «для возвещения христианского вероучения пусть Епископы стараются применять различные средства, доступные в наше время, то есть прежде всего – проповедь и обучение вере, неизменно занимающие главное место; затем – изложение вероучения в школах, академиях, на конференциях и разного рода собраниях, равно как и его распространение посредством официальных заявлений, делаемых полномочной властью по поводу тех или иных событий через прессу и другие средства массовой коммуникации, ... кроме того, пусть они заботятся о том, чтобы катехисты хорошо знали теоретически и практически изучали законы психологии и педагогические дисциплины, ... [эту деятельность] нужно надлежащим образом согласовать с современными потребностями, учитывая не только духовные и нравственные условия жизни людей, но и общественные, демографические и экономические, [чему] весьма способствуют социальные и религиозные исследования, проводимые службами пастырской социологии»³⁵.

По решению Второго Ватиканского Собора была предпринята работа по составлению «Руководства по катехитическому воспитанию христианского народа». В ней приняли участие Конгрегации по делам духовенства и вероучения, экспертная богословская комиссия, Конференции епископов. Окончательный текст был утвержден папой Павлом VI в 1971 г. под названием «Общее Катехитическое руководство». Этот документ стал ориентиром в формировании современной системы катехумената, хотя многие аспекты катехитической еще вызвали дискуссии и требовали уточнения.

Важной вехой стала сессия Синода епископов, которая состоялась в октябре 1974 г. и была посвящена евангелизации в современном мире. Предложения этого собрания были представлены папе Павлу VI и отразились в его апостольском обращении «*Evangelii nuntiandi*» (1975), где окончательно было провозглашено единство задач катехизации и евангелизации³⁶.

Огромный вклад в формирование современной катехитической культуры внес папа Иоанн Павел II. В его многочисленных речах, посланиях и обращениях тема катехизации занимала одно из ключевых мест. Ее теологическим аспектам были посвящены энциклики «*Redemptor hominis*» (1979), «*Dives in misericordia*» (1980), «*Dominum et vivificantem*» (1986 г.)³⁷. В более широком социально-антропологическом контексте вопросы катехизации затрагивались Иоанном Павлом II в энцикликах «*Veritatis Splendor*» (1993) и «*Fides et Ratio*» (1998)³⁸, а ее связь с экуменическим служением Церкви – в энциклике «*Ut Unum Sint*» (1995)³⁹. Особняком в духовном наследии Иоанна Павла II стоят его четыре катехитических наставления, раскрывающие основы веры в духе пастырской проповеди:

³⁵ Декрет «О пастырском служении Епископов в Церкви» // Документы II Ватиканского собора. – М.: Паолине, 2004. – С. 167–168, 170.

³⁶ Павел VI. Евангелизация современного мира (*Evangelii nuntiandi*, 1975)...

³⁷ Иоанн Павел II. Искупитель человека (*Redemptor hominis*, 1979) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/65redemptor-hominis> (дата обращения: 25.10.2011); Иоанн Павел II. О божьей любви к человеку (*Dives in misericordia*, 1980) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/88dives-in-misericordia> (дата обращения: 25.10.2011); Иоанн Павел II. О Святом Духе в жизни Церкви и мира (*Dominum et vivificantem*, 1986 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/98-dominum-et-vivificantem> (дата обращения: 25.10.2011).

³⁸ Иоанн Павел II. Сияние Истины (*Veritatis Splendor*, 1993). – М.: Издательство францисканцев, 2003; Иоанн Павел II. Разум и Вера (*Fides et Ratio*, 1998). – М.: Издательство францисканцев, 1999.

³⁹ Иоанн Павел II. Да будет все едино (*Ut Unum Sint*, 1995) // Иоанн Павел II. Сочинения. В 2-х т. – М.: Издательство францисканцев, 2003. – Т. 2.

«Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца» (1986), «Верую в Иисуса Христа Искупителя» (1989), «Верую в Духа святого Господа животворящего» (1991), «Верую в Церковь единую, святую и апостольскую» (1995)⁴⁰. Общую цель такого катехитического наставничества Иоанн Павел II определял следующим образом: «Ученики должны расширить те культурные и религиозные горизонты, в рамках которых они привыкли мыслить и жить, чтобы подняться на уровень вселенских измерений Царства»⁴¹.

Именно в годы понтификата Иоанна Павла II были предприняты шаги по формированию единой доктринальной основы катехумената. Эта задача обсуждалась на Синодальных собраниях 1980 и 1987 гг., посвященных роли семьи и апостольскому призванию мирян. К тому же в 1983 г. был принят ныне действующий Кодекс канонического права, где в отличие от предыдущей традиции активными субъектами катехитической деятельности Церкви были объявлены все ее члены и, прежде всего, родители⁴². В особой степени подчеркивалось, что катехитическая деятельность эффективно способствует возрастанию веры Народа Божьего лишь тогда, когда оба ее измерения – обучение доктрине и опыт христианской жизни, – «осознаются и воплощаются в жизнь в единстве и взаимодействии, ибо «ортодоксия» (правильное учение) и «ортопраксис» (правильное действие) неотделимы друг от друга во всяком подлинном катехитическом усилии»⁴³. Подобный подход позволял резко активизировать катехитическую деятельность и, прежде всего, среди молодежи (вплоть до таких необычных форм, как рок-фестивали, паломнический туризм, создание Интернет-ресурсов и т. п.). Но расширение и обновление форм христианской жизни обязывало обеспечить единство в толковании «ортодоксии» и «ортопраксиса», создать систему толкования важнейших основ вероучения, современную по стилистике изложения и доступную даже для самых неискушенных мирян. Эта задача была поставлена на Чрезвычайной Ассамблее Синода Епископов в 1985 г., посвященной двадцатой годовщине окончания Второго Ватиканского Собора (как отмечал впоследствии Иоанн Павел II, «многие высказывали желание, чтобы был составлен катехизис или компендиум всего католического учения по вопросам веры, а также морали, который был бы ориентиром для катехизисов или компендиумов, создаваемых в различных странах»⁴⁴).

Подготовкой Катехизиса с 1986 г. занималась Комиссия из двенадцати кардиналов и епископов под председательством кардинала Й. Ратцингера, будущего папы Бенедикта XVI. В 1992 г. Катехизис был представлен в Апостольской Конституции Иоанна Павла II «*Fidei depositum*», а спустя пять лет завершилась работа над дефинитивным латинским текстом Катехизиса⁴⁵. В соответствии с ним было обновлено и «Общее Катехитическое руководство»⁴⁶. Новая редакция этого документа была призвана удовлетворить двум основным требованиям: с одной стороны, необходимо было соотнести задачи и средства катехизации с контекстом евангелизации, провозглашенной апостольскими обращениями

⁴⁰ Иоанн Павел II. Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца. – М.: Католический колледж имени Фомы Аквинского, 1996; Иоанн Павел II. Верую в Духа святого Господа животворящего. – М.: Католический колледж имени Фомы Аквинского, 1998; Иоанн Павел II. Верую в Иисуса Христа Искупителя. – М.: Католический колледж имени Фомы Аквинского, 1997; Иоанн Павел II. Верую в Церковь единую, святую и апостольскую. – М.: Католический колледж имени Фомы Аквинского, 2000.

⁴¹ Иоанн Павел II. Верую в Церковь единую, святую и апостольскую... – С. 294.

⁴² Каноническое право о Народе Божием и о Браке. – М.: Истина и жизнь, 2000. – С. 26–27.

⁴³ Джероза Л. Каноническое право в католической церкви. – М.: Христиан. Центр по изучению религий, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/canoninchurch/page05.htm (дата обращения: 25.10.2011).

⁴⁴ Иоанн Павел II. Апостольская Конституция «*Fidei depositum*» (1992) // Катехизис Католической Церкви. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2001. – С. 11.

⁴⁵ Иоанн Павел II. Апостольское послание. «*Laetamur magnopere*» (197) // Катехизис Католической Церкви. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2001.

⁴⁶ Общее Катехитическое руководство. – Гатчина: СЦДБ, 1997.

«*Evangelii nuntiandi*» и «*Catechesi tradendae*», а с другой, принять во внимание толкование основ веры, представленное в Катехизисе. В состав обновленного «Общего катехитического руководства» вошло введение, в рамках которого был представлен общий очерк «истолкования и понимания человеческих и церковных ситуаций в свете веры и упования на силу евангельского семени», и пять разделов, раскрывающих роль катехизации в рамках евангелизации, нормы и критерии представления евангельского обращения в катехизации (в том числе с опорой на текст Катехизиса), сущностные элементы «педагогике веры, вдохновленной педагогией Божией», те социально-религиозные ситуации, учет которых должен быть обязательным условием катехизации, сферы ответственности и организационные аспекты в рамках катехитической деятельности. В заключении документа еще раз подчеркивалась связь катехитической деятельности с евангельской миссией Церкви и важность учета «современного опыта церковной жизни разных народов»⁴⁷. В целом, основной целью «Общего Катехитического руководства» стала не столько формулировка конкретных решений и практических указаний, сколько размышления по актуальным социально-религиозным проблемам.

В период понтификата Бенедикта XVI Католическая Церковь продолжила усилия по активизации катехитической деятельности. Но ее стилистика стала приобретать более традиционные черты, близкие к Мюнхенской модели катехумената. Вновь существенно возросла роль катехитического богословия и классических форм религиозного образования. В 2005 г. Бенедикт XVI представил Компендиум Катехизиса Католической Церкви, отмечая, что этот документ «в силу своей краткости, четкости и полноты обращен к любому человеку»⁴⁸. Но примечательно, что Компендиум не только представлял собой сокращенный вариант Катехизиса, но и был составлен в диалогичной форме, воспроизводя классический для древнего катехумената стиль диалога наставника и ученика. В текст Компендиума были включены изображения, представляющие наследие христианской иконографии, а его содержательная структура была построена на основе толкования предмета веры, христианских таинств, молитвенного опыта и Декалога (десяти заповедей). Социально-религиозная проблематика, напротив, была минимизирована. Смысл такого подхода емко сформулировал епископ Тадеуш Кондрусевич во введении в русскоязычному изданию Компендиума: «Современный мир, подверженный процессам секуляризации, нуждается – в соответствии с требованиями времени – в новом, четком и ясном провозглашении истин веры, христианского учения и нравственности, без двусмысленности и “политкорректности”»⁴⁹.

⁴⁷ Общее Катехитическое руководство. – Гатчина: СЦДБ, 1997. – С. 287.

⁴⁸ Бенедикт XVI. *Motu Proprio* (2005) // Католической Церкви Компендиум. Катехизис. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. – С. 6.

⁴⁹ Католической Церкви Компендиум. Катехизис. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. – С. 1.

Проблема эффективности и успешности реформ в историческом контексте

*Нет дела, коего устройство было бы труднее,
ведение опаснее, а успех сомнительнее,
нежели замена старых порядков новыми.
Н. Макиавелли⁵⁰*

Фадеева И. И.

магистрант исторического факультета МПГУ

Реформы – это предпочтительный и, в настоящее время, основной способ перемен в обществе. До сих пор среди историков, экономистов, социологов и политологов ведется спор о том, как спрогнозировать эффективность и успех начинающихся реформ. Реформа проводится от имени государства и носит легальный характер, а также обычно носит имя того человека, кто ее задумал (реформа Петра Великого, реформа Наполеона) и (или) реализовывал⁵¹.

Эпоха Нового времени внесла существенные коррективы в процесс рационализации управления. Это эпоха революций и перемен, поэтому постараемся раскрыть тему реформирования и успеха реформ на примерах из этого периода всеобщей истории. Сама организация государственного управления в передовых странах становится образцом для подражания, эталоном переустройства для других. Такой путь развития принято называть модернизацией. Борьба традиционных и рационалистических тенденций представляет собой закон развития всякой управленческой системы. Почему реформы одних правителей имели успех, а у других заканчивались провалом? Существуют ли критерии успешности реформ? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим некоторых известных в истории реформаторов.

Одним из ярких примеров успешной реформаторской деятельности является политика Наполеона Бонапарта во Франции. Наполеон сумел создать эффективную систему управления в центре и на местах, ввел законодательство, учитывавшее реалии нового буржуазного общества. Сильная центральная исполнительная власть – это традиционное для Франции явление, поэтому реформы Наполеона в этой области не встретили противодействия, а их позитивные результаты ощущаются до сих пор. Гражданский кодекс сам Наполеон признавал своим главным достижением. Для той эпохи Гражданский кодекс был невероятно прогрессивным творением. Этот свод гражданских законов утверждал и регулировал систему отношений в новом французском обществе. Кодекс гармонично вписывался в национальные традиции.

Стремясь консолидировать французское общество, Наполеон хорошо понимал роль религии в контроле властей над народными массами и заключил Конкордат с Ватиканом. Назначение высших католических иерархов папой происходило только при одобрении высшей светской властью. А священники превращались в подобие чиновников, так как получали жалованье от государства. То была старая галликанская традиция, и со времен Филиппа IV Красивого французское государство контролировало местную католическую церковь, чего не наблюдалось в других католических странах. Галликанство – это традиция вмешательства государства в дела национальной церкви и зависимость национальной церкви от «своего государства», а также относительная независимость последней от Вати-

⁵⁰ Макиавелли Н. Государь. – М., 2010. – С. 162.

⁵¹ Синюгин В. Ю. Проблемы и перспективы правового обеспечения реформ в современной России. – М., 2007. – С. 25.

кана. Наполеон модернизировал галликанскую традицию. В Средневековье и раннее Новое время существовала господствующая католическая конфессия. В светском буржуазном государстве все граждане формально равны перед законом независимо от своего социального статуса и религиозной принадлежности (в «Декларации прав человека и гражданина» была объявлена свобода вероисповедания). Наполеон это учел и распространил галликанские принципы на самые крупные во Франции не католические конфессии, тем самым уравнивая всех верующих в их гражданских правах. Оба главных протестантских культа (лютеран и кальвинистов) и иудаизм, также как и католическая церковь, оказались под патронажем государства⁵². Наполеон не допустил установления какой-либо религии в качестве государственной. Конфессионная политика Наполеона была продолжением многовековой галликанской традиции и одновременно ее модернизацией в соответствии с потребностями французского общества.

Наполеон заложил основы системы образования, которая развивалась и впоследствии, поставив образование на службу государству⁵³. Был преодолен кризис, в котором образование находилось предыдущие пятнадцать лет. Школы должны были давать теперь не только знания, но и воспитывать добропорядочных и законопослушных граждан и специалистов, необходимых современному государству (гражданских, военных, технических и т. д.). Реформа образования предусматривала унификацию учебных программ и организации учебного процесса на всех ступенях обучения – от начальной до высшей школы. Проведенная Наполеоном реформа образования способствовала развитию общества и упрочению модернизированного и реформированного государства.

Наполеон Бонапарт прекрасно осознавал необходимость модернизации государственных институтов Франции. Однако при этом он не оставался в стороне от политических реалий и не повторил ошибок предыдущих реформаторов эпохи революции. Его реформы опирались на политические и национальные традиции французов, его принцип сильной центральной власти был понятен большинству населения, а идея модернизации органов государственной власти, правовой системы и общественных институтов была насущным требованием времени. Реформы Наполеона проводились последовательно, сочетаясь с твердой политической волей. Именно сочетанием этих факторов и объясняются причины успеха наполеоновских реформ и их значимость для последующего развития Франции.

Значительным своеобразием отличался реформизм в России. Петровский идеал рационального и справедливого государства оказался утопией. На практике он привел к созданию полицейского государства: скроенное по западноевропейскому образцу, оно не имело сдержек и противовесов центральной власти в виде общественных и гражданских институтов, присущих западной модели. В условиях отсутствия каких-либо институтов социального контроля государство ничем не было связано в ходе осуществления реформ управления. Поэтому последние неизбежно приобретали принудительный, навязанный характер, они шли сверху. Такая ситуация порождала у людей определенную психологию, которой свойственно апеллирование к государству как единственному организатору и инициатору совершенствования общества. Как раз на петровское время приходится множество проектов, выражавших такого типа настроения в различных слоях общества. Так, И. Т. Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве», задумываясь над тем, почему такая богатая страна, как Россия, живет так скудно, усматривает главную причину этого в плохом управлении, а главное направление изменений в лучшую сторону видит в государственном регулировании: поддержке государством торговли, ремесел и художеств, контроле за соблюде-

⁵² История XIX века / Под. ред. Лависса и Рамбо. – М., 1938. – Т. 1. – С. 43.

⁵³ Фадеева И. И. Роль образования в реформаторском курсе Наполеона Бонапарта // Clio-Science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. – М., 2011. – С. 357–361.

нием законности, охране природы и т. д. вплоть до регламентации одежды и допустимых норм поведения разных сословий. При таком типе социальных отношений инициатива снизу не нужна. Система требует лишь способных организаторов и исполнителей. Именно из этого исходил Пётр, подбирая себе помощников из различных слоев общества (вспомним в связи с этим хотя бы А. Д. Меншикова), а целью административных реформ Петра и было создание для регулярного государства идеального исполнительского аппарата, действовавшего строго по регламентам и инструкциям. В России были свои политические традиции и связанные с ними властные институты – Боярская дума, Земские соборы, приказы. Пётр же бездумно заимствовал многое из опыта Дании и Швеции (Табель о рангах, коллегии, Сенат). Наконец, он превратил элиту в нечто чуждое народу и по одежде, и по воспитанию, и по языку (среди дворян был распространен французский язык и западная культура). А ведь элита осуществляет реформы, но она оказалась оторвана от нации, ее чаяний и потребностей.

В России налицо особенное, ни с чем не сравнимое развитие, в котором движение вперед парадоксальным образом переплетается с подавлением свободы, а технический и другой прогресс – с отчуждением общества от государства. В результате исторического развития сложился своеобразный «русский путь» – от модернизации до модернизации. А поскольку реформы сверху, особенно внедрение нового, требуют усиления власти, то развитие производительных сил в России, сопровождаясь волнообразным усилением деспотизма на каждом витке реформ, шло в сторону уничтожения гражданского общества, до некоторой степени возрождавшегося после того, как эпоха реформ проходила.

Реформы Петра заморозили процессы эмансипации частной собственности, особенно на самом массовом, крестьянском уровне. Подтверждение этому – разрушение права частного владения землей вследствие введения уравнительного подушного (вместо поземельного) налога на государственных крестьян. Со временем этот налог привел к ликвидации частного владения, переделам земли общиной и ко все возрастающему вмешательству государства в дела крестьян.

Своеобразие исторического пути России состояло в том, что каждый раз следствием реформ оказывалась еще большая архаизация системы общественных отношений. Именно она и приводила к замедленному течению общественных процессов, превращая Россию в страну догоняющего развития. Своеобразие состоит и в том, что догоняющие, в своей основе насильственные реформы, проведение которых требует усиления, хотя бы временного, деспотических начал государственной власти, приводят в конечном итоге к долговременному укреплению деспотизма. В свою очередь замедленное развитие из-за деспотического режима требует новых реформ. И все повторяется вновь. Циклы эти становятся типологической особенностью исторического пути России. Так и формируется – как отклонение от обычного исторического порядка – особый путь России.

Продлится ли в нашем будущем «изменение обычного исторического порядка» – особый путь, который в очередной раз ввергнет страну в насильственные изменения, не давая ничего взамен, кроме перспективы повторения их в будущем, уже на периферии мирового развития? Или в нашей истории изменится смысл слова «реформа», и мы найдем в себе силы, возможности и волю занять достойное великой культуры место в этом мире? На эти вопросы смогут ответить только историки будущих поколений, но хотелось бы, чтобы утвердительно – на второй.

Для более детального обоснования авторской концепции рассмотрим деятельность еще одного выдающегося российского реформатора – Александра II. Для эпохи Александра II самым значительным событием принято считать освобождение крестьян, позже названное Великой реформой⁵⁴. Для включения в процессы общественной жизни огром-

⁵⁴ Синюгин В. Ю. Указ. соч. – М., 2007. – С. 40.

ной массы освобождённых крестьян потребовался ряд дополнительных реформ. В целом, в реформаторской деятельности Александра II уделялось большое внимание комплексности преобразований. Помимо крестьянской реформы намечались и проводились земская, судебная, военные реформы. Однако Александр II был убит, следовательно, обществом не были в полной мере приняты и поняты (особенно крестьянами) его реформы. По стране прокатывались серии волнений и бунтов. Реформы Александра II не выполнили главную задачу, стоявшую на повестке дня – не дали крестьянам землю. Поэтому узел противоречий в крестьянском вопросе так и не был развязан: безземелье и малоземелье, выкупные платежи тормозили распад феодального крестьянского мира, а, следовательно, тормозили и буржуазное развитие страны. А раз не решен главный вопрос реформ, то и весь пакет остальных, прекрасных и продуманных, как, например, земская или судебная, был обречен на провал. Если в случае с Петром I просматривается отсутствие продуманного проекта и пренебрежение к особенностям национального развития, то в случае с Александром II – недостаток политической воли: крестьянам личную свободу дали, но без земли, так как против воли правящего помещичьего класса власти пойти не решились. У Петра I была политическая воля, но не было ясного понимания сути реформ. У Александра II это понимание присутствовало, но не хватило политической воли. Политическая воля оказывается важной составляющей успеха реформ. Еще Н. Макиавелли писал: «Сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени»⁵⁵.

Правила реформирования в России совсем иные, чем в западном обществе. В России не существовало социальной базы для реформаторства в силу господства традиционной культуры, ориентированной на идеальную имперскую власть. Чтобы осуществить реформы, нужно, по крайней мере, сформулировать их конечную цель. Россия же вместо этого всегда начинала подражать странам западного типа, с тем, чтобы стать государством, способным активно противостоять Западу.

Однако существуют ситуации, когда реформы необходимы, и с их помощью можно предотвратить революцию. Тогда необходимо учитывать условия успешности реформ:

- зрелость общества, которое может оказывать поддержку реформам или мешать их проведению;
- соответствие реформ логике внутреннего исторического развития, национальным традициям, национальной идее (например, сильное государство, как во Франции);
- решительность реформатора, его готовность идти до конца;
- реформы должны усилить эффективность деятельности государства и мобилизовать общество на решение новых задач;
- реформы должны проводиться продуманно и комплексно;
- необходим отказ от бездумного копирования опыта других стран.

Размышления на тему реформирования и реформ приводят к выводу о том, что страна может удерживаться за счет сохранения ее культурно-исторических основ. Искусство реформатора состоит в том, чтобы построить такую комбинацию, которая продвигала бы страну в желаемом направлении, но при этом не разрушала ее, не деформировала ее цивилизационных основ⁵⁶. Однако как бы ни были серьёзны исторические предпосылки, реформы не начинаются, пока не появляется фигура реформатора, способного осознать проблемы страны как свои собственные, выявить социальные противоречия и предложить программу действий по их разрешению.

⁵⁵ Макиавелли Н. Государь / Пер. Г. Д. Муравьевой. – М., 2010. – С. 283.

⁵⁶ Синюгин В. Ю. Указ. соч. – М., 2007. – С. 5.

Трансформация образа императора Японии: проблемы исторической имагологии

Смирнова Л. А.

магистрант исторического факультета МПГУ

С древнейших времен и до сегодняшнего дня одним из главнейших символов Японии является император (тэнно).

Происхождение императорского дома окутано тайнами, легендами и невероятными фактами. Один из таких фактов: правящая династия Японии не прерывалась, по меньшей мере, в течение полутора тысяч лет. Положение уникальное, не имеющее аналогов в мире. Еще одна уникальная особенность положения императора Японии заключается в том, что он позиционируется как «отец и мать для народа». Согласно книге «Основные установления относительно императорского дома», изданной в 1913 г., единственной вещью, которую невозможно будет никогда скопировать у Японии, является именно императорский дом. «В нашей Японской империи императорский дом и народ не находятся в отношениях ненавистного правителя и повелеваемого. Они находятся в отношениях главы семьи и члена этой семьи. И поскольку такие отношения продолжают не век и не два, а в течение долгих тысяч лет со времени основания государства, то эта идея, передаваясь из поколения в поколение, сформировала естественное чувство подчинения и любви по отношению к императорскому дому, чувство, которое прочно запечатлелось в умах народа – в каждом представителе японского народа без изъятия, превратившись в его неотъемлемое свойство»⁵⁷.

До недавнего времени фигура императора была священной и неприкосновенной. Он не появлялся на изображениях, приравниваясь по статусу к синтоистским божествам; не становился объектом словесного творчества. Исключение составляли летописные своды, являющиеся единственными источниками, способными поведать нам о внешности и деяниях представителей правящей династии.

Императорская власть была безгранична и распространялась на все сферы жизни японского общества вплоть до политического переворота и установления правления сёгуна Токугавы (1603–1868). Однако, несмотря на то, что реальной властью в Японии с того времени обладал сёгун, император Японии в Киото оставался законным правителем Японии. Право управления страной было официальным образом делегировано императорским двором клану Токугава, а в конце периода Эдо в ходе реставрации Мэйдзи (1866–1869) также официально возвращено императорскому двору.

Традиция сокрытия лика императора от «народа» в период правления Токугава сохраняется. Даже сёгун был вынужден общаться с императором через специальные загородки. Лишь самому ближайшему окружению позволялось лицезреть правителя страны, чье поведение подлежало строжайшему подчинению традициям и запретам. Подобная традиция доходила до уровня ритуальной практики. Император не мог покинуть здание дворца без специального зачарованного зонтика, скрывающего его лицо не только от палящих лучей солнца, но и отрицательных флюидов внешнего мира⁵⁸.

Реставрация Мэйдзи не смогла обратить те изменения в политическом статусе императора, которые произошли в течение правления Токугава. Свершившаяся революция лишь номинально вернула власть в руки императорского Дома. Согласно конституции, принятой в 1889 г., императорская власть ограничивалась парламентом. Кроме того, политическая

⁵⁷ Цит. по: Мецзяков А. Н. Япония и Корея: источники непонимания // Япония: путь кисти и меча. – 2004. – № 3. – С. 14.

⁵⁸ Мецзяков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. – М.: Наталис, 2010. – С. 120–1128.

элита поставила жизнь императора и его семьи в условия жесткого контроля, регламентированного ритуалом и протоколом. Один из внуков Мэйдзи говорил, что императорская семья подобна «птице в клетке». Япония сбросила с себя гнет сёгуната, но Сыновья Неба и Дочери Неба так и остались в заложниках у прошлого⁵⁹. Иными словами, император становился ритуальным и символическим центром, лишаясь возможности единолично принимать политические решения.

Однако сама ситуация в стране и мире изменилась. Теперь нельзя было просто так запереть императора во дворце, отдав в его руки лишь ритуальные полномочия. Япония перестала быть изолированным островным государством. Пусть и насильно, но ее заставили вступить в открытую международную игру, где ей предстояло занять свое место. Следуя европейской традиции, японское правительство вывело императора, признанного главой государства, на первый план. Мэйдзи начал появляться на улицах, площадях, военных парадах, маневрах, выставках, в театре, ипподроме. Его образ был запечатлен художниками и появлялся в местах большого скопления людей. Он стал главным символом «новой» Японии.

В период правления Мэйдзи Япония из «захолустной страны на самом краю цивилизованного света»⁶⁰ превратилась в «Великую Японскую империю» – мощную державу, с которой следовало считаться всем. За это время Япония создала эффективную систему управления, армию, в войнах с Китаем и Россией доказав всем и каждому, что японский солдат ничем не уступает европейскому, добила всеобщей грамотности, приступила к индустриализации, получила колонии в Корее и Тайване. Безусловно, до Запада Японии было еще далеко, но в Азии у нее было неоспоримое превосходство.

После смерти Мэйдзи был провозглашен «великим императором». И было не важно, что на самом деле император не сыграл практически никакой роли в преобразовании страны, а был лишь ее символом. Об этом знали лишь единицы, а для миллионов японцев грандиозные изменения были неразрывно связаны с именем Мэйдзи. По итогам его правления изменился и сам образ императора. Теперь он выступал не как «скрытый в облаках» первожрец синто, а как активный созидатель. Кроме того, он стал для японцев образцом морали и покровителем образованности.

Будущее великого правителя ожидало и сына Мэйдзи Ёсихито – императора Тайсё. Однако, он не оправдал возложенных на него надежд. Перенесенная в детстве болезнь (менингит) подорвала здоровье наследника престола, лишив его возможности в полной мере исполнять свои обязанности и на посту правителя государства. Правящая элита и народ были поставлены в тупик, так как вторая статья конституции 1889 г. гласила: «Корона наследуется в мужской линии императорского дома, согласно постановлениям семейного статута»⁶¹. Ёсихито был единственным сыном императора Мэйдзи.

В обязанности императора, прежде всего, входила представительская функция. Он должен был отправлять синтоистские ритуалы, давать аудиенции, открывать и закрывать сессии парламента, принимать парады, участвовать в торжественных церемониях, появляться перед народом. Это не требовало от человека большого ума, но отнимало огромное количество сил и здоровья. И именно этого у императора Тайсё не было. Церемония интронизации Тайсё прошла в 1915 г., а последний официальный выезд императора за пределы Токио состоялся в 1919 г. После этого жизнь императора делилась между дворцом в Токио и загородной резиденцией в Хаяма, расположенной на побережье. Туда его всегда сопровож-

⁵⁹ *Стигрейв С., Стигрейв П.* Династия Ямато. – М.: АСТ, 2005. – С. 56–57.

⁶⁰ *Мещеряков А. Н.* Быть японцем. История поэтика и сценография японского тоталитаризма. – М.: Наталис 2009. – С. 14.

⁶¹ Конституция Японской империи (11 февраля 1889 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japaneselaw.ru/modernlaw/constlaw.html> (дата обращения: 12.09.2011).

дала жена, которая была для него «не столько императрицей, сколько титулованной сиделкой»⁶².

В 1921 г. был опубликован указ, по которому Тайсё ввиду своей тяжелой болезни назначал принца Хирохито своим опекуном. Что характерно, указ был подписан уже не императором, а его сыном. Это должно было указывать на их сакральную нерасторжимость, двойственность в одном лице. В это же время он полностью исчез из поля зрения тысяч японцев. Его место в полной мере занял Хирохито. 5 декабря 1926 г. императора Тайсё не стало. Но его смерть не произвела такого ошеломляющего эффекта, как кончина Мэйдзи. Японские газеты писали, что Тайсё продолжил те дела, которые начал его великий отец. Зарубежная пресса была еще более сдержана. Люди редко связывали изменения, произошедшие с Японией за эти годы, с именем императора. Все понимали, что тяжелобольной человек не имел никакой возможности влиять на судьбу страны. В это время получают большое распространение идеи о том, что император является «органом» японского государства. Верховным, но все же органом, полномочия которого огромны, но все-таки ограничены законом. Консерваторы по-прежнему утверждали, что без императора не существует государства, но видя беспомощность Тайсё, несколько принижали роль императора, не связывая судьбу страны с одной фигурой. Однако Тайсё в некотором роде все-таки можно назвать реформатором. Он стал первым моногамным императором. Все его предшественники на троне имели наложниц. Сам Тайсё был рожден вовсе не женой императора, а его наложницей Янагихарой.

Эту традицию поддержал и наследный принц Хирохито – император Сёва, который отказался взять наложницу после того, как его жена Нагако принесла ему четырех дочерей и пережила выкидыш. Наследный принц Акихито был рожден 23 декабря 1933 г. и исполняет обязанности императора по сей день. Именно на долю императора Сёва выпали самые тяжелые испытания, которые и привели институт императора к тому состоянию, в котором он есть сейчас.

Вся довоенная система управления страной была выстроена так, что фигура императора являлась для нее «несущей». Еще в 1912 г. юрист и профессор Токийского университета Какэхи Кацухико в труде «Великий смысл древнего синто» утверждал: «Японский народ не может существовать без своего императора. Только августейший император дает ему жизнь, без императора было бы невозможно его рождение, без него японский народ прекратит свое существование»⁶³. В связи с этим, первое, что было необходимо сделать Хирохито, придя к власти, это восстановить престиж и силу титула императора. Будучи человеком деятельным, он легко добился признания народа. Он, как и его дед, исправно исполнял все представительские функции, но в отличие от Великого Мэйдзи делал это с большим рвением. Например, играл в гольф с наследником британского престола Эдуардом, взбирался на гору Фудзи, учредил кубок, который вручил на чемпионате Японии по легкой атлетике. Всего император и его братья учредили 13 кубков. Это было сделано, чтобы показать, что династия полна жизненных сил и здоровья.

Активное присутствие в жизни императорской семьи спорта было не единственным нововведением. На территории дворца в 1927 г. было разбито два поля (заливное и суходольное), на которых Сёва выращивал рис. Он преподносил рис родовому святилищу Исэ, где из него готовили ритуальное сакэ. Супруга императора Нагако ухаживала за тузовыми деревьями, листья которых служат кормом для шелкопрядов. Таким образом, супружеская чета реализовывала функцию древнего правителя – покровителя плодородия.

Взойдя на престол, Хирохито из местоблюстителя превратился в императора настоящего. С этого момента он становился не только главным жрецом страны, но и ее главноко-

⁶² Мещеряков А. Н. Быть японцем... – С. 29.

⁶³ Цит. по: Мещеряков А. Н. Быть японцем... – С. 463.

мандующим. В связи с этим у императора появилось как бы два лица. Одно, которое нельзя было демонстрировать народу – император лишь раз во время своей интронизации был снят в традиционных синтоистских одеждах. В остальное время образ императора-жреца, его священная сущность, заменялся изображениями моста Нидзюбаси, ведущего через ров к императорскому дворцу, императорского экипажа, на которых сам император отсутствовал. И второе – публичное. На людях Сёва показывался исключительно в военном мундире главнокомандующего. Такое проявление его сущности вкупе с белым конем служили олицетворением могущества Японии и ритуальной чистоты ее императора. Белый цвет издавна в Японии считается священным. Кроме того, согласно традициям император должен был избегать «загрязнения», потому касаться земли ему не пристало⁶⁴. В конных портретах была олицетворена небесная сущность государя, а земная суть в тех изображениях, где облаченный в военный мундир он твердо стоит на земле.

На фотографиях Сёва никогда не улыбался. Он никогда ни с кем не разговаривал. Никогда не произносил речей. «Это создавало ту дистанцию, которая выводила его за пределы человеческого»⁶⁵. Портреты императора и его жены были разосланы во все общественные места (школы, университеты, правительственные учреждения и пр.). Однако, публике они предоставлялись только во время праздников или торжественных мероприятий. В остальное время они или хранились в специальных несгораемых ящиках, или были закрыты занавесками. «Традиционная японская культура искала компромиссы с культурой нынешней, но по-прежнему полагала, что мозолить глаза народу – дело не царское»⁶⁶.

В первую треть правления Сёва – с 1926 по август 1945 г. – появление императора на коне, в автомобиле и экипаже должно было донести до подданных идею «мобильного» императора. Движение создавало впечатление динамизма – как самого Сёва, так и всей страны. В послевоенное время отношение к императору внутри страны несколько не изменилось. Американцам, получившим возможность на правах оккупантов активно вмешиваться во внутреннюю политику страны, император представлялся угрозой. Но исследования, проведенные американскими учеными, показали, что устранение императора может привести к еще большему дисбалансу внутри страны, так как послевоенная японская элита продолжала считать, что император является центром японского государства.

В связи с этим было принято решение внести серьезные изменения в образ императора и его функции. Тело императора должно было приобрести человеческое измерение (несмотря на все трансформации, которые претерпел образ императора за последнюю сотню лет, никто не имел права прикасаться к Сёва). Император сменил военный мундир на западный костюм (теперь главнокомандующим считался Макартур) и был освобожден от ответственности за развязанную войну. Теперь его стали позиционировать как символ новой мирной Японии.

Первая встреча Сёва с Макартом произошла 27 сентября 1945 г. О чем говорили сильные мира сего остается тайной, но свидетельством той встречи служит фотография. Макартур был большим специалистом в области связей с общественностью, поэтому настоял на том, чтобы по итогам встречи был сделан памятный снимок. Когда фотография увидела свет, она повергла народ Японии в шок. «Она не оставляла сомнений в том, кто здесь хозяин»⁶⁷: по сравнению с Сёва, Макартур казался гигантом, кроме того, генерал был старше императора (Сёва было 44 года, а Макарту – 65 лет). Неравенство подчеркивалось и тем, что Макартур стоял слева – занимал сторону, приличествующую мужчине. И это все при том,

⁶⁴ Цит. по: Мещеряков А. Н. Быть японцем... – С. 131.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. – С. 132.

⁶⁷ Там же. – С. 465.

что раньше никому не разрешалось появляться на фотографиях вместе с императором. Фактически Сёва вернулся в то время, когда он был не императором, а всего лишь наследным принцем. И на этом Макартур не остановился. Он запретил печатать в газетах фотографии императора, направившегося с паломничеством в Исэ. А после 15 декабря 1945 г., в связи с указом об отделении религии от государства, Сёва потерял право посещать святилище Ясукуни, где покоились духи воинов, которые отдали свою жизнь за Японию в прошедшей войне.

Идея о том, что следует развенчать божественное происхождение императора, блуждала в умах американцев уже давно. В связи с этим 1 января 1946 г. Сёва подписал указ. В общих чертах, его содержание было следующим: «Во-первых, император обещал, что отныне он будет управлять страной, опираясь на «общественное собрание». Во-вторых, прокламировался принцип, что элита и подданные обязаны объединиться ради благополучия страны. В-третьих, всем подданным предоставлялось право проявлять личную инициативу. В-четвертых, обещалось, что «будут устранены дурные обычаи прошлого», а управление станет основываться на «Пути Неба и Земли». В-пятых, говорилось, что “знания будут обретаться во всем мире”»⁶⁸. Кроме того, а указе говорилось: «Пребывая в единении со своим народом, Мы всегда готовы разделить с ними радости и горести. Связь между Нами и народом всегда основывалась на взаимном доверии и привязанности, а не просто на мифах и легендах. Не основывается эта связь и на ложной идее о том, что император является явленным божеством (акицумиками), и на том, что японский народ стоит выше других народов и его предназначением является управление миром»⁶⁹.

«Отречение» от своей божественной сущности далось Сёва легко. Дело в том, что в японской традиции император не является «Богом», каким он рисуется в христианстве. Не считается он, впрочем, и синтоистским божеством. Он является потомком богини солнца Аматаэрасу, и текст указа этого не отрицал. Японцы считали сведения относительно императорского дома историей – реальными событиями, а не мифом. Да и слово «миф» на тот момент не имело в японском языке значения небылицы. Но для американцев это было несущественным, тем более, что в официальном переводе указа на английский язык стояло не «акицумиками», а «Emperor is divine»⁷⁰.

Трактовки указа могли быть различны, но остается фактом, что после его обнародования компания по «очеловечиванию» императора стала набирать обороты. Американское командование требовало новых мер по лишению Сёва ореола божественности. Для этого нужно было сделать так, чтобы как можно больше людей увидело императора, убедилось, что он сделан из плоти и крови. С февраля 1946 г. Сёва начал серию поездок по стране. К моменту окончания этого путешествия он посетил практически все префектуры. Поездка Сёва принесла свои результаты. Миллионы людей воочию увидели императора и не ослепли. Они видели его нерешительную походку, слышали его голос.

Апогеем всех задуманных американским командованием преобразований стала конституция 1947 г. Она была написана на английском языке, но это держалось в строжайшем секрете. На японском языке проект был опубликован в марте 1946 г. от имени самого Сёва. Он был внесен на обсуждение в парламент как дополнение к уже существующей конституции имперской Японии. В отзыве парламентского подкомитета по конституции говорилось: «Первая статья конституции исходит из положения, что за императором, как представителем вечной династии, сохраняется его монаршее положение, при котором он, исходя из своей суверенной воли, одновременно и навечно объединяет их с Небом и Землей. Таким образом,

⁶⁸ Там же. – С. 468–469.

⁶⁹ Там же. – С. 469.

⁷⁰ Там же. – С. 470.

подтверждается тот непреложный факт, что император, находясь в гуще людей, стоит в стороне от реалий политики и по-прежнему сохраняет свое положение в качестве центра жизни людей, являясь источником морального руководства. Это положение заставило подавляющее большинство членов комитета принять его с чувством предельной радости и удовлетворения»⁷¹. Такое понимание первой статьи конституции радикально отличалось от того, что задумывали американские разработчики. Но они не могли повлиять на мнение японской элиты и народа.

Сёва провозгласил принятие конституции 3 ноября 1946 г. – в 94 годовщину рождения Мэйдзи. Новая конституция вступила в действие 3 мая 1947 г. В этот же день было выпущено несколько миллионов брошюр под названием «Новая конституция – светлая жизнь». В брошюре утверждалось, что император стал теперь символом единства народа – подобно тому, как Фудзи символизирует природную красоту Японии, а сакура – благородство японской весны. Даже в уставах демократических партий значилось, что император – источник всего.

Таким образом, несмотря на то, что на протяжении сотен лет образ императора претерпел значительные изменения, он остался ключевой фигурой для японского общества. Император потерял возможность принимать какие-либо политические решения, в связи с указом об отделении религии от государства лишился своего статуса первожреца синто, был отстранен от поста главнокомандующего армией, но остался тем якорем для государства и народа, который позволил японцам не растеряться в стремительно меняющемся мире. Император стал связующим звеном между обществом и его историей, позволяя японцам сохранить свою самобытность и идентичность как нации.

⁷¹ Там же. – С. 481.

Сакрализация личности вождя иудейского восстания II в. н. э. Бар-Кохбы. семиотический аспект

Хасанов Р. Г.

аспирант кафедры методики преподавания истории МПГУ

Многие науки имеют дело со знаками, но каждая из них изучает знак в каком-либо его одном, отвечающем задачам данной науки, аспекте, и история не является исключением. Семиотическое изучение истории отличается, прежде всего, своим подходом к тексту источника. Сложность положения историка в том, что он не может иметь дело с первичными фактами, так как отделен от реально произошедшего события его зашифрованным описанием. Необходима реконструкция кода, которым пользовался создатель текста, и установление его корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь. Эту задачу – выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника – и помогает решать семиотика: особая наука о знаках и знаковых системах.

Семиотика обладает значительным объяснительным потенциалом в исследовании конкретных вопросов истории, например, в установлении тайны имени вождя антиримского восстания в Иудее II века н. э. Симеона Бар-Кохбы. Предметом изучения данной статьи является смысловое толкование имени руководителя повстанцев, приводящее к различному его пониманию, а следовательно – и прочтению.

Дошедшие до нас сведения о восстании и его лидерах, как правило, относятся к позднему времени создания, исходят от враждебных кругов, они фрагментарны и отрывочны. Основными источниками по данному вопросу являются труды античных, армянских авторов и ветхозаветные тексты, а также нумизматические свидетельства.

Сохранившиеся разнородные сведения позволяют воссоздать несколько различных образов Бар-Кохбы. У Евсевия Бар-Кохба предстает разбойником, самозванцем и жестоким гонителем христиан. Евсевий называет Бар-Кохбу «...звезда, убийца и разбойник; он, ссылаясь на это имя, внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, дабы чудом даровать им, замученным, свет»⁷². Положение о «звездном» происхождении лидера, основывалось на отрывке из Книги Чисел 24:17. «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых»⁷³. Немецкий ученый Э. Шюрер находит мессианский характер восстания главной причиной отказа христиан прикннуться к нему⁷⁴.

Подобный образ Бар-Кохбы вероятно сложился в среде палестинских христиан, как под воздействием тех гонений, которым подвергались их собратья, не желавшие участвовать в восстании против Рима, так и вследствие провозглашения лидера восстания мессией.

Моисей Хоренский дублирует Евсевия в вопросе о характеристиках и оценках лидера восстания Бар-Кохбы: «... В то время иудеи отпали от римского царя Адриана и под во дительством некоего разбойника по имени Баркоба, то есть “Сын звезды”, стали сражаться с епархом Руфом. По своим делам он был преступник и убийца, но кичился, ссылаясь на свое имя, якобы явился с небес как спаситель их от притеснения и плена...»⁷⁵.

⁷² Евсевий Памфил. Церковная история. IV, 6,2–3. Пер. с греч. // Богословские труды. – М., 1982. – С. 171.

⁷³ Ветхий Завет // Internet: <http://www.Lib.eparhia-saratov.ru/books/111/lopuhin/lopuhin5/211.html>.

⁷⁴ Schurer E. A History the jewissel people. – New York, 1891. – Т. 1–2. – Р. 299.

⁷⁵ Хоренский Моисей. История Армении / Пер. с древнеармянского Н. Эмина. – СПб., 1893. – Кн. 2. – С. 60.

Использование ветхозаветных источников возможно лишь совместно с письмами и хозяйственными документами периода восстания, обнаруженными в Иудейской пустыне в середине XX в. Опираясь на последние, мы узнаем, что в имени вождя восстания были не только ассоциации со звездой, и наиболее вероятным именем этого человека было Симеон бар Косиба или Бар Кохба. «Настоящее имя Бар Кохбы – Шимон Бар Козиба»⁷⁶. По некоторым предположениям Козиба означает местность, откуда вышел родом Симеон, или, на худой конец, имя его отца, в честь которого он и получил второе имя.

Встречающееся в контрактах на аренду, а также в других документах из Иудейской пустыни имя Шимон бар-Косиба вместо ранее известного Бар-Кохба, решает загадку, связанную с именем предводителя восставших. Дело в том, что имя Бар-Кохба, то есть «сын звезды», данное вождю еще рабби Акивой, одним из идеологов восстания, имеет мессианское звучание. В таком виде это имя было воспринято христианскими источниками. Однако в Ветхозаветных источниках вождь восстания называется «Бен или Бар-Козиба», что значит «сын обманщика». Такое имя могло возникнуть в противовес имени Бар-Кохбы с его мессианистским звучанием и свидетельствует о какой-то враждебной Бар-Кохбе традиции, оформившейся, вероятно, уже после поражения восстания. Эта замена KSBH на KZBH вероятно произошла в результате игры слов, возводившей по созвучию патронимическое «сын Косибы» или топонимическое «уроженец местности Косибы» KSBH к глаголу KZB – «лгать», «обманывать».

Греческие документы, найденные в пещерах, говорят об ином звучании имени вождя. Если еврейское и арамейское написание, состоящее только из согласных знаков KWSBH или KSBH, позволяет читать это имя как Косеба, Косиба и Косба, то по-гречески, где гласные обозначаются и написание соответствует произношению, оно звучит так: Хосиба «Zimwn Xwsiba», и это является решением вопроса⁷⁷.

Предания представляют Бар-Кохбу могучим богатырем, от колена которого отлетают обратно и убивают римлян ядра, выпущенные из их баллист. Даже император Адриан изумляется его доблести. Легендарный характер носит сообщение Иеронима, будто-бы Бар-Кохба, изрыгал изо рта горящую паклю, чтобы казаться огнедышащим⁷⁸. Напрашивается вывод, что он попросту привлекал внимание масс различными фокусами. Вместе с тем, там же Бар-Кохба характеризуется как человек грубый, недалекий и безмерно гордый.

Нет оснований к серьезным сомнениям, что повстанцы считали Бар-Кохбу мессией. Но считал ли он себя таковым? При ответе на данный вопрос необходимо учесть предание об обращении вождя повстанцев к Богу со словами: «...Молим тебя не помогать только нашим врагам, мы не нуждаемся в твоей помощи»⁷⁹. Это высказывание дает нам основание полагать, что Бар-Кохба не разыгрывал из себя мессию и не прибегал к религиозным лозунгам в борьбе с Римом. Эта фраза могла прозвучать как демонстрация собственной силы и решимости справиться с Римом и без Божьей помощи.

Если отбросить легендарную оболочку и все наносное в приведенных сообщениях о личности Бар-Кохбы, то в них можно обнаружить долю истины. Она сводится к тому, что предводитель повстанцев отличался крепким телосложением, был смел и храбр. Такой вывод подтверждается и той ролью, какую он сыграл во время событий 132–135 гг. Документы и находки, обнаруженные в середине XX в., дают много полезной информации об этом. Отпечатанное имя вождя на монетах времен иудейского восстания, изображение символов, связанных с ритуалами, проводившимися в Храме, а также выгравированные над-

⁷⁶ Султанович З. Восстание Бар-Кохбы //Internet: <http://www.machanaim.org/history/sultanovich>.

⁷⁷ Амузин И. Д. Рукописи Мертвого моря. – М., 1960. – С. 74–75.

⁷⁸ Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. – Минск, 1957. – С. 335.

⁷⁹ Там же. – С. 340.

писи, провозглашающие «Освобождение Израиля» т. е. вводящие новую эру – первый год освобождения Иерусалима⁸⁰, свидетельствуют о настроениях восставших, их целях и надеждах. При таких обстоятельствах обладание Бар-Кохбой званием мессии могло способствовать окружению его ореолом святости, усиливало авторитет в массах. Есть все основания предполагать, что он сам себя провозгласил мессией, во всяком случае, был не против, когда его таковым считали.

Кроме того, данные нумизматики сохранили имя второго лидера восстания священника Елиазара⁸¹. Соответственно Бар-Кохба, видимо, исполнял роль военначальника, а Елиазар стал религиозным вождем повстанцев. Это предположение если не отвергает, то занижает религиозную роль Симеона Бар-Кохбы. Возможно различные слои иудейского населения увидели в Симеоне Бар-Кохбе то, что они хотели в нем увидеть: одни – возможность освобождения, другие – будущий закат Иудеи.

На монетах, а также в письмах и документах самого Бар-Кохбы он предстает не более, как человек глубоко религиозный, следящий за строгим исполнением всех праздничных обрядов и ритуалов. Он нигде прямо не указывает на свое мессианство. В то же самое время Бар-Кохба выступает в образе энергичного и жесткого командующего, озабоченного мобилизацией всех людских и материальных ресурсов на борьбу с Римом, угрожающего подчиненным ему военачальникам суровыми карами за неповиновение.

Таким образом, в условиях широко распространенных в Палестине мессианских ожиданий Бар-Кохба помимо своей воли стал восприниматься отдельными приверженцами как Мессия, а противниками – как лжемессия.

⁸⁰ *Немировский А. И.* История Древнего мира: античность. Ч. 2. – М., 2000. – С. 173.

⁸¹ *Schurer E.* Op.cit. – P. 301.

Роль периодической печати в формировании общественного мнения России о внешней политике Германии во второй половине XIX века: имагологический подход

Наумова О. В.

магистрант исторического факультета МПГУ

Отношения между Россией и Германией играли определяющую роль в историческом развитии обеих стран в XX столетии. Две мировые войны, в ходе которых они сражались друг против друга, наложили свой отпечаток на последующий ход истории. После неопределенности середины 1990#х гг. был взят курс на дальнейшее развитие двусторонних отношений, сотрудничество в экономической и политической сферах. Представляется, однако, что сохранение этой позитивной тенденции, выгодной и России, и Германии, требует в высшей степени внимательной и кропотливой работы по ее защите от возможных враждебных посягательств, в том числе и в сфере идей.

Как известно, предрассудки относительно «другого» (на уровне народов) обращаются в стереотипы коллективного сознания и являются вечными, «сохраняясь в виде устойчивых стереотипов, то замирающих, то оживляющихся и возрождающихся в определенных ситуациях»⁸². Учитывая данное обстоятельство, изучение коллективных представлений народов друг о друге, механизмов их возникновения, распространения и изменения имеет сегодня особое значение.

Когда мы употребляем словосочетание «образ народа», «образ страны», мы вступаем в область научной дисциплины, которая изучает рецепцию (заимствование и приспособление определенным обществом социальных и культурных форм, возникших в другом обществе) и репрезентацию (представление одного в другом и посредством другого) своего мира или мира других. Имагология – неологизм от латинского *imago*, образа, т. е. наука об образах. Слово «имагология» появилось на страницах академических, в первую очередь социологических, изданий еще в 20#х гг. XX в.⁸³ Однако широкую известность эта область социогуманитаристики получила лишь с середины 50#х гг. XX в. благодаря филологам, увлекшимся исследованием национальных образов в художественной литературе. Но только в конце XX в. стало ясно, что имагология обладает огромным гносеологическим потенциалом.

Происходящий сегодня в мире процесс глобализации ведет к размыванию и нивелированию национальной специфики во многих сферах общественного бытия. Это побуждает ученых активно заниматься в последнее время изучением того, что же собственно представляет собой феномен национальной идентичности. Историки активно разрабатывают проблематику формирования и эволюции национальных идентичностей различных народов в прошлом. Представления о том, что позволяет отдельным индивидам считать себя некой общностью, т. е. «своими», всегда неразрывно связаны с представлениями о том, что конкретно членов данной общности отличает от остальных, т. е. «чужих». Изучение данной проблематики связано с исследованием существующих у разных народов образов «других». В сферу имагологии входит теоретическое обоснование и раскрытие конкретных механизмов возникновения образа «чужого» («другого») у различных социальных, культурных и этнических общностей⁸⁴. Помимо научной актуальности, изучение возникших в про-

⁸² Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). – М., 2000. – С. 8.

⁸³ Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский – СПб., 2010. – С. 5.

⁸⁴ См.: Оболенская С. В. Указ. соч.

шлом представлений разных народов друг о друге имеет и вполне практическое значение, поскольку стереотипы взаимного восприятия меняются довольно медленно. Сформировавшиеся достаточно давно образы, несмотря на изменившиеся условия, продолжают оказывать влияние на кросс-культурные отношения разных народов.

Картину мира другой страны или народа создают особые формообразующие механизмы – стереотипы, имиджи, образы. Стереотип – одно из самых древнейших средств формирования имагологической картины мира. Стереотипы восходят к родоплеменным отношениям, к понятиям «свой – чужой», к ранним периодам формирования этнического сознания. С Нового времени от понятия «стереотип» отделяется понятие «имидж». В рамках исследуемой проблемы имидж можно рассматривать как политический стереотип, выработанный государственной идеологией и ориентированный на геополитическую борьбу. Имидж «чужого» в глазах народа – это оружие власти, используемое для формирования сознания масс. Образ же представляет собой, скорее, стереотип, созданный искусством, в частности, художественной литературой. В нем отражается попытка воссоздания реальности во всей полноте и сложности. Зачастую образ претендует на опровержение стереотипа, сложившегося в национальном сознании в период зарождения международных отношений.

Факторы, влияющие на оформление имагологической картины мира, многообразны: природные условия (даже климат), географическое положение (близость-дальность, пограничность), цивилизационная и конфессиональная принадлежность, интенсивность и история межкультурных коммуникаций, особенности обычаев, быта, культуры воспринимаемой страны (народа). Агентами, формирующими восприятие «другого», выступают государство, церковь, органы политической пропаганды, средства массовой информации и т. п. Их усилия направлены на обработку общественного мнения как пространства бытования национальных образов/имиджей/стереотипов.

Сам термин «общественное мнение» используется в разных науках об обществе (философией, социологией, политологией) и не имеет общепринятого определения. Наиболее распространенным можно считать понимание общественного мнения как «способа существования массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности»⁸⁵. Общественное мнение играет огромную роль в регуляции поведения индивидов и социальных групп. В поле зрения общественного мнения попадают, как правило, лишь те проблемы, события, факты, которые вызывают общественный интерес, отличаются актуальностью и в принципе допускают многозначное толкование, возможность дискуссии.

Современное понимание общественного мнения нельзя механистически переносить на российскую реальность XIX в. Круг лиц, способных оказать влияние на принимаемые самодержцем и его министрами решения и олицетворявших собою общественное мнение, был необычайно узок. К ним можно отнести придворное окружение монарха, верхушку бюрократии, высшее командование армии и флота, единичных представителей делового мира, ведущих издателей, редакторов и писателей. Их суммарная численность может быть выражена скорее в сотнях, чем в тысячах. Только по отношению к ним в рассматриваемую эпоху и можно использовать термин «общественное мнение».

Однако в модернизирующейся России начинали сказываться те же тенденции, что и в западноевропейских странах: во второй половине XIX в. роль создателей и выразителей общественного мнения активно примеряют на себя периодические издания, формирующие умонастроения представителей образованного класса, все более интересующегося политикой, в том числе и внешней. Иное дело крестьянство и городское простонародье. В лите-

⁸⁵ <http://www.philosophydic.ru/obshhestvennoe-mnenie>

ратуре отмечалось, что в этой среде царили весьма неопределенные, порой фантастические представления о других народах⁸⁶. Народные массы просто не знали о существовании некоторых европейских стран. Германии повезло больше, но и о том, велика ли эта страна, в каких отношениях германские государства находятся с Россией, народные представления были весьма смутны⁸⁷.

Таким образом, можно, с известными допущениями, считать именно периодическую печать основным источником для исследования образов «другого» в общественном мнении как России, так и западноевропейских стран⁸⁸.

Пресса активно использовалась политической элитой «для обработки общественного мнения в своих интересах»⁸⁹. Периодические печатные издания не только отражали идеи и воззрения, распространенные в тех или иных кругах общества, но и формировали или корректировали позицию своих читателей. Одновременно они играли и активную роль в сфере выработки политических решений. В частности, такой признанный творец «общественного мнения», как М. Н. Катков, находившийся вне правительства, «почти четверть века оказывал серьезное влияние на политику самодержавия, не только выражая, но и усиливая, а зачастую и создавая мнения и настроения в «верхах», формируя там определенную точку зрения», тем самым идейно обосновывая и подготавливая те или иные правительственные меры⁹⁰. Сами органы печати вполне отдавали себе отчет о своих возможностях. Так, журнал «Вестник Европы», характеризуя сообщения органов германской печати по поводу переговоров Бисмарка в Гаштейне, указывал, что они «выражают собой общественное мнение, а это последнее служит выражением общественных и национальных интересов, которые в наши времена в решительные минуты действуют повелительно и на дипломатию»⁹¹.

Сознавала эту роль и российская политическая верхушка. Известны многочисленные случаи давления представителей власти на редакторов периодических изданий с целью оказать определенное (и выгодное правительству) влияние на общественное мнение. Е. М. Феоктистов описал примечательный эпизод, который позволяет понять отношение к общественному мнению ряда высших чиновников государства. Эта история была сообщена ему редактором газеты «Голос» А. А. Краевским. В 1871 г. было решено оказать давление на редакторов периодических изданий с целью добиться более благожелательного отношения в российской печати к Пруссии. Миссия была возложена на министра внутренних дел А. Е. Тимашева, который при встрече с редакторами утверждал, что именно от них зависит настрой общества, так как самостоятельного общественного мнения в России не существует. Представление о процессе формирования общественного мнения самого Феоктистова, в следующее царствование возглавившего Главное управление по делам печати МВД, было довольно лестным для газет и журналов: «... каждый читает утром, за чашкой кофе, газету и в течение дня пробавляется тою мудростью, которую он в газете прочитал»⁹².

Необходимо отметить, что внешняя политика Германии конца XIX в. находилась в центре внимания общественного мнения России и вполне адекватно отражалась им. Ведущие периодические издания вскрывали движущие мотивы политики соседнего государства и давали, в основном, реалистические прогнозы развития ситуации. Стоит отметить и стремление сохранить равноправные, взаимовыгодные, дружественные отношения между дер-

⁸⁶ Оболенская С. В. Указ соч. – С. 29.

⁸⁷ Там же. – С. 13.

⁸⁸ Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. – М., 1977. – С. 8.

⁸⁹ Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. – М., 1971. – С. 11.

⁹⁰ Твардовская В. А. Идеолог пореформенного самодержавия. (М. Н. Катков и его издания). – М., 1978. – С. 3.

⁹¹ Т-ов М. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. – 1872. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 644.

⁹² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 // За кулисами политики / Е. М. Феоктистов, В. Д. Новицкий, Ф. Лир, М. Э. Клейнмихель. – М., 2001. – С. 77.

жавами, которое разделялось представителями всех идейных направлений общественного мнения России. Остается только сожалеть, что ход событий не позволил в полной мере воплотиться этому стремлению в жизнь.

Исторический фильм. К проблеме определения жанра игрового кино

Закиров О. А.

кандидат исторических наук

Большой популярностью в игровом (художественном) кино пользуется исторический жанр. Обращением к истории отмечены многие важнейшие для начала национальных кинематографий мира фильмы: в США «Рождение нации» (реж. Д. Гриффит, 1915 г.), в Италии «Кабирия» (реж. Д. Пастроне, 1914 г.) и др. Началом российского национального кинопроизводства принято считать выход в 1908 г. первого русского игрового фильма «Стенька Разин, или Понизовая вольница» (режиссер В. Ф. Ромашков). Очевидно, что «Стенька Разин» – исторический фильм, но на самом деле по своей жанровой сути он является довольно сложным произведением. К. Э. Разлогов отметил: «Название фильма напоминает нам, с одной стороны, о русской истории XVII в. (крестьянское восстание под предводительством Степана Разина), с другой – о многочисленных народных сказаниях о жизни атамана. Среди них наибольшей известностью пользовалась и пользуется песня, начинающаяся знаменитыми словами: «Из-за острова на стрежень». Этот последний источник <...> послужил основой для создания фильма, драматургическая хаотичность которого оказывается весьма поучительной»⁹³. Поучительно и то, что первенец отечественного игрового кино сочетает в себе черты и исторического фильма, и экранизации, и приключенческой ленты, и даже музыкальной картины или клипа. Последнее не должно удивлять: 1908 г. – время немого кино, но производитель картины А. О. Дранков заказал известному композитору М. М. Ипполитову-Иванову музыку, а ноты и граммофонную пластинку рассылал вместе с копиями фильма для сопровождения показов⁹⁴.

Проблема обособления и определения исторического направления в игровом кино, существенная уже в первые годы развития кинематографа, остается актуальной и сегодня. Историки, культурологи, искусствоведы и другие исследователи, обращающие свое внимание к фильмам этого направления, пытаются выработать определение игрового исторического фильма. Выявление признаков этого явления и его сущностных черт зависит от избранных критериев. В разных странах и разных научных традициях само понятие истории трактуется неодинаково. Следовательно, к историческим фильмам могут быть отнесены экранные произведения, существенно отличающиеся по содержанию и форме. Кроме того, понятие исторического фильма меняется во времени. В данной статье предпринята попытка осветить общее представление об историческом игровом кинофильме, утвердившееся в отечественной науке. Так же целесообразно связать его с конкретикой, осветить специфику бытования этого понятия в отечественной кинокультуре на одном из важнейших этапов ее развития – этапе 1930#1950#х гг.

В советском энциклопедическом словаре кино дано следующее определение: «Исторический фильм – произведение киноискусства, сюжет которого основан на изображении реальных событий и, как правило, реальных персонажей исторического прошлого»⁹⁵. Данное определение в целом характеризует очевидную специфику фильмов исторического жанра. Хотя отдельные моменты требуют особого внимания. Автор словарной статьи киновед Л. К. Козлов тонко – на уровне употребления слов – отразил в краткой формулировке две большие проблемы. Первая проблема – соотношение истории-реальности и истории-тек-

⁹³ Разлогов К. Э. Мировое кино. История искусства экрана. – М., 2011. – С. 59.

⁹⁴ Соболев Р. П. Люди и фильмы русского дореволюционного кино. – М., 1961. – С. 14.

⁹⁵ Исторический фильм // Энциклопедический словарь кино. – С. 156.

ста. Дважды употребляя в своем определении слово «реальных», Козлов помещает между ними оборот «как правило», указывающий на закономерность и одновременно ставящий ее под сомнение. Кроме того, говорится о событиях и персонажах «исторического прошлого». И в этом вторая проблема – проблема временного промежутка, который позволяет нам воспринимать события прошлого как исторические, позволяет отделить их от современности.

Данные научные проблемы интересно рассмотреть в связи с примерами кинофильмов. Картина «Георгий Саакадзе» советского грузинского режиссера М. Э. Чиаурели (1#я серия вышла в 1942 г.; 2#я – в 1943 г.). Содержание фильма не раскрывало всех перипетий насыщенной событиями жизни военного и государственного деятеля Грузии Георгия Саакадзе (1570–1629 гг.). В картине биография Саакадзе изложена в значительной степени условно. Многие его деяния (даже более позднего периода) привязаны ко времени царствования Луарсаба II, правившего в 1606–1614 гг. Картли – одной из областей Грузии, ставшей основой её государственности. Многие распространенные взгляды, получившие отражение в фильме (незнатное азнаурское происхождение Саакадзе; то, что он привел войска персов в Грузию), ставятся под сомнение и опровергаются. Фильм не дает представления об исторической дистанции между показанными событиями, которая порой измерялась годами. (Впрочем, подобные моменты присущи большинству исторических фильмов).

Многие сцены картины «Георгий Саакадзе» являются историческим текстом, весьма условно относимым к исторической реальности. Но изображение реально существовавших фигур, художественная убедительность, преподнесение под жанровым определением «исторический фильм» заставляют зрителей поверить, что в реальности все происходило так, как показано в фильме. Тем самым история-текст, преподносимая с экрана, воспринимается как историческая реальность. Значительную роль здесь играют исключительные возможности воздействия произведений аудиовизуальной культуры на психику зрителя. Изображение прошлого становится реальным элементом исторического сознания зрителя, формирует его историческую память. Исторический фильм оказывает на зрителя порой даже более сильное воздействие, чем фильмы других жанров. Е. А. Добренко заметил: «Проблема, как представляется, связана с самим жанром исторического фильма: в отличие от мюзикла, драмы или научной фантастики он непосредственно апеллирует к реальности; в нем действуют «реальные исторические личности», в нем совершаются «реальные исторические события», и, наконец, в нем материализуется история»⁹⁶.

Второй пример – фильм братьев Васильевых «Чапаев», повествующий о событиях Гражданской войны. Сегодняшним зрителем он воспринимается как исторический – минуло более девяти десятков лет с изображаемых в нем событий. Но когда он вышел в 1934 г. на экраны, многие события и сама эпоха были недавним прошлым для большинства советских зрителей. И тогда к фильму относились не как к произведению об историческом (далеком) прошлом, а почти как кинокартине о современности. Жанр историко-революционного фильма был в СССР заметно обособлен от исторического, играл свою значительную роль.

Сегодняшний зритель среднего возраста вряд ли назовет историческим фильм о реальных политических событиях 1980#1990#х гг. Таких картин в последнее время прошло по нашим кино- и телеэкранам довольно много (например, фильм «Ельцин. Три дня в августе», реж. А. А. Мохов, 2011 г.). Может быть, такой фильм действительно основан на реальных фактах, но воспринимать его как исторический сложно. Описываемые в нем события – это уже история, но это история, вершившаяся «на нашей памяти», часть собственной биографии большей части населения. Краткость временной дистанции от революционных событий была в СССР 1930#1950#х гг. одной из причин отделения историко-революционных картин от исторических. Хотя по сути одни являлись подвидом других, и вполне осо-

⁹⁶ Добренко Е. А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. – М., 2008. – С. 26.

знавалась их тесная взаимосвязь. Но между данными направлениями советского кино были значительные содержательные и функциональные отличия.

Историческими для этого периода логично рассматривать фильмы об исторических сюжетах, происходивших до 1917 г., о дореволюционных событиях разных веков. Собственно с революции советские идеологи начинали новую историю человечества, совершенно новый ее этап. С середины 1930-х гг. изменялось отношение к дореволюционной истории. Начался поиск не только того, что разделяло Российскую империю и СССР, но и поиск того, что связывало многовековую российскую государственность с первым в мире социалистическим государством. Если перед историко-революционными фильмами всегда стояла задача обосновать необходимость социалистической революции, ее прогрессивное и благотворное значение, то у фильмов о дореволюционном прошлом были более широкие функции. С одной стороны, в них должны были показываться негативные черты прошлого, обосновывающие революционные перемены. С другой стороны, нужно было показывать то прогрессивное, что имело место в прошлом: восстания («Пугачёв», реж. П. П. Петров-Бытов, 1937 г.; «Салават Юлаев», реж. Я. А. Протазанов, 1941 г.); изобретения и открытия, культуру и таланты народа («Первопечатник Иван Фёдоров», реж. Г. А. Левкоев, 1941 г.) и т. д. Международная напряжённость требовала укрепления патриотизма, государственных идеалов. Все это вело к переменам в исторической идеологии. Появлялись фильмы о царях, полководцах, общественных и культурных деятелях («Петр Первый», реж. В. М. Петров, 1-я сер. 1937 г., 2-я – 1939 г.; «Давид-Бек», реж. А. И. Бек-Назаров, 1944 г.; «Давид Гурамишвили», реж. Н. К. Санишвили, И. М. Туманишвили, 1946 г.). Перед этими картинами ставились другие цели, более сложные и неоднозначные, чем задачи уничтожения дореволюционного прошлого.

Советский исторический фильм имел разные, порой противоречащие друг другу функции. Различие задач, ставившихся перед фильмами, тематические и сюжетные отличия вызывали появление специфических наименований. Выделяли порой отраслевые разновидности. Так, кинопроект 1941 г. «Мертвая петля» (о начале русской авиации) некоторые современники называли «историко-авиационным фильмом»⁹⁷. Хотя подобные случаи не так часты, но они были. В то же время в других жанрах советского кино подобное почти не наблюдалось (не делили, например, спортивно-футбольный и спортивно-боксерский фильмы).

Встречаются в источниках многие специфические наименования. Примером могут служить выступления В. И. Пудовкина, датируемые 1945 г. Он говорил о «национально-исторических» фильмах, подразумевая исторические картины, снятые на национальном материале в республиках (кроме РСФСР)⁹⁸. Он говорил о военно-историческом фильме, относя к нему картины о военачальниках («Суворов», реж. В. И. Пудовкин, 1941 г.; «Кутузов», реж. В. М. Петров, 1944 г.) и фильмы о государственных деятелях, правителях и полководцах («Александр Невский», реж. С. М. Эйзенштейн, 1938 г.)⁹⁹. Исторические фильмы о деятелях науки и культуры Пудовкин в одних своих выступлениях обобщал названием историко-биографических (или просто биографических)¹⁰⁰, а в другом выступлении (на обсуждении тематического плана художественных фильмов на 1945 г.) он указывал: «В темплане нет того, чем мы гордимся в области нашей, русской культуры. Как будто бы этому должен был быть посвящен раздел историко-биографический. Кстати, это – неправильное название, оно ничего не определяет. В этом разделе есть один Глинка. Я не вижу науки. Наука отведена в область научно-технического фильма. В разговорах проскальзывали

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 125. Д. 71. Л. 84.

⁹⁸ Пудовкин В. И. Соб. соч. в 3 т. – М., 1974–1976. – Т. 2. – С. 229.

⁹⁹ Пудовкин В. И. Соб. соч. – Т. 2. – С. 235.

¹⁰⁰ Там же. – С. 229, 236.

такие имена, как Ломоносов, Менделеев, Толстой, но чувствовалось, что этим сценариям не придали достойного значения, не собрали их сознательно в крупный раздел, который нужно двигать и организовать»¹⁰¹.

Очевидно, что даже один крупный режиссер и теоретик кино примерно в одно и то же время путался в определениях разных направлений, поджанров и тематических групп советского исторического кино. Как бы то ни было, именно наименование «исторический фильм» было самым распространенным, общим и часто употребляемым в 1930#1940#х гг.

Понятие историко-биографический фильм требует особых уточнений. В основной массе исторические фильмы сталинского времени, так или иначе, основывались на биографиях каких-либо исторических личностей. Большинство названий исторических картин содержат имена собственные. Порой даже более обобщенные и поэтические названия сценариев превращались в конкретные именные названия снятых картин (сценарий 1937 г. «Русь» в итоге воплотился в фильм «Александр Невский» 1938 г.).

Зачастую эту биографичность (выводимую механически из названия) связывают с присущими советской системе вождизмом и культом личности. Безусловно, влияние этих явлений имело место. Вместе с тем, нельзя сводить все причины к этому влиянию. Еще со времен Плутарха биография является одной из ведущих форм любого историописания. Производство киноискусства требует конкретности, образности, целостности. И именно биография героя (будь то вся жизнь или отдельный законченный по смыслу эпизод) является одной из наиболее распространенных основ для создания игрового фильма. Это характерно для кинематографа разных стран. Мировое кино 1930#1950#х гг. повсеместно демонстрировало интерес к конкретной личности, к теме становления и развития человека, судьбе героя. Представляются интересными примеры зарубежных игровых исторических фильмов. Биографическими были киноленты не только в странах с жестким режимом единоличной власти, но и в либерально-демократических государствах. В нацистской Германии были сняты фильмы о Фридрихе II («Старый и молодой король», реж. Г. Штайнхофф, 1935 г.; «Фридрихус», реж. Й. Мейер, 1936 г.; «Великий король», реж. Ф. Харлан, 1942 г.); о Бисмарке («Бисмарк», реж. В. Либенайнер, 1940 г.; «Отставка», реж. В. Либенайнер, 1942 г.). В то же время в США были сняты «Эдисон» (реж. К. Браун, 1940 г.); «Вудро Вильсон» (реж. Г. Кинг, 1945 г.); вышли фильмы о Линкольне («Авраам Линкольн в Иллиноисе», реж. Д. Кромуэлл, 1940 г.; «Молодой мистер Линкольн», реж. Д. Форд, 1943 г.). Британский режиссер А. Корда поставил целый цикл исторических кинобиографий: «Частная жизнь Генриха VIII», 1933 г.; «Жизнь Рембрандта», 1936 г.; «Леди Гамильтон», 1941 г. и др. В 1934 г. Корда поставил фильм о российской императрице «Екатерина Великая». Французский режиссер А. Ганс поставил «Лукреция Борджиа», 1935 г.; «Наполеон», 1935 г. и другие исторические ленты. У. Дитерле – немецкий режиссер, иммигрировавший в США – снял в Голливуде «Повесть о Луи Пастере», 1936 г.; «Жизнь Эмиля Золя», 1937 г. Он был автором и других биографических картин. (Творчество Дитерле освещалось в советской прессе¹⁰² и в значительной степени повлияло на советские историко-биографические картины 1940#1950#х гг.).

Советская кинокритика часто подчеркивала различия между советскими и зарубежными историческими биографиями. В 1949 г. Р. Н. Юренев писал: «Советские и западные биографические фильмы не братья, а лишь однофамильцы»¹⁰³. Для советской государственной кинематографии политические задачи были первостепенными. Создаваемые на частных компаниях, зарубежные картины больше были рассчитаны на экономический успех, что

¹⁰¹ Пудовкин В. И. Собр. соч. – Т. 3. – С. 322.

¹⁰² Авенариус Г. Уильям Дитерле // Искусство кино. – 1939. – № 10. – С. 56–61; Муни П. Самое прекрасное мастерство // Искусство кино. – 1939. – № 6. – С. 34–36. (Пол Муни – исполнитель ролей Пастера и Золя в фильмах Дитерле).

¹⁰³ Юренев Р. Н. Советский биографический фильм. – М., 1949. – С. 51.

вызывало в некоторых из них ориентацию на исторические сенсации, анекдоты, авантюрные или мелодраматические сюжеты и, особо часто, пышность и экзотику костюмов и декораций. Впрочем, все это встречалось и в отечественных кинолентах, так же как пропагандистский заряд (политический, религиозный и др.), который несли в себе многие зарубежные фильмы.

Советский журнал «Искусство кино» перепечатал в 1939 г. статью французского режиссера Ж. Ренуара, в которой он писал: «Современными» фильмами считаются те, где действие происходит в наше время. «Исторические» фильмы должны изображать прошлые времена. Причем, «прошлое» может трактоваться различным образом. Иногда такие фильмы заставляют нас сжиматься от ужаса, иногда заставляют смеяться. Но во всех случаях действие их разворачивается в одну единственную, неизменную эпоху – в «исторические времена» или же, если хотите, «в старые годы», – что может означать все, что угодно, начиная эпохой фараонов до Пуанкаре. Это смешение всех эпох под одним заглавием «старые годы» очень удобно для костюмерш, потому что оно позволяет использовать одно и то же платье с туго затянутым корсетом для одевания Катерины Медичи, «Дамы от Максима», королевы Виктории и Мата Хари»¹⁰⁴.

Цитата известного мастера французского кино показывает многие негативные, и часто комичные, черты исторического кино. И на зарубежных, и на наших студиях иногда использовали антураж одной картины при производстве другой. При просмотре советских игровых исторических фильмов иногда замечается схожее изображение очень разных эпох. Далекие друг от друга исторические периоды воссоздавались порой по канонам «неизменной эпохи исторических времен». «Неизменность» была результатом взгляда на разные века с позиций одного времени – времени постановки фильмов.

Но все эти факты представляют интерес не как повод для иронии. Ориентация на биографию как основу кинопроизведения о прошлом, схожее во многих странах вольное отношение к историческому материалу указывают на параллели в развитии игрового исторического кино на Западе и в СССР. Следовательно, нельзя относить их только к особенностям советской общественно-политической системы. Одновременно и в нашем, и в зарубежном историческом кино 1930#1940#х гг. были исключения из биографической тенденции – например, американская картина «Мятеж на “Баунти”» (реж. Ф. Ллойд, 1935 г.), основанная на реальном факте бунта на английском судне в конце XVIII в., или советский «Крейсер “Варяг”» (реж. В. В. Эйсымонт, 1947 г.).

Наименования «биографический» и «исторический» весьма неоднозначны. Р. Н. Юренев, специально изучая проблему жанров, писал: «Понятие об историческом жанре столь же мало исследовано в нашей теории, как и понятие о жанре биографическом. Поэтому, не задаваясь специальной целью исследования исторических фильмов, трудно установить различие между этими жанрами с допустимой точностью и полнотой. Различие надо искать в том, что биографический фильм показывает исторические события через образ героя. Герой, исторический характер занимают главенствующее положение в произведениях этого жанра. Исторические же фильмы имеют в основе изображение событий. Например, фильм В. Пудовкина и М. Доллера «Минин и Пожарский», хотя и носит типично «биографическое» название – имена героев, но не может быть причислен к биографическим произведениям, так как характеры основных героев занимают второстепенное место, уступая первенство подробному показу событий 1610–1612 гг. – нашествию поляков на Москву и изгнанию вражеских полчищ вооруженным народом»¹⁰⁵. Киновед относил к историческим произведениям и «Александра Невского», а вот фильм «Адмирал Нахимов» (реж. В. И. Пудовкин, 1947 г.) считал

¹⁰⁴ Жан Ренуар о проблеме исторического фильма // Искусство кино. – 1939. – № 4. – С. 60.

¹⁰⁵ Юренев Р. Н. Советский биографический фильм. – С. 223.

биографическим. Но в этих фильмах можно найти немало черт, которые покажут субъективность условного деления, предложенного Р. Н. Юреневым.

В целом, отечественные исследователи советского игрового кино чаще всего называют историко-биографическими исторические фильмы периода 1946–1953 гг. В большинстве своем они были посвящены деятелям науки и художественной культуры, просветителям («Александр Попов», реж. Г. М. Раппопорт, В. В. Эйсымонт, 1949 г.; «Композитор Глинка», реж. Г. В. Александров, 1952 г.). Подобные им фильмы появлялись и незадолго до, и вскоре после означенного периода. Но именно в поздние сталинские годы они соответствовали основным стереотипам кинобиографии, составляли значительную часть в числе выпускаемых картин, были формально и содержательно очень схожими. Это привело к закреплению наименования историко-биографический за отдельным жанровым направлением определенного этапа развития кино в СССР.

В зарубежном игровом кино есть свои особые обозначения поджанров исторического направления. Например, так называемые пеплумы – исторические ленты на сюжеты античной и библейской истории. (В античную эпоху слово «пеплум» обозначало женскую верхнюю одежду).¹⁰⁶ Одним из первых пеплумов была «Кабирия» 1914 г. На протяжении всего XX в. подобные киноколотосы периодически вновь входили в моду. «Гладиатор» (реж. Р. Скотт, 2000 г.) стал началом нового, продолжающегося по сей день подъема популярности пеплумов, являющихся одним из многих поджанров исторического игрового кино.

¹⁰⁶ Разлогов К. Э. Мировое кино. История искусства экрана. – С. 35.

«О правах сочинителей, переводчиков и издателей»: к вопросу о становлении авторского права в России

Михайлов А. А.

аспирант кафедры истории России МПГУ

Немногим более пятисот лет отделяют нас от поворотного момента в истории развития человечества – изобретения Иоганном Гуттенбергом в середине XV в. печатного станка. Это не только ознаменовало новую эпоху промышленного использования литературных произведений, которые до этого копировались путем переписки от руки и не могли распространяться в достаточном количестве, но и имело решающее значение для развития культуры и стимулирования литературного творчества. Оно стало отправным и для авторского права.

Одним из главных показателей цивилизованного общества во все времена было и продолжает оставаться сейчас то, какое внимание уделяется в нем развитию культуры, науки и техники. От того, насколько значителен интеллектуальный потенциал общества и уровень его культурного развития, зависит, в конечном счете, и успех решения стоящих перед ним национальных проблем. Интеграция России в мировое сообщество объективно выводит на первый план проблемы защиты интеллектуальной собственности. Одним из институтов, входящих в систему правовых норм о личных и имущественных правах на результаты интеллектуальной деятельности, которые признаются и охраняются законом, является институт авторского права и смежных прав. В дальнейшем этот институт, для краткости, будет именоваться авторским правом.

Изучение истории развития и реформирования российского авторского права имеет значимость не только познавательного экскурса в историю становления законодательной охраны прав литераторов и издателей, но и позволяет оценить реформы авторского права, проходящие в нашем обществе на современном этапе, с точки зрения исторического опыта. В этой связи обращение к историческим корням отечественного авторского права – своеобразное требование времени.

Российское авторское право в целом принадлежит к семье европейского, континентального права. Тем не менее само авторское право России отличается от истории авторского права других стран не только особенностями государственного характера, но и запоздалым своим появлением. Это объясняется, в первую очередь, тем, что книгоиздательское дело, которое традиционно определяет начало развития авторского права, в России до середины XVIII в. находилось под эгидой государственной монополии. Книги производились зачастую в форме переписки по особому царскому указу¹⁰⁷.

Указом 1771 г. в России было впервые дано разрешение на открытие частной типографии одновременно с введением цензуры на иностранную литературу¹⁰⁸. Однако при этом запрещалось печатать книги на русском языке. В последующие 30 лет указами то разрешалось издание книг на русском языке, то вновь запрещалось (1783, 1796 и 1801 гг.).

До 1816 г. правоотношения авторов и издателей не являлись предметом регулирования законодательства. Отсутствие каких бы то ни было правовых норм, обеспечивающих интересы авторов, приводило неизбежно к полному произволу издателей. Когда, например, А. С. Пушкин готовил новое издание «Кавказского пленника», некий Евстафий Ольдекоп получил от цензурного комитета разрешение на выпуск «Кавказского пленника» с приложением немецкого перевода. По просьбе А. С. Пушкина его отец, С. Л. Пушкин, заявил протест

¹⁰⁷ Савельев И. В. Металогические и теоретические проблемы юридической науки. – М., 1985. – С. 36.

¹⁰⁸ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в РФ. – М., 1996. – С. 36.

против такого разрешения и подал в цензурный комитет жалобу о том, чтобы никакие сочинения сына не печатались «без письменного позволения самого автора». В ответ цензурный комитет сослался на отсутствие такого законодательного положения, которое «обязывало бы входить рассмотрение прав на произведение»¹⁰⁹.

Участившиеся в первой четверти XIX в. случаи явного мошенничества со стороны отдельных издателей, в частности, сознательного введения публики в заблуждение относительно авторов распространяемых книг, вынудили правительство принять соответствующие меры. В 1816 г. Министерством народного просвещения было издано распоряжение о том, чтобы при представлении рукописей на цензуру к ним прилагались доказательства прав издателя на подачу рукописи к напечатанию. С появлением указанного распоряжения вопрос о правах издателя впервые ставился в зависимость от авторского права создателя произведения.¹¹⁰

Одним из первых свидетельств охранения исключительных авторских прав частных лиц, т. е. самих авторов, является положение § 148 Устава императорского Дерптского университета, высочайше утвержденного 4 июня 1820 г., в котором, в частности, определено следующее: «Каждый профессор, узнав наверно, что приславший сочинения на задачи труд другого выдает за собственный, обязан донести о том отдельно, которое, по убедительным доказательствам, выставляет на черную доску имя наглеца (*des Schamlosen*), присвояющего чужой труд»¹¹¹.

На всем протяжении истории развития авторского права в дореволюционной России она была тесно связана с цензурным законодательством, а первый нормативный документ в области авторского права появился в рамках именно законодательства о цензуре. Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., содержал специальную главу, которая называлась «О сочинителях и издателях книг». Указанная глава, состоявшая всего из 5 статей, дополнялась Положением о правах сочинителей, которое служило приложением к Цензурному уставу. Этим законодательным актом авторам и переводчикам предоставлялись исключительные права на воспроизведение, публикацию и распространение своих работ, а также за ними закреплялось право на вознаграждение за использование и тиражирование их работ. Авторское право представлялось автору или переводчику произведения автоматически после создания произведения и не предусматривало никакой регистрации. В § 135 Цензурного устава было установлено исключительное право сочинителя или переводчика книги пользоваться своим изданием всю жизнь, продавая ее по своему усмотрению. Интеллектуальный продукт сочинителя или переводчика приравнялся к имуществу благоприобретенному. Срок авторского права был установлен в 25 лет со дня смерти автора, по истечении которого «его творения, кому бы оные потом ни принадлежали, становятся собственностью публики и всяк может печатать, издавать и продавать оные» (§ 137)¹¹². Согласно § 136 Устава исключительное право в отношении издания распространялось и на законных наследников сочинителя, однако они могли пользоваться этим правом только в течение 25 лет со дня смерти сочинителя, если последний никому иному не завещал свое произведение. Следует заметить, что 25-летний срок пользования исключительным правом Цензурный устав устанавливал только для наследников законных, а не по завещанию¹¹³.

¹⁰⁹ Савельев И. В. Металогические и теоретические проблемы юридической науки. – М., 1985. – С. 200.

¹¹⁰ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в РФ. – М., 1996. – С. 37.

¹¹¹ Кеттен П. И. О выгодах и правах российских писателей. – М., 1826. – С. 9.

¹¹² Цензурный устав (утвержден 22 апреля 1828 г.), содержал специальную главу «О сочинителях и издателях книг», которая дополнялась развернутым «Положением о правах сочинителей» (приложение к Цензурному уставу) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1831. – Т. 5. – С. 475.

¹¹³ Ястребова Е. Ю. К вопросу об истории охранительных правоотношений в сфере авторского права России XIX – начала XX в. // История государства и права, 2007. – № 22.

В принятом 8 января 1830 г. Положении «О правах сочинителей, переводчиков и издателей» впервые дается понятие контрафакции и определяется наказание за это правонарушение, которое предполагало, что контрафактор платит законному издателю вдвое против издержек, нужных для напечатания 1200 экземпляров контрафактного сочинения, считая вдвое против цены, полученной контрафактором за проданные экземпляры, и сверх того все контрафактные экземпляры отбираются в пользу законного издателя. При этом две трети взысканной с контрафактора суммы поступают в пользу законного издателя, а оставшая треть в Приказ общественного призрения. Само деяние было отнесено к преступлениям частного характера, возбуждаемым только по жалобе потерпевшего (§ 35).

Позже были изданы Постановления о музыкальных и художественных произведениях. В частности, 9 января 1845 г. Правила о сочинениях были дополнены постановлениями, относящимися к музыкальной собственности, а 1 января 1846 г. было издано Положение о собственности художественной.

Необходимо отметить еще два важных изменения в законодательстве. В 1857 г., по просьбе вдовы Александра Пушкина, Госсовет продлил срок действия авторского права до 50 лет после смерти автора, и в том же году предметом авторского права стали произведения иностранных авторов, впервые опубликованные на территории России¹¹⁴.

В 1836 г. началась работа по разработке нового уголовного законодательства. Новый проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных был рассмотрен на общем собрании Государственного совета в восьми заседаниях и санкционирован 15 августа 1845 г., а введен в действие 1 мая 1846 г. во всей Империи¹¹⁵. Уголовное уложение 1845 г. содержало три статьи, охраняющие права авторов литературных, художественных и музыкальных произведений. Эти статьи были включены в главу IV, посвященную преступлениям против собственности, а именно «О присвоении и утайке чужой собственности», в четвертом отделении – «О присвоении ученой или художественной собственности».

До конца девятнадцатого столетия в России литературная, художественная, музыкальная собственность рассматривалась как собственность вообще, т. е. аналогично вещному праву. Считалось, что продукт умственного труда ничем не отличается от результата любого физического труда по производству чего-либо. «Продукты труда могут быть: или а) физические, вещные, или б) отвлеченные, умственные. Рождаясь на свете из одного и того же источника, оба эти продукта – одинаково кровные и законные его дети и потому требуют одинакового к ним отношения со стороны остальных членов общежития и пользоваться одинаковыми гарантиями их неприкосновенности»¹¹⁶.

В 70–е гг. XIX в. в России начала формироваться система обществ, объединяющих авторов и осуществляющих сбор авторского вознаграждения за публичное исполнения пьес. Связан этот процесс с именем великого русского драматурга А. Н. Островского.

29 ноября 1870 г. по инициативе А. Н. Островского состоялось собрание драматургов, где было решено не разрешать постановку пьес без согласия автора, либо лица, им уполномоченного. Публичность и платность собрания посчитало необходимыми признаками сценического представления. Так была создана первая в России организация по защите авторских прав, именовавшаяся Собранием драматических писателей. Членами ее стали такие известные писатели, как А. К. Толстой, Г. П. Данилевский, Н. С. Лесков, И. С. Тургенев и др.¹¹⁷ С 1875 г. в члены Собрания стали принимать и композиторов, в связи с чем в назва-

¹¹⁴ Алферова А. Л. Авторское право на литературные произведения в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2001.

¹¹⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. – М., 1994. – Т. 1. – С. 104.

¹¹⁶ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 2. Преступления и проступки против собственности. – СПб., 1876. – С. 386.

¹¹⁷ Авторские общества в России: из XIX в XXI век. – М., 2000. – С. 7.

ние этого общества было внесено изменение, и оно стало именоваться «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов».

С ростом общественного правосознания развитие нового законодательства становилось все более необходимым. В конце XIX в. в России начался этап разработки и принятия новых законов, которые соответствовали бы динамично меняющемуся времени.

Императорским указом от 1897 г. для внесения изменений в уже существующее законодательство была организована специальная комиссия, а 9 лет спустя в 1906 году в Государственную Думу был внесен проект закона «Положение об авторском праве»¹¹⁸, за основу которого был взят немецкий Закон об авторском праве от 1901 г. Новый закон был принят в 1909 г. и окончательно одобрен Николаем II 20 марта 1911 г.

Данный закон явился важным результатом и итогом развития авторского права в Российской Империи.

Он распространил авторское право на географические, топологические, астрономические и иного рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанию, строительные и другие технические планы, рисунки, чертежи, драматические, музыкально драматические, фотографические и подобные им произведения.

Закон впитал в себя лучшие достижения европейского законодательства того времени, а в отдельных положениях и опережал их, хотя в нем и имелись определенные недостатки. Прогрессивность данного закона для России не вызывала сомнений. В нем раскрывались основные понятия – круг охраняемых объектов, срок действия авторского права, вопросы правопреемства, возможные нарушения авторских прав и средств защиты и т. д., а также содержались отдельные главы, посвященные авторским правам на литературные, музыкальные, драматические, художественные фотографические произведения. В особой главе регламентировались основные правила и условия издательского договора. В ст. 9 указывалось, что договоры об отчуждении авторских прав относительно будущих произведений автора сохраняют силу на срок не свыше 5 лет, хотя бы в договоре была установлена большая его продолжительность или бессрочность. Ст. 33 впервые закрепила право авторов на перевод их произведений, которое действовало в течение 10 лет со дня издания оригинала. Законодатель отказался от конструкции «литературная художественная собственность», заменив ее понятием «исключительные права» и т. д.¹¹⁹

¹¹⁸ Свод Законов Российской империи. Свод Гражданских законов. – СПб., 1990. – Т. X. – Ч. I. – С. 61, 291–297.

¹¹⁹ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в РФ. Учебник. – М., 1996. – С. 38.

Конституция австралийского союза и законодательство новой Зеландии периода формирования доминиона: у истоков национальной государственности

Рафалюк С. Ю.

к. и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Эволюция Британской империи во второй половине XIX в. и зарождение в ее переселенческих колониях движения за самостоятельность привели к формированию автономных и равных по своему статусу сообществ – доминионов – сохранивших де-юре свою зависимость от метрополии¹²⁰. Только на имперских конференциях 1926 и 1930 гг. была официально признана их полная самостоятельность в вопросах внутренней и внешней политики, равенство с метрополией в государственно-правовом отношении¹²¹. Одними из первых (вслед за Канадой) статуса доминиона добились Австралия и Новая Зеландия, что нашло отражение в законодательстве.

Конституция Австралийского Союза вступила в силу 1 января 1901 г. Ее принятию предшествовал длительный период борьбы австралийских колоний за самостоятельность. Проложив большой путь от так называемой «колонии обесчещенных» до доминиона, австралийцы, по словам британского историка Пирса Брендона, сумели создать собственную «субкультуру оппозиции», которая в ходе работы общеавстралийских национальных конференций выработала эффективный механизм диалога между метрополией и колониями¹²². Еще в 1840-х гг. видные политические деятели Австралии – У. Уэнтворт, священник Дж. Лэнг, Чарльз Гейвен-Даффи – выдвинули идею федеративного союза колоний, которую поддержали представители британской колониальной администрации – губернатор Нового Южного Уэльса Ч. Фитцрой и госсекретарь по делам колоний граф Грей¹²³. Однако до середины XIX в. эта идея не нашла массовой поддержки у австралийских колонистов: их поселения были слишком разобщенными, чувства национального единства еще не сформировались, а предложения реформ, исходившие из метрополии, вызывали подозрения в предвзятости предлагаемых решений.

Импульс к изменению ситуации создали общеавстралийские конференции 1860–1870-х гг., на которых обсуждались многие спорные вопросы внутренней политики – о таможенных пошлинах, пограничных спорах, режиме эксплуатации бассейна реки Муррей и района Риверина и т. п. Они отразили объективный процесс сближения колоний, подкрепленный бурным экономическим развитием, последовавшим за «золотой лихорадкой», и внешнеполитическим фактором объединения – ростом колониальной экспансии европейских держав (Германии и Франции) в южной части Тихого океана¹²⁴.

В начале 80-х гг. XIX в. предпринимались попытки создания общеавстралийских органов управления. В частности, рассматривался проект создания Федерального совета, в кото-

¹²⁰ Впервые термин «доминион» был введен Имперской конференцией 1926 г., хотя организация власти в форме доминиона в Империи сложилась гораздо раньше.

¹²¹ БСЭ // URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%A1%D0%AD/%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BE%D0%BD/> (дата обращения: 26.11.2011). Данное положение было закреплено Вестминстерским статутом 1931 г., ратифицированным Австралией в 1942 г., Новой Зеландией – только в 1947 г.

¹²² Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. 1781–1997. – М.: АСТ, 2010. – С. 112.

¹²³ Скоробогатых Н. С. Вехи конституционного развития Австралии (1788–2000 гг.). – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 55.

¹²⁴ Там же. – С. 58–59.

ром могли бы решаться вопросы отношений колоний с о-вами Тихого океана, приниматься общие для колоний законопроекты и т. п. Решение об организации такого совета было принято на общеавстралийской конференции в Сиднее (1883 г.) и одобрено британским парламентом в 1885 г. В состав новой организации вошли представители всего четырех колоний – Тасмании, Виктории, Квинсленда и Западной Австралии. Однако уже тогда стало ясно, что принятое решение об объединении носит промежуточный характер, поскольку Федеральный совет не являлся избираемым органом, а назначался правительствами вошедших в него колоний, он не обладал реальной властью и не имел собственного бюджета¹²⁵.

Проекты создания единой федеральной конституции обсуждались на конференциях 1890 г. (Мельбурн) и 1891 г. (Сидней), в ходе конференции премьеров австралийских колоний в 1895 г. в Хобарте. Участие в их работе принимали представители шести австралийских колоний и Новой Зеландии, рассматривавшей возможность вхождения в федерацию. Первая конституционная конференция выработала основы будущего федеративного союза, отказавшись от идеи республиканизма и провозгласив главой будущей федерации британского монарха, с условием его ограниченных полномочий, как это было и в самой метрополии. Вторая конференция в целом завершила проект Конституции и направила его на рассмотрение в парламенты колоний.

Последние совершенно по-разному рассматривали перспективы и выгоды объединения, поэтому в работе третьей общеавстралийской конференции 1897–1898 гг. вообще не приняла участия колония Квинсленд, отказалась от движения за федерацию и Новая Зеландия. Однако представителям колоний, несмотря на горячие споры, удалось с помощью серии компромиссов достичь договоренностей и по финансовому вопросу (75 % всех собираемых налогов должны были возвращаться субъектам федерации согласно их пропорциональному участию в формировании бюджета), и в вопросе о таможенных тарифах (на внешнем рынке утверждался протекционизм, на внутреннем сохранялась свобода торговли), и по проблеме представительства в парламенте (членство в верхней и нижней палатах предусматривалось в пропорции 1 к 2), и в механизме рассмотрения споров в процессе принятия законопроектов¹²⁶.

После выработки основного текста Конституции вопрос о создании федерации был передан на всенародное обсуждение. В результате серии референдумов 1898–1899 гг. и конференции премьеров колоний в Мельбурне (1899 г.), принявшей ряд компромиссных конституционных поправок, колонии Новый Южный Уэльс, Виктория, Тасмания, Южная Австралия и Квинсленд, наконец, одобрили проект Конституции, после чего он был направлен на утверждение в Англию. Только Западная Австралия еще какое-то время занимала особую позицию в вопросе о необходимости сохранения выгодных для ее экономики старых тарифов на импортируемые из других колоний товары, поэтому она провела референдум лишь в конце июля 1900 г., боясь не попасть в число первоначальных членов-учредителей Австралийского Союза¹²⁷.

Британское правительство в целом поддержало австралийское движение за федерацию, надеясь с его помощью не допустить полного отделения этих территорий от метрополии, а также стремясь возложить на местное правительство ответственность за проведение внутренней политики и защиту от внешней угрозы. Британский министр колоний Д. Чемберлен внес в одобренный большинством белого населения Австралии проект Конституции пять поправок, ограничивших самостоятельность федерации и отдельных ее субъектов в области законодательной деятельности, и частично – во внешней политике. После этого обновлен-

¹²⁵ Малаховский К. В. История Австралии. – М.: Наука, 1980. – С. 132–135.

¹²⁶ Скоробогатых Н. С. Указ. соч. – С. 65–69.

¹²⁷ Малаховский К. В. Указ соч. – С. 138–139.

ный текст основного закона Австралийского Союза (АС) был одобрен Британским парламентом и соответствующим королевским указом, и введен в действие на территории Австралии.

У Конституции Австралийского Союза (КАС) было множество комментаторов, начиная с момента ее создания. Многие сравнивали ее с существовавшими аналогами, в частности, с Конституциями США и Канады, немаловажное место в анализе уделялось также степени влияния британской политической традиции на федеративное устройство Союза. Чтобы правильно оценить значение принятия данного документа, важным для нас представляется сравнение основного закона АС с законодательством его ближайшего соседа – Новой Зеландии, которая также в исследуемый период шла по пути создания доминиона.

«Акт о конституции Австралийского союза» состоял из преамбулы, содержащей общие положения о статусе нового федеративного союзного образования, восьми глав, 128 статей и краткого приложения, включающего текст присяги и заверения в преданности монархии Великобритании.

Первая глава, посвященная функциям, порядку выборов и деятельности парламента, содержала общие постановления о составе законодательной ветви власти и порядке ее работы, о сенате, палате представителей, взаимодействии обеих палат, общих правах и прерогативах парламента. Вторая была посвящена структуре и полномочиям исполнительной власти, третья – составу и принципам функционирования судебной системы Австралийского Союза. Четвертая трактовала вопросы финансов и торговли, пятая – права и прерогативы штатов, шестая – порядок принятия в союз новых штатов, седьмая – различные вопросы, которые не нашли отражения в предыдущих главах, и восьмая – порядок изменения действующей Конституции. Как видно уже из самой структуры документа, он во многом опирался на опыт американских законодателей: Конституция США выстроена аналогично и также основывается на принципах федерализма, представительного правления, верховенстве закона. У США было заимствовано само название палат (палата представителей и Сенат), принципы голосования и ротации в Сенате (по 1 голосу от сенатора – гл. 1, отд. 2, ст. 23; палата делилась на равные части, действующими являлась только часть сенаторов, затем их места становились вакантными через четко обозначенный промежуток времени – гл. 1, отд. 2, ст. 13), принцип выборов в нижнюю палату парламента (пропорционально численности населения – гл. 1, отд. 3, ст. 24), административное деление страны на штаты во главе с губернаторами, федеральное законодательство превалировало над законодательством штатов при том, что в каждом из штатов сохранялись свои конституции в таком виде, какими они были до вступления в Союз (гл. 5, ст. 106–109)¹²⁸.

Австралийские законотворцы сделали шаг вперед по сравнению с создателями Конституции США, изначально установив прямые выборы в сенат¹²⁹. В то же время в основном законе страны, также, как и в Конституции Соединенных Штатов, был заложен принцип расового неравноправия, но в данном случае прямо указывалось, что представители определенных рас могут быть «лишены права голосовать при выборах в наиболее многочисленную палату парламента штата» и, соответственно, не должны учитываться при определении нормы представительства с союзную палату (гл. 1, отд. 3, ст. 25), в статье 127 (глава 7 – «разное») недвусмысленно говорилось, что «при подсчете численности населения союза или в штатах, или в какой-либо другой части союза туземцы данных мест не будут учитываться»¹³⁰.

¹²⁸ См.: Акт о конституции Австралийского союза, 1900 // Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия. – М.-Л.: Государственное соц. – эк. издательство, 1936. – С. 53–59, 79.

¹²⁹ Там же. – С. 54.

¹³⁰ Там же. – С. 58, 82.

Эти пункты Конституции контрастировали с положением дел в Новой Зеландии, где маори, правда, с особыми оговорками, в этот период уже имели избирательные права. Коренное население согласно постановлению избирательного акта о выборах 1893 г. выдвигало четырех своих представителей в нижнюю палату новозеландского парламента, а в случае обладания годовым доходом в 25 ф. ст. маори мог претендовать на депутатское место на общих основаниях с представителями «белого» населения страны, но терял право быть представителем от своего народа¹³¹.

Система управления Австралийского Союза базировалась на традициях британского смешанного правления, где в структуру парламента включается монарх, олицетворяя не исполнительную власть, а символизируя единство всех органов управления страной¹³². В тексте конституции так и было обозначено: «Законодательная власть союза будет принадлежать союзному парламенту, который будет состоять из королевы, сената и палаты представителей»¹³³. Представителем британской монархии и главой исполнительной власти в АС являлся назначаемый ею генерал-губернатор, выполнявший «такие права и функции королевы, какие ее величеству будет угодно предоставить ему», «но с соблюдением настоящей конституции» (гл. 1, отдел 1, ст. 2)¹³⁴. Ему выплачивалось неизменное денежное вознаграждение от имени Королевы, но из средств, выделяемых Консолидированным доходным фондом союза. Остальные должности в структуре исполнительной власти (члены исполнительного совета (executive government), министры и др. чиновники) назначались генерал-губернатором по своему усмотрению (гл. 2). Полномочия генерал-губернатора были довольно велики: являясь проводником интересов Британской империи, он своим решением устанавливал период рабочих сессий парламента и мог распустить Палату представителей (гл. 1, отд. 1, ст. 2), хотя порядок выборов и общие принципы деятельности парламента оставались неизменными на основе принятой Конституции, как представитель Королевы он являлся Главнокомандующим военно-морских и сухопутных сил страны (гл. 2, ст. 68), назначал и увольнял судей Верховного суда и прочих судов АС (гл. 3, ст. 72), а также членов междуштатной комиссии по торговле и обмену между штатами (гл. 4, ст. 101)¹³⁵.

За парламентом закреплялось право издания законов на основании принятой Конституции по всем направлениям политики страны, предусматривался механизм принятия решения по законопроекту в случае разногласий между Сенатом и палатой представителей, согласно которому в случае неразрешимости противоречий генерал-губернатор имел право распустить парламент; любой законопроект проходил процедуру утверждения короной либо лично, либо в лице генерал-губернатора (гл. 1, отд. 5)¹³⁶.

Судебная власть осуществлялась судами пряжных, численность которых определялась парламентом. Верховный суд являлся преимущественно апелляционной инстанцией, за исключением случаев, описанных в статье 76 (гл. 3). Особо отмечалась незыблемость королевской прерогативы в разрешении прямой апелляции на решения Верховного суда, кроме тех случаев, которые касаются «взаимных пределов конституционной власти союза

¹³¹ Акт о конституции Новой Зеландии // Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия. – М.-Л.: Государственное соц. – эк. издательство, 1936. – С. 224–225.

¹³² В качестве составной части парламента монарх наделен правом санкционирования одобренных обеими палатами законопроектов. Без королевского одобрения ни один законопроект в Великобритании не может стать законом, а парламент не наделен механизмами, позволяющими ему преодолеть вето монарха. См.: Ковалев И. Г. Экономика и современное государственно-политическое устройство Великобритании. – М.: Издательство «Перо», 2011. – С. 339–340.

¹³³ Акт о конституции Австралийского союза... – С. 53.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. – С. 68–69, 79.

¹³⁶ Там же. – С. 63–67.

или какого-либо штата, или каких-либо штатов, или взаимных пределов конституционной власти двух или более штатов»¹³⁷.

Очевидно, что Конституция Австралийского Союза вобрала в себя многое из того, что на тот момент могла предложить западная либеральная модель конституционного устройства и что, так или иначе, было испробовано в действующей политической практике. Но, наряду с достоинствами, она имела и очевидные недостатки, главный из которых – фактическая зависимость Австралийского Союза от метрополии. Это была конституция доминиона, а не самостоятельного государства, несмотря на многие демократические принципы, заложенные в документе. Власть генерал-губернатора явно доминировала над другими структурами власти: он мог решать судьбу любого законопроекта, принятого парламентом, вплоть до резервирования, а британский монарх имел право абсолютного вето на любой закон Австралии в течение года с момента его принятия (гл. 1, ст. 58, 59). Замещение вакансий в Сенате также контролировалось генерал-губернатором (гл. 1, ст. 19, 21).

Многие противоречивые положения Конституции объяснялись не только влиянием метрополии, но были продиктованы требованием текущего момента – необходимостью достижения компромиссов между различными частями страны, которые во многом носили временный характер, и представителями элит. Поэтому уже сразу после своего создания Конституция потребовала принятия дополнительного поддерживающего и корректирующего законодательства, что и произошло в первые десятилетия после ее ратификации. В частности, в 1901 г. были приняты поправки, ограничившие полномочия генерал-губернатора назначать должностных лиц, контролировать их продвижение по служебной лестнице, он лишился права создания новых правительственных служб¹³⁸.

Исторический опыт обретения Новой Зеландией статуса доминиона во многом был схож с австралийским, однако, имел собственные уникальные черты. Главным отличием является унитарный характер государства, сложившегося в результате движения за самостоятельность. Еще задолго до официального образования доминиона в 1907 г., Новая Зеландия фактически получила самоуправление. Этому способствовал быстрый рост новозеландской экономики (высокая товарность овцеводческого и мясомолочного хозяйств, развитие транспортной системы, наличие мелких предприятий в городах), продукция которой пользовалась огромным спросом в метрополии. Экономические успехи вызывали дополнительный приток эмигрантов, селившихся преимущественно в городах¹³⁹. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в Новой Зеландии была принята серия актов, дополнявших друг друга, об учреждении органов власти, их полномочиях и принципах формирования, об избирательных правах различных категорий населения и т. п. Создавалось генеральное собрание, состоявшее из губернатора, законодательного совета и палаты представителей¹⁴⁰.

Данная система, как и австралийская, копировала в своей основе британский образец правления. Акт о парламентских привилегиях 1865 г. обозначил преемственность британской и новозеландской судебной систем, подчеркнув значение прецедентного права; он охарактеризовал функции парламента колонии как правопреемника британского парламента¹⁴¹. Актом от 30 июня 1852 г. законодательно устанавливались права и обязанности губернатора Новой Зеландии, который являлся представителем монархии, и его полномочия были даже шире, нежели у генерал-губернатора Австралии: он имел право назначения членов законо-

¹³⁷ Там же. – С. 70–71.

¹³⁸ *Скоробогатых Н. С.* Указ. соч. – С. 74.

¹³⁹ Изначальный приток белых поселенцев был обусловлен, как и в Австралии, «золотой лихорадкой» и возможностью дешевого приобретения земли.

¹⁴⁰ Акт о конституции Новой Зеландии // ... – С. 222.

¹⁴¹ Акт о парламентских привилегиях 1865 г. // Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия. – М.-Л.: Государственное соц. – эк. издательство, 1936. – С. 228–229.

дательного совета, фактически являвшегося верхней палатой парламента. Последние назначались сроком на 7 лет¹⁴². Губернатор обладал правом законодательной инициативы и правом отлагательного вето (до рассмотрения короной) на законопроекты, разработанные парламентом, корона же, в свою очередь, сохраняла за собой право отменить и решение новозеландского парламента, и решения утвердившего закон губернатора¹⁴³. Органом, через который реализовывался принцип народного суверенитета, являлась палата представителей, избиравшаяся каждые 3 года. В ней было четко определено количество депутатов: первоначально от 24 до 42, а по актам 1887 г. – до 80 членов, 4 из которых избирались от маори¹⁴⁴.

Кажется удивительным, что история переселенческого общества Новой Зеландии, начавшаяся в 1840 г., по существу представляла собой историю успешных поступательных преобразований, которые во многом к началу XX в. опередили и по темпам, и по результатам начинания своих европейских прародителей, а отчасти – старшего брата: Австралийский Союз. Наиболее наглядной иллюстрацией этой стремительной эволюции является реформирование избирательной системы. Изначально избирательным правом пользовались в Новой Зеландии британские подданные (или натурализованные) мужского пола, начиная с 21 года и обладавшие недвижимым имуществом на сумму не менее 25 ф. ст., но в 1893 г. равные избирательные права получили все представители «белой расы», постоянно проживавшие в Новой Зеландии, в 1896 г. был полностью отменен имущественный ценз на выборах в нижнюю палату парламента, вводилось пассивное избирательное право для женщин, и изменились избирательные права маори, о чем уже шла речь выше¹⁴⁵. В Акте о парламентских привилегиях 1865 г. утверждалась депутатская неприкосновенность¹⁴⁶.

Демократизм новозеландской системы, даровавшей избирательные права женщинам и представителям коренного населения, объяснялся не только «влиянием» Старого и Нового света, где развернулось движение за эмансипацию женщин и также шел процесс реформирования системы выборов в представительные органы власти. В условиях роста азиатской иммиграции для поступательного развития парламентских институтов важен был голос каждого избирателя, который не был связан с азиатской диаспорой. Немаловажную роль сыграла в этом вопросе и деятельность рабочих организаций, добивавшихся введения всеобщего избирательного права и активно выступавших за запретительные законы на въезд мигрантов из Азии. Сторону же маорийских избирателей фактически поддержала метрополия, уставшая от постоянных обвинений в расизме, сохранявшемся в Британской империи, несмотря на то, что рабство было отменено еще в 1829 г. Серия англо-маорийских вооруженных конфликтов (с 1843 по 1872 гг.) поставила коренных жителей Новой Зеландии в особое положение, несравнимое с положением австралийских аборигенов: несмотря на то, что численность маори в результате этих войн значительно сократилось, они представляли собой силу, с которой необходимо было считаться ради сохранения гражданского мира. Корона также объявляла себя гарантом имущественных прав маори, но только в такой степени, которая не ограничивала бы права белых на этих территориях¹⁴⁷.

Мы видим, что пути эволюции австралийской и новозеландской государственности во второй половине XIX в. были в значительной степени похожими. Объединившиеся австралийские колонии и выбравшая самостоятельный путь Новая Зеландия стали доминионами с однотипной системой управления и зависимостью от Великобритании, которая про-

¹⁴² Акт о конституции Новой Зеландии... – С. 222–223.

¹⁴³ Акт о парламентских привилегиях 1865... – С. 231.

¹⁴⁴ Акт о конституции Новой Зеландии... – С. 224.

¹⁴⁵ Там же. Активное избирательное право женщины получили в 1919 году.

¹⁴⁶ Акт о парламентских привилегиях 1865 г... – С. 229.

¹⁴⁷ Там же. – С. 234–235.

должала оказывать как прямое, так и косвенное воздействие на их развитие. Впрочем, все английские переселенческие общества в той или иной степени оказались подвержены влиянию британских образцов, что было связано с сохранением тесных связей с метрополией – экономических, внешнеполитических, духовных. Даже Соединенным Штатам, добившимся самостоятельности еще в XVIII в., не удалось избежать определенного влияния традиции. Значительная степень зависимости Австралийского Союза и Новой Зеландии от британских политико-правовых установлений определялась именно их юридическим положением в структуре Британской империи: в процессе дальнейшего совершенствования законодательства, вплоть до ратификации Вестминстерского статута, британское право здесь доминировало над местным, т. е. доминион мог издавать законы, относящиеся исключительно к нему, а английский парламент имел право принимать законы, относящиеся ко всем доминионам. «Если же законы, принятые парламентом доминиона противоречили законам, принятым английским парламентом, то они всегда могли быть признаны недействительными»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Зимулина Л. А. Эволюция национальной государственности британских доминионов // Британская империя в XX веке. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. – С. 73.

Поиск путей пресечения незаконного оборота наркотиков в рамках конвенции ООН 1988 года

Харина Е. А.

магистрант исторического факультета МПГУ

В современном глобализованном мире международное сообщество оказалось перед лицом проблем, затрагивающих как жизнь отдельных людей, так и всего человечества. Данная статья посвящена проблеме поиска путей борьбы с незаконным оборотом наркотиков как одной из наиболее опасных реалий транснациональной преступности.

Публикация базируется на исследовании «Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.» (United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (Vienna, 20 December 1988). – NY: United Nations – Treaty Series, 2001. – Vol. 1582). Выбор данного документа в качестве основного источника обусловлен тем, что Конвенция 1988 г. стала важным звеном в совокупной цепочке последующих международных правовых документов, внесших вклад в борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Публикация также основывается на анализе документов, изданных ООН, таких как «Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г.» (United Nations Single Convention on Narcotic Drugs (New York, 30 March 1961) that Convention as amended by the 1972 Protocol Amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 (New York, 25 March 1972). – NY: United Nations – Treaty Series, 1984. – Vol. 976), «Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 г.» (United Nations Convention on Psychotropic Substances (Vienna, 21 February 1971). – NY: United Nations – Treaty Series, 1984. – Vol. 1019), «Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.» (United Nations Convention on the Law of the Sea (Montego Bay, 10 December 1982). – NY: United Nations – Treaty Series, 1994. – Vol. 1834).

Для того чтобы понять не только содержание, но и значение Конвенции ООН 1988 г., необходимо сначала кратко охарактеризовать масштаб угрозы, которую представляет распространение и употребление наркотических веществ.

С медицинской точки зрения употребление наркотиков – фактор развития таких опасных заболеваний, как наркомания и ВИЧ. Бурный рост наркотической зависимости стал причиной увеличения смертности в мире. Ежегодно от злоупотребления наркотическими веществами умирают и становятся инвалидами сотни тысяч людей¹⁴⁹. Лечение и перевоспитание в специализированных клиниках не снижает риска возвращения наркомана к прежнему образу жизни. Система здравоохранения также сталкивается с серьезными экономическими трудностями. Она не может покрыть расходы на разработку эффективных методов лечения и их реализацию для всех наркозависимых, нуждающихся в целом комплексе дорогостоящих, но не всегда эффективных процедур.

В социальном отношении распространение наркотиков обусловлено нестабильностью общественных институтов. Велик спрос на наркотики в развитых странах, где они являются и средством проведения досуга для элитарной части общества, и способом «бегства» от психологических, физиологических и социальных проблем для «низов». В развивающихся же странах складывается иная ситуация. Бедность и общественная неустойчивость становятся причинами увеличения числа лиц, задействованных в производстве и потреблении наркотиков. Для крестьян, выращивающих наркокультуры или работающих на подпольных фаб-

¹⁴⁹ Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах // Internet: www.kaivg.narod.ru/

риках по их обработке, нелегальный наркобизнес является, порой, единственным способом выжить. Этот фактор, в свою очередь, снижает уровень занятости в легальных сферах трудовой деятельности.

Незаконный оборот наркотиков серьезно усложняет криминогенную обстановку. Наркомафия, тесно связанная со многими другими видами противозаконного бизнеса, превратилась в хорошо организованный отряд международной преступности. Подпольные наркосиндикаты финансируют терроризм и нелегальные поставки оружия, что оказывает негативное влияние на все сферы жизни мирового сообщества.

Коррупция и угрозы физической расправы со стороны наркокриминальных структур заметно тормозят работу сотрудников спецслужб и внутренних дел в их правоохранительной деятельности. Сложность поимки членов наркомафии и разгрома преступных наркосиндикатов заключается в их хорошей организации и «железной» дисциплине, нелегальном характере деятельности и баснословных сверхприбылях, позволяющих осуществлять подкуп практически любых должностных лиц. Кроме того, фактором, способствующим неуязвимости наркобизнеса, стало появление и развитие новых информационных технологий. Многоходовые и трудно раскрываемые в сети Интернет операции позволяют совершенствовать работу преступного механизма на стадии «отмывания» денег и легализации доходов, полученных от реализации наркотиков.

Экономический и политический ракурсы наркобизнеса тесно переплетаются в вопросах, касающихся проблемы незаконного оборота наркотических веществ. Благоприятные условия для развития наркобизнеса имеют государства, неспособные осуществлять эффективный контроль над территорией, где выращиваются наркокультуры. В странах, где государственный аппарат глубоко коррумпирован, и власти получают прибыль с незаконного оборота наркотиков, наркобизнес развивается почти беспрепятственно. Более того, наркомафия там активно вмешивается в политическую и экономическую жизнь.

В связи с угрозами, которые несет незаконный оборот наркотиков, мировое сообщество озабочено проблемой поиска путей его пресечения. Подобные поиски велись на протяжении всего XX века. Ведутся они и до сих пор.

Так, в 1909 г. была создана Шанхайская опиумная комиссия, пытавшаяся найти пути ограничения ввоза наркотиков из азиатских стран.¹⁵⁰ В 1912 г. в Гааге было подписано первое международное соглашение о контроле над незаконным оборотом наркотиков – Международная конвенция по опиуму. В последующие годы было принято еще несколько документов, регламентирующих проблему незаконного оборота наркотиков. Среди них выделяются: Соглашение относительно производства опиума для курения, внутренней торговли им и его использования от 11 февраля 1925 г. (Женева); Международная конвенция по опиуму от 19 февраля 1925 года (Женева); Конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств от 13 июля 1931 г. (Женева); Соглашение об установлении контроля над курением опиума на Дальнем Востоке от 27 ноября 1931 г. (Бангкок); Конвенция о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами от 26 июня 1936 г. (Женева); Протокол от 11 декабря 1946 г. о внесении изменений в соглашения, конвенции и протоколы о наркотических средствах, заключенные в Гааге 23 января 1912 г., в Женеве 11 февраля 1925 г., 19 февраля 1925 г. и 13 июля 1931 г., в Бангкоке 27 ноября 1931 г. и в Женеве 26 июня 1936 г. (Лейк Соксес, Нью-Йорк); Протокол от 19 ноября 1948 г., распространяющий международный контроль на лекарственные вещества, не подпадающие под действие Конвенции от 13 июля 1931 г. об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств, с изменениями, внесенными в нее Протоколом, под-

¹⁵⁰ Федоров А. В. К столетию Шанхайской Опиумной комиссии 1909 года / Снижение вреда. Россия. – М.: Всероссийская сеть снижения вреда, 2009. – № 2. – С. 5 // Internet: www.harmreduction.ru/files/harm_reduction_russia_N2_2009.pdf

писанным в Лейк Соксес 11 декабря 1946 г.; Протокол об ограничении и регламентации культивирования растения мака, производства опиума, международной и оптовой торговли им и его употребления от 23 июня 1953 г. (Нью-Йорк); Единая конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.) с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (с изменениями от 25 марта 1972 г.)¹⁵¹, регламентирующая производство наркотических веществ в медицинских и научных целях и предотвращение проникновения их на незаконный рынок сбыта; Конвенция о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 г.)¹⁵², устанавливающая контроль за изготовлением психотропных средств.

Каждый из перечисленных документов представлял собой ответ на вызов криминальных структур международного наркобизнеса в конкретных обстоятельствах времени. Однако совершенствование качественной стороны и количественных объемов наркопроизводства в 1970–1980-е гг. требовали от мирового сообщества всё более адекватных мер по борьбе с наркопреступностью.

В последней четверти XX в. в связи с нараставшей экспансией наркобизнеса продолжалась разработка правовых документов по его пресечению. Одним из важнейших подобных документов стала Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая в Вене 19 декабря 1988 г. Данный документ выдвигал цель заключить всеобъемлющую, эффективную и действенную международную конвенцию, препятствующую развитию транснациональной преступной деятельности, для координации общих усилий в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В соответствии с Конвенцией 1988 г. международное сообщество в лице ООН предлагало целый ряд мер пресечения подобной деятельности.

Как и положено любому правоустанавливающему документу, Конвенция определяет контуры предмета, с которым предлагается вести борьбу. Статья 3 даёт перечень всех видов правонарушений, подпадающих под разряд преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и предлагает ввести соответствующие санкции с целью признания перечисленных преступных деяний уголовно наказуемыми. Например, в п. 1 признаются преступлениями производство, изготовление, предложение с целью продажи, транспортировка оборудования, предназначенного для производства наркотических веществ, и другие правонарушения¹⁵³.

В Статье 4 и в Статье 5 (п. 4) определяются основные позиции по установлению юрисдикции Сторон, подписавших Конвенцию, в отношении правонарушений, приведённых в Статье 3, с целью исполнения законного правосудия. Так, в целях пресечения использования преступником наркотических средств, материалов и оборудования, а также доходов, полученных в результате совершения правонарушения, в Статье 5 (п. 1–3) предлагается полная конфискация всего вышеперечисленного в судебном порядке¹⁵⁴.

Учитывая международный характер наркобизнеса, Конвенция 1988 г. предусматривает возможность миграции преступников. Для предотвращения укрывательства на территории другой страны в Статье 6 оговариваются правила выдачи правонарушителя. При этом также

¹⁵¹ Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 1984. – Vol. 976.

¹⁵² Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 1984. – Vol. 1019.

¹⁵³ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 2001. – Vol. 1582. – С. 262–266.

¹⁵⁴ Там же. – С. 266–272.

появляются основания для отказа от выдачи, связанные с нарушением внутреннего законодательства отдельных государств¹⁵⁵.

Для улучшения процедур расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства в Статьях 7, 8 и 9 (п. 1) оговаривается процесс оказания Сторонами взаимной юридической помощи, заключающейся в сборе информации, доказательств, соответствующих документов и показаний, производстве обысков и арестов, а также другие формы сотрудничества.

В пп. 2 и 3 Статьи 9 уделяется внимание проблеме разработки и усовершенствования программ исследований и подготовки кадров, отвечающих за пресечение правонарушений в области незаконного оборота наркотиков. Предлагается улучшить качество изучения и проверки наркотрафика – маршрутов ввоза и вывоза контролируемых (также Статья 11) и неконтролируемых поставок наркотических средств. Предписывается также повысить эффективность методов выявления правонарушений и, что особенно важно, необходимость наблюдения за обращением нелегальных доходов¹⁵⁶.

С целью пресечения незаконного оборота наркотиков на территории государств транзита, в особенности развивающихся стран, в Статье 10 данного документа предлагается оказание финансовой помощи вышеобозначенным государствам для расширения и укрепления инфраструктуры, а также осуществление программ технического сотрудничества¹⁵⁷.

В Статье 12 (п. 8) и в Статье 13 для предотвращения утечки веществ, включенных в Таблицу I и Таблицу II Конвенции, материалов или оборудования, используемого для их изготовления, рекомендуется при помощи лицензий осуществлять контроль над лицами и предприятиями, участвующими в процессе производства и распространения таких веществ. В пункте 9 подпунктах «а» и «б» Статьи 12 предлагается создать систему мониторинга международной торговли наркотическими средствами и с ее помощью обеспечивать изъятие веществ, предназначенных для использования в целях изготовления наркотиков и психотропов. С целью пресечения незаконного импорта или экспорта в подпункте «д» данного пункта, а также в Статье 16 Конвенции вводится жесткое требование надлежащей маркировки и предъявления необходимой документации в таможенных зонах государств¹⁵⁸.

Для повышения эффективности усилий по искоренению незаконного выращивания наркосодержащих растений, а также для ликвидации спроса на наркотические средства и психотропные вещества в Статье 14 (пп. 3 и 4) предлагается оказать помощь научному и техническому развитию сельских районов для обеспечения экономически эффективных альтернатив нелегальному культивированию наркосырья¹⁵⁹.

Известно, что в качестве одного из каналов наркотрафика используются транспортные средства коммерческих перевозчиков. С целью предотвращения этого способа транзита наркотиков Статья 15 Конвенции рекомендует проводить обучение сотрудников соответствующих служб. Они должны уметь выявлять подозрительные грузы и лиц, подозреваемых в участии в наркотрафике. Для этого им надлежит использовать надежные пломбы на контейнерах с грузом и требовать заблаговременное представление грузовых деклараций¹⁶⁰.

В Статье 17 регламентируется деятельность государств по пресечению незаконного оборота наркотиков на море. Предлагается осуществлять досмотр судов, подозреваемых в преступном деянии, запрашивать регистрацию и принимать надлежащие меры в случае

¹⁵⁵ Там же. – С. 272–274.

¹⁵⁶ Там же. – С. 274–282.

¹⁵⁷ Там же. – С. 281.

¹⁵⁸ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 2001. – Vol. 1582. – С. 281–287, 290.

¹⁵⁹ Там же. – С. 287–288.

¹⁶⁰ Там же. – С. 288–289.

выявления доказательств правонарушения¹⁶¹. Однако любые предпринимаемые действия не должны нарушать правил, регламентируемых международным морским правом¹⁶².

В целях пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в зонах свободной торговли и в свободных портах в Статье 18 Конвенции рекомендуется осуществлять контроль за передвижением людей и грузов и, в случае необходимости, проводить досмотр подозрительных объектов. Предлагается также создать систему проверки в портах, аэропортах и пограничных пунктах.

Для предотвращения использования такого канала незаконного наркотрафика, как почта, Статья 19 предписывает внедрение технологий обнаружения в почтовых отправлениях наркотических веществ. Рекомендуется принять законодательные меры, позволяющие использовать данные вещества в качестве доказательств, требующихся для уголовного преследования¹⁶³. Проанализировав текст международной Конвенции 1988 г. с точки зрения опасного характера незаконного оборота наркотиков, можно определить значение данного документа. Мы выделяем в качестве несомненных достоинств Конвенции 1988 г. следующее:

- определение всех, существовавших в то время, видов правонарушений в разряде незаконного оборота наркотиков;
- постановку вопроса о конфискации средств производства и доходов от преступного бизнеса;
- конкретизацию форм международного сотрудничества по взаимной юридической помощи сторон, присоединившихся к Конвенции;
- повышение внимания к отслеживанию нелегальных доходов;
- расширение ареала сотрудничества со странами-наркотрафикантами в форме оказания им финансовой помощи;
- первую в международной практике постановку вопроса о создании системы мониторинга международной торговли наркотиками;
- выдвижение предложения о поиске альтернативных видов деятельности для людей, стоящих на нижней ступени наркобизнеса – производителей наркосырья.

Вышеизложенное позволяет признать, что Конвенция ООН 1988 г. стала большим шагом вперед в организации борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Она способствовала укреплению международного сотрудничества, модернизации национального законодательства государств, установила контроль за прекурсорами, определила обстоятельства, отягчающие правонарушения в данной сфере. В Конвенции, впервые в международной практике, предусматривались «контролируемые поставки», представляющие собой метод, при котором под надзором спецслужб допускается вывоз, провоз или ввоз на территорию одной или нескольких стран партий наркотиков в целях выявления правонарушителей.

Взгляд на изучаемую проблематику с современных позиций начала второго 10#летия XXI в. показывает, что, несмотря на все научно-технические новшества, используемые наркомафией, Конвенция 1988 г. не потеряла своей актуальности и до сих пор представляет собой ключевое международное руководство по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в условиях глобализации.

В настоящее время в мире сформировалась четкая система организаций, выполняющих функции надзора, контроля и пресечения противоправных действий в области незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Ее основу составляют специаль-

¹⁶¹ Там же. – С. 290–292.

¹⁶² Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 1994. – Vol. 1834.

¹⁶³ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. – NY: United Nations – Treaty Series, 2001. – Vol. 1582. – С. 290–293.

ные учреждения ООН, такие как Комиссия по наркотическим средствам (функциональная комиссия ЭКОСОС), Международный комитет по контролю за наркотическими средствами (МККН), Управление по наркотикам и преступности (ЮНОДК), включающее в себя Программу по международному контролю над наркотиками (ЮНДКП) и Центр по международному предупреждению преступности (ЦМПП)¹⁶⁴. Также укрепляется сотрудничество с другими международными организациями: Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Международной комиссией по противодействию злоупотреблениям наркотиками и их незаконному обороту (СИКАД), Совместной программой ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) и другими¹⁶⁵. Вместе они контролируют соблюдение уже принятых законов и конвенций, разрабатывают и принимают новые меры, соответствующие изменениям в развитии наркобизнеса.

¹⁶⁴ Основные факты об Организации Объединенных Наций. – М.: Весь мир, – 2005. – С. 258–260

¹⁶⁵ Там же. – С. 26–27.

Акт о Палате лордов 1999 г.: Его последствия и перспективы дальнейших преобразований

Ковалев И. Г.

к. и.н., доцент, докторант кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Партийно-политическое противостояние, развернувшееся с новой силой во время обсуждения Законопроекта о Палате лордов в Парламенте, вновь выдвинуло проблему реформирования одного из старейших институтов центральной власти страны в разряд основных пунктов политической повестки дня. Большое значение имело не только отношение граждан и ведущих британских партий к данным конкретным инициативам Правительства Т. Блэра, но и формировавшиеся в этот период долгосрочные стратегические приоритеты лейбористов, консерваторов и либеральных демократов в области конституционных реформ в целом и модернизации верхней палаты в частности. Во время обсуждения билля во втором чтении, проходившем 1 и 2 февраля 1999 г., представлявшая его лидер Палаты общин Маргарет Беккет особенно отмечала его актуальность и полное соответствие тем обещаниям, которые были даны ее партией британским избирателям на последних всеобщих парламентских выборах. «Законопроект, – подчеркивала она, – ликвидирует право заседать и голосовать в нашем Парламенте, которым в настоящее время обладает около 750 человек, почти на 100 больше, чем общая численность членов выборной палаты, право базирующееся исключительно на основе их рождения и без какого-либо учета их личных качеств и достижений. Билль модернизирует систему законотворчества, улучшит наш Парламент и, таким образом, сделает Британию более совершенной»¹⁶⁶. Правящая партия была твердо намерена довести начатое дело до конца и доказать электорату свою способность выполнять все пункты своей текущей политической программы.

Консерваторы осознавали бесперспективность любых попыток блокирования предложенного «новыми лейбористами» варианта реформирования Палаты лордов. Опираясь на огромное большинство, которым обладала правительственная фракция в нижней палате, Кабинет Т. Блэра без проблем мог провести этот билль через все необходимые стадии обсуждения в Палате общин. Тори, тем не менее, решили использовать двухдневную дискуссию для того, чтобы лишний раз выразить свое негативное отношение к указанному проекту. Главный оратор от Оппозиции по конституционным вопросам – доктор Лайам Фокс, выступая в прениях, обратил внимание депутатов на то, что Законопроект о Палате лордов крайне несовершенен, поскольку из его содержания непонятны долгосрочные перспективы формирования состава новой палаты, а также ее роль в законотворческом механизме и принципы взаимодействия с Палатой общин. «Вместо улучшения системы управления Соединенным королевством за счет создания устойчивой, сбалансированной и эффективной Конституции, – заключал консервативный политик, – этот билль является лишь дополнительным свидетельством непоследовательности Правительства Ее Величества в части конституционных изменений»¹⁶⁷.

Вместе с тем, консервативные депутаты не стали ограничиваться лишь критикой инициативы «новых лейбористов», что могло быть расценено избирателями как банальный стандартный ход в межпартийном противостоянии, но и попытались предложить свое видение процесса совершенствования законодательного механизма. На их взгляд, главной задачей в текущих условиях было четкое определение трех моментов. Во-первых, функций Пар-

¹⁶⁶ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Sixth Series. – Vol. 324. – Col. 609.

¹⁶⁷ Ibid. – Col. 616–617.

ламента в целом, во-вторых, его взаимоотношений с другими ветвями власти, и, наконец, в-третьих, роли законотворческой ветви власти в реализации европейской политики. «Только решив, – доказывал все тот же Л. Фокс, – чего мы хотим от Парламента, мы должны приступить к разделению полномочий между палатами, исходя из того, что мы доверяем двухпалатной системе. Только после этого, мы сможем рассматривать вопросы членства и численного состава палат»¹⁶⁸. Такой поворот был достаточно неожиданным. Напомним, что на протяжении большей части XX века консерваторы именно путем выдвижения на первый план вопросов формирования Палаты лордов пытались блокировать инициативы своих политических оппонентов по ограничению властных прерогатив пэров. В данном случае они фактически попытались использовать логику либералов и лейбористов, традиционно отдававших приоритет проблеме полномочий верхней палаты.

Расчет, судя по всему, делался на то, чтобы побудить Т. Блэра и его соратников отойти от избранного ими плана поэтапного реформирования Палаты лордов и дополнить имеющийся законопроект очевидно спорными вопросами, способными не только сплотить ряды Оппозиции, но, прежде всего, расколоть фракцию большинства. Однако, все попытки Оппозиции заставить правящий Кабинет отказаться от внесенного проекта или отложить на некоторое время с целью подготовки комплексной всеобъемлющей программы модернизации верхней палаты оказались тщетными. Парламентарии подавляющим большинством, составившим 246 голосов, одобрили Билль о реформе Палаты лордов во втором чтении¹⁶⁹. Дальнейшее его обсуждение уже на стадии Комитета всей палаты с 15 февраля по 4 марта 1999 г. носило скорее технический характер и логично закончилось полным и безоговорочным одобрением правительственного варианта. После этого Законопроект о Палате лордов окончательно был принят депутатами Палаты общин в третьем чтении 16 марта 1999 г. и направлен на рассмотрение пэров¹⁷⁰. Членам верхней палаты предстояло решить судьбу своих коллег, являвшихся наследниками элиты британского правящего класса, которая на протяжении нескольких столетий управляла государством и вершила судьбу страны.

Многие аналитики и наблюдатели с нетерпением ожидали того какие действия предпримут наследственные, преимущественно проконсервативно настроенные британские аристократы в отношении законопроекта не просто затрагивающего их непосредственные интересы, но фактически ставящего крест на их политическом будущем. К удивлению тех экспертов, которые полагали, что непримиримые потомственные пэры со всей свойственной им решимостью будут стоять до конца, отстаивая свои «прирожденные права и неотъемлемые привилегии», весной 1999 г. складывалось впечатление, что они скорее стремятся к достижению компромисса с Правительством Т. Блэра. В частности, во время обсуждения билля на стадии комитета известный в прошлом консервативный политик, бывший спикер Палаты общин, который после отставки с этой высокой должности получил пожизненный титул барона Уэдерхилла и стал руководителем-координатором группы независимых пэров, предложил поправку об избрании в состав переходной палаты 92 представителей наследственных пэров¹⁷¹. По сути дела это было ничем иным как попыткой вернуться к сделке, заключенной всего несколько месяцев до этого с лидерами правящей партии виконтом Крэнборном и вызвавшей достаточно громкий скандал.

Лейбористы не стали отвергать эту очевидную попытку наладить межпартийный диалог и с готовностью подтвердили свою прежнюю позицию по этому вопросу. Лорд-канцлер барон Эрвин, выступая в дебатах, сразу отметил эту поправку как одну из важнейших

¹⁶⁸ Ibid. – Col. 622.

¹⁶⁹ Ibid. – Col. 831–834.

¹⁷⁰ Ibid. – Vol. 327. – Col. 995–998.

¹⁷¹ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 600. – Col. 1088–1089.

в предстоящих длительных дискуссиях. «Я уполномочен, – заявил он, – огласить правительственную точку зрения. Это наиболее существенная поправка к законопроекту, имеющая большое значение, поскольку она способствует поиску консенсуса в отношении основных конституционных изменений»¹⁷². Истинная цель инициативы бывшего спикера была очевидна и широкой общественности. В частности, консервативная «Таймс» в статье «Пэры вернулись к компромиссу, спасающему 92 наследственных представителей», опубликованной на следующий день, прямо указывала на то, что предложение барона Уэдерхилла является не чем иным как возвратом к соглашению, достигнутому в декабре 1998 г. между Т. Блэром и наиболее влиятельными консервативными пэрами. «Взамен, – предельно откровенно отмечалось в газете, – Правительство ожидает, что пэры от партии тори и независимые пэры перестанут бороться до последнего против реформы»¹⁷³. В итоге, за одобрение указанной поправки проголосовало 352 члена палаты, а против нее – всего 32¹⁷⁴. Столь внушительная поддержка курса на поиск взаимопонимания с Кабинетом позволяла предположить, что Законопроект о Палате лордов будет одобрен в кратчайшие сроки.

Однако, вопреки ожиданиям, этого не произошло. Непримиимые противники реформы отнюдь не собирались сдаваться без боя и стали изошренно искать любые, пусть даже самые невероятные варианты блокирования правительственного билля. В частности, 22 июня 1999 г. лорд Грей выступил с предложением отправить обсуждаемый билль на экспертизу в Комитет по привилегиям. С его точки зрения, инициатива Кабинета входит в противоречие с положением Акта о союзе с Шотландией 1706 г, предоставившим шотландским наследственным пэрам места в Палате лордов. Поэтому в случае принятия лейбористского законопроекта, указывал он, «Шотландия как равноправная часть Соединенного Королевства будет лишена своего представительства в верхней палате Парламента»¹⁷⁵. Впрочем, и этот маневр закончился безрезультатно. Комитет по привилегиям, проанализировав текст законопроекта, пришел к заключению, что Акт о союзе с Шотландией 1706 г. не имеет особого статуса и его положения могут меняться любым другим актом Парламента, что неоднократно имело место в британской истории. Следовательно, отмечалось в решении комитета, представленный правительством Т. Блэра Законопроект о Палате лордов может содержать статьи об исключении шотландских наследственных пэров наряду с английскими потомственными членами из верхней палаты Парламента¹⁷⁶.

Второе обращение непримиримых противников реформы в Комитет по привилегиям Палаты лордов представляло собой попытку сорвать принятие плана Кабинета при помощи аргументов о нарушении личных прерогатив пэров. Известный британский барристер и бывший член консервативного Правительства М. Тэтчер барон Мейхью Туайденский 27 июля 1999 г. инициировал запрос, в котором указывал, что предписания о вызове в Парламент, направленные всем пэрам после всеобщих выборов 1997 г., имеют законную силу в течение всего срока его существования. Следовательно, законопроект лейбористов не может лишить членов верхней палаты их права посещать заседания вплоть до новых выборов. Кроме этого, он отмечал, что недопустимым было бы принятие билля, вызвавшего столь противоречивые оценки: «Мы все согласны с тем, что никто не заинтересован в сохранении неразрешенных разногласий. Прежде всего, это невыгодно для тех наследственных пэров, которые хотят и считают необходимым продолжить работу в этой палате, несмотря на незаконное намере-

¹⁷² Ibid. – Col. 1090–1091.

¹⁷³ The Times 12 May 1999.

¹⁷⁴ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 600. – Col. 1135–1138.

¹⁷⁵ Ibid. – Vol. 602. – Col. 873–875.

¹⁷⁶ Second Report from the Committee for Privileges. – доступно на: <http://www.parliament.the-stationery-office.co.uk>

ние властей исключить их»¹⁷⁷. Намерение тори было вполне очевидным – отложить принятие законопроекта до следующих всеобщих парламентских выборов в надежде на то, что Лейбористская партия потерпит на них поражение.

Но и на этот раз противников реформы ждало разочарование. Комитет по привилегиям после консультаций со специалистами по конституционному праву вынес неутешительный для консервативных пэров вердикт. Мотивируя отклонение запроса барона Мейхью Туайденского, он опирался на непререкаемую историческую доктрину парламентского суверенитета, согласно которой любой закон, принятый в соответствии с установленной процедурой, имеет высшую силу, может отменять любые ранее вынесенные решения, и ни один судебный орган Соединенного королевства не вправе его аннулировать или подвергать сомнениям¹⁷⁸. Это решение комитета снимало практически все оставшиеся препоны на пути принятия пэрами Законопроекта о Палате лордов.

Финальную точку в этом процессе предстояло поставить 26 октября 1999 года. Именно в этот день должно было состояться формальное третье чтение билля. По сложившейся парламентской традиции негативный исход на этой стадии был бы возможен только в том случае, если само лейбористское Правительство Т. Блэра попросило бы членов верхней палаты отклонить представленный законопроект. Рассчитывать на это после всех тех усилий, которые были затрачены на эту реформу на протяжении последних лет, не приходилось. Буквально за несколько часов до решающего голосования радикальные противники реформы предприняли последнюю попытку внести изменения в текст документа. Бывший председатель Консервативной партии и министр в Кабинете М. Тэтчер барон Тэббит предложил поправку о переносе срока вступления в силу Законопроекта о Палате лордов до начала работы Парламента следующего созыва. По его мнению, это было необходимо для того, чтобы исключенные наследственные пэры смогли принять участие в предстоящих всеобщих выборах уже в качестве кандидатов в депутаты Палаты общин¹⁷⁹. Принятие этой поправки, несмотря на то, что многие эксперты расценивали ее как вполне возможный компромисс, позволяющий тори согласиться с лейбористским вариантом реформы, но задержать на некоторое время введение ее в действие, на самом деле означало бы начало нового витка противостояния между партиями.

Руководство Оппозиции тем временем пришло к заключению, что дальнейшее сопротивление лишено всяческого смысла. Даже если бы непримиримым пэрам удалось наложить вето на Законопроект о Палате лордов, лейбористский Кабинет без труда смог бы добиться его принятия используя механизм, установленный Актом о Парламенте 1949 г. Иными словами, консерваторы могли в лучшем случае всего лишь на год отсрочить неминуемое исключение потомственных аристократов из состава верхней палаты. В итоге поправка барона Тэббита была отвергнута большинством в 84 голоса и последние сомнения в положительном исходе третьего чтения окончательно отпали¹⁸⁰.

Непосредственно перед разделением палаты представители двух противоборствующих лагерей подвели итоги почти двухлетнего противостояния по вопросу о модернизации одного из старейших государственных институтов Соединенного королевства на рубеже тысячелетий. Дочь бывшего премьер-министра Дж. Каллагэна и лидер Палаты лордов баронесса Джэй Паддингтонская, выступая от имени правящей партии, не скупилась на восторженные эпитеты в адрес Законопроекта о Палате лордов. «Этот билль, – подчеркивала она, – является центральной частью правительственной программы по модернизации британской

¹⁷⁷ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 604. – Col. 1397.

¹⁷⁸ Gay O., Wood E. The House of Lords Bill – Lords Amendment. – L., 1999. – P. 9.

¹⁷⁹ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 606. – Col. 221–222.

¹⁸⁰ Ibid. – Col. 244.

Конституции. Это начало процесса реформирования второй палаты Парламента, необходимого для того, чтобы она могла служить всей стране в XXI веке. Мы считаем, что первым шагом в этом направлении должно стать удаление абсолютно недемократического элемента, каковым являются наследственные пэры»¹⁸¹. С одной стороны, лейбористы, бесспорно, были удовлетворены тем, что им удалось настоять на своем варианте модернизации и добиться ликвидации одного из наиболее очевидных недемократических принципов формирования состава Палаты лордов – наследственного членства. С другой стороны, понимая, что изменение всего одного элемента в системе ее комплектования не может рассматриваться как решение проблемы строительства современной и эффективной палаты, Кабинет Т. Блэра фактически давал обещание продолжить начатый процесс и в будущем обратиться к вопросам полномочий и прерогатив пэров.

Совсем по-другому звучали оценки консерваторов. Им предстояло объяснить своим сторонникам причины своего отказа от борьбы против правительственного билля и временно предложить собственный альтернативный вариант назревших преобразований. В связи с этим лидер тори в верхней палате второй барон Стратклайд в своей речи непосредственно перед началом решающего голосования отмечал: «Я должен призвать моих благородных друзей воздержаться от голосования сегодня вечером. Пусть этот законопроект пройдет, несмотря на то, что многие считают его отвратительным. Кое-кто назовет такое решение капитуляцией. Я с этим не согласен. На самом деле это позволит сохранить эту палату и возможно в будущем выиграть сражение за сильную, авторитетную и независимую Палату лордов»¹⁸². Действительно, проиграв сражение по всем статьям, Оппозиция пыталась в качестве оправдания представить законопроект лейбористов как малозначительный технический проект и забронировать за собой прерогативу подготовки и проведения глубокой и комплексной реформы верхней палаты британского Парламента.

Перед итоговым голосованием пэров по Законопроекту о Палате лордов в третьем чтении случилось беспрецедентное в истории британского Парламента событие. Чарльз Боклерк, который как старший сын члена Палаты лордов герцога Сент Олбанского имел право сидеть на ступеньках около трона монарха и наблюдать за дебатами, неожиданно взобрался на мешок с шерстью (пуфик на котором обычно располагался председательствовавший в палате лорд-канцлер – И. К.) и в знак протеста против правительственного билля прокричал: «Стойте за свою королеву и страну, проголосуйте против этой измены»¹⁸³. Это вопиющее и скандальное поспешное изменение процедурных правил гордившейся своей аристократизмом и сдержанностью палаты, предпринятое человеком который благодаря законопроекту лейбористов терял всяческую надежду унаследовать место в ней, было бессмысленным, но символичным жестом отчаяния. Напомним, что когда в тронной речи королевы 1998 г. прозвучали слова о намерении Правительства инициировать билль, предусматривающий исключение из верхней палаты наследственных аристократов, выступление монарха фактически было прервано возгласами пэров, не согласных с таким решением, что также было нарушением негласных парламентских традиций.

Однако никакие демонстративные акции не могли уже помешать триумфу Кабинета. Пэры, после того как нарушитель порядка был удален из зала заседаний, большинством в 140 голосов (221 «за» и 81 «против») одобрили правительственную инициативу¹⁸⁴. Но, поскольку в текст документа были внесены поправки, Законопроект о Парламенте был возвращен в Палату общин, депутатам которой предстояло их принять или отвергнуть. Прави-

¹⁸¹ Ibid. – Col. 277.

¹⁸² Ibid. – Col. 281.

¹⁸³ The Guardian 26 August 2009.

¹⁸⁴ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 606. – Col. 290–292.

тельство Т. Блэра, несмотря на то, что все изменения были согласованы и внесены в проект с его согласия, не спешило с окончательным решением. Оно намеренно оттягивало рассмотрение вопроса практически до конца парламентской сессии для того, чтобы убедиться, насколько лояльно пэры отнесутся к другим биллям из лейбористского пакета преобразований. Только 10 ноября 1999 г. парламентарии согласились с поправками пэров, а уже на следующий день Законопроект о Палате лордов был санкционирован королевой и обрел силу закона¹⁸⁵.

Главным следствием нового конституционного акта стал вывод из состава Палаты лордов потомственных пэров. Правда нормы Закона о Палате лордов 1999 г. всё же предусматривали два исключения. Во-первых, до проведения следующего этапа реформы сохраняли свои места 90 наследственных члена палаты, которые должны были быть избраны коллегиями наследственных пэров от основных партийных фракций в Палате лордов пропорционально их численности. Потомки этих пэров сохраняли право на наследование дворянского титула, но лишались права занимать места в верхней Палате парламента. Закон также устанавливал правило, согласно которому, в случае смерти кого-либо из избранных наследственных пэров до проведения следующего этапа реформы, открывшаяся вакансия подлежала замещению путём довыборов. Все исключённые из Палаты лордов наследственные пэры на основании «Акта о палате лордов 1999 г.» получали право голоса на выборах в Палату общин, а также возможность избираться в нижнюю палату Парламента. Во-вторых, сохраняли свои места в Палате лордов два наследственных пэра, выполнявшие некоторые протокольные функции – граф-маршал как главный церемониймейстер, а также лорд-гофмейстер, который ведал хозяйством королевского двора и осуществлял общий контроль за состоянием комплекса зданий Парламента¹⁸⁶.

В соответствии с новыми правилами регламента, принятыми верхней палатой еще в период обсуждения Законопроекта о Палате лордов, в конце октября – начале ноября 1999 г. были избраны 90 наследственных пэров, сохранивших право заседать в верхней палате Парламента. Из них 42 были представителями коллегии консервативных наследственных пэров, 28 – членами поперечной скамьи или независимыми пэрами, 3 – наследственными пэрами либерально-демократической партии, 2 – представителями коллегии лейбористских наследственных пэров. Наконец, ещё 15 пэров были избраны всем составом палаты из числа тех, кто был готов выполнять функции заместителей лорд-канцлера или занимать любые другие административные должности в палате¹⁸⁷. Таким образом, в Палате лордов появилась новая категория её членов – пэры, избранные на основании «Акта о Палате лордов 1999 г.». Формально они могли по-прежнему называться наследственными пэрами, поскольку их аристократический титул подлежал передаче по наследству, но уже без права занятия места в верхней палате Парламента. Сами же избранные потомственные пэры могли оставаться членами палаты либо пожизненно, либо вплоть до проведения второго этапа реформы Палаты лордов. Примечательно, что поскольку новый закон не позволял занять места в верхней палате даже первым обладателям наследственных титулов, Правительство Т. Блэра в качестве жеста доброй воли решило предоставить пожизненные титулы четверем таким пэрам, а также шести бывшим лидерам ведущих фракций, что открывало всем им доступ в реформированную Палату лордов. Кроме этого, формально ее могли посещать и так называемые «пэры королевской крови», или члены королевской семьи, которые имели пожизненные титулы.

¹⁸⁵ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Sixth Series. – Vol. 337. – Col. 1306.

¹⁸⁶ House of Lords Act, 1999. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/34/contents>

¹⁸⁷ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. Fifth Series. – Vol. 606. – Col. 510, 1135–1136.

Однако все они, включая принца Чарльза, заявили о том, что отказываются от этой привилегии¹⁸⁸.

Акт о Палате лордов 1999 г., бесспорно, способствовал некоторым заметным переменам. Прежде всего, он привел к существенному укреплению роли пожизненных пэров в верхней палате Парламента. Накануне принятия указанного закона 58,5 % всех ее членов составляли наследственные пэры, большая часть которых редко посещала заседания и не отличалась активностью в работе. В то же время доля пожизненных пэров, назначенных на основании норм Акта о пожизненных пэрах 1958 г., составляла всего 37,3 % (2,2 % и 2 % соответственно приходилось на правовых и духовных лордов). В 2000 г. ситуация изменилась принципиально: 83 % членов палаты составляли пожизненные пэры, иными словами, преобладание перешло к наиболее политически активным членам Палаты лордов, которые всегда отличались стремлением принимать самое деятельное участие в осуществлении её законотворческих и контрольных функций. До 4 % соответственно выросло представительство духовных лордов. Избранные коллегиями наследственные пэры составили 13,8 % от общей численности новой Палаты лордов¹⁸⁹. Такая трансформация способствовала притоку в нее профессиональных политиков, лиц с активной гражданской позицией, готовых использовать свой опыт и творческий потенциал в законотворческой сфере.

Удаление из палаты наследственных пэров стало причиной изменения гендерного соотношения ее членов, поскольку передача потомственных титулов только в исключительных случаях осуществлялась от отца к дочери, в то время как пожалование пожизненных титулов в меньшей мере зависело от пола претендента. В апреле 1999 г. доля женщин в Палате лордов составляла всего 8 %, а к июню 2000 г. выросла до 16 %¹⁹⁰. Это позволяло Правительству утверждать, что осуществленная им реформа способствует развитию процесса демократизации в Великобритании и привлечению женщин к делам государственного управления. С другой стороны, вполне ожидаемо вырос средний возраст членов новой палаты. За период с августа 1988 г. по июнь 2000 г. он увеличился с 65 до 67 лет, причем 58 % пэров были старше 65 лет¹⁹¹. Такая тенденция объясняется тем, что большинство из тех британцев, которые получали титул за разнообразные заслуги, по вполне понятным причинам были уже вполне зрелыми людьми, в то время как гораздо более юные наследники старинных аристократических фамилий были удалены из Палаты лордов.

Интересная трансформация произошла и в соотношении ведущих политических фракций в верхней палате Парламента. Весной 1999 г., когда законопроект «новых лейбористов» был предметом напряженных дебатов, о своей принадлежности к Консервативной партии заявил 41 % пэров. Лейбористы могли опереться на 15 % членов палаты, а фракция либеральных демократов – на 6 %. В июне 2000 г., несмотря на то, что удаление потомственных пэров в первую очередь коснулось именно тори, они по-прежнему оставались доминирующей группой, хотя количество их сторонников и сократилось до 33 %. Оппоненты консерваторов, вполне ожидаемо, существенно упрочили свои позиции. Фракция лейбористов выросла до 28 % всех членов Палаты лордов и теперь могла быть вполне сопоставима с главным противником. Почти на треть, до 9 %, увеличилась и группа либеральных демократов¹⁹². Можно сказать, что при помощи нового акта Правительство Т. Блэра вплотную подошло к решению проблемы исторического преобладания консервативных пэров, при помощи которого длительное время блокировались неугодные тори законодательные

¹⁸⁸ The Guardian 03 November 1999.

¹⁸⁹ Cracknell R. Lords Reform: The interim House – background statistics. – L., 2000. – P. 7.

¹⁹⁰ Ibid. – P. 8.

¹⁹¹ Ibid. – P. 10.

¹⁹² Ibid. – P. 9.

инициативы политических оппонентов. Вместе с тем, очевидная направленность Закона о Палате лордов на укрепление позиций лейбористской фракции имела и определенные негативные последствия. Основным источником пополнения новой палаты стало пожалование пожизненных титулов, а оно, как известно, осуществлялось монархом по представлению премьер-министра. Следовательно, консерваторы получили прекрасный повод для обвинений лично Т. Блэра в стремлении наводнить Палату лордов своими сторонниками.

В целом же многие политические обозреватели и исследователи оценили Акт о Палате лордов 1999 г. как «революционную меру», открывающую новую страницу в конституционной истории Соединенного королевства, вносящую принципиальные изменения в традиционные основы британского парламентаризма и т. д.¹⁹³ На наш взгляд, подобные заключения являются явным преувеличением. Бесспорно, что реформа верхней палаты стала важной частью задуманной «новыми лейбористами» масштабной перестройки системы государственного управления. Но произошли ли кардинальные, истинно революционные перемены в принципах формирования и полномочиях Палаты лордов? Оснований для положительного ответа на этот вопрос практически нет. Удаление из верхней палаты почти всех наследственных пэров было назревшей и необходимой мерой, но она никоим образом не изменила ее исключительно аристократического характера. Место в Палате лордов могли получить только обладатели пожизненного пэрского титула, иными словами дворяне, пусть и не имевшие возможности передать его своим наследникам. Учитывая то обстоятельство, что исторически даже наследственное дворянство в Англии никогда не было связано исключительно с происхождением и довольно часто просто покупалось выходцами из других социальных слоев, обладающими достаточными суммами денег, эффект от удаления потомственных аристократов становится минимальным.

Анализируя последствия принятия Акта о Палате лордов 1999 г., следует напомнить, что лейбористы за сравнительно короткий промежуток времени после триумфальных для них всеобщих парламентских выборов 1997 г. кардинально изменили свою тактику в достижении конечной цели планируемых перемен. Отказавшись от идеи немедленной, комплексной и всеобъемлющей модернизации верхней палаты, они решили проводить преобразования поэтапно, двигаясь к конечной цели небольшими шагами. В итоге полностью вне поля зрения реформаторов оказались вопросы, связанные с налаживанием эффективного взаимодействия между палатами Парламента, определением властных полномочий пэров и многие другие актуальные проблемы. Проблема следующих стадий преобразований оказалась намного более сложной, нежели ее представляли себе их инициаторы.

В новом XXI веке лейбористы продолжили поиск вариантов дальнейшей модернизации, но все реализованные ими мероприятия носили скорее технический характер, в то время как обещанный второй этап комплексной реформы отодвигался все дальше и дальше. Прежде всего, Т. Блэр попытался снять обвинения Оппозиции в попытках наводнить Палату лордов своими сторонниками. В мае 2000 г. была сформирована Комиссия по назначениям (House of Lords Appointments Commission) в переходную верхнюю палату в составе 7 членов – по одному представителю от трёх крупнейших политических партий и четырёх независимых политиков, а первым ее главой стал барон Стивенсон Кодденхэмский. Данная комиссия наделялась правом отбора и представления независимых кандидатур на получение пожизненных пэрских титулов. Однако при этом премьер-министр сохранил за собой право определять общее количество независимых пэрских пожизненных титулов, которые

¹⁹³ Алексеев Н. А. Палата лордов британского Парламента. – М., 2003. – С. 235; Bogdanor V. Constitutional Reform in Britain: The Quiet Revolution // Annual Review of Political Science. – 2005. – Vol. 8.; Hazell R. and Sinclair D. The British Constitution: Labour's Constitutional Revolution // Annual Review of Political Science. – 2000. – Vol. 3.

могут быть пожалованы в каждый конкретный период времени, а также контроль над всеми политическими назначениями в Палату лордов, которые по традиции превалируют.

В середине первого десятилетия текущего века Кабинет Т. Блэра, добившись принятия Акта о конституционной реформе 2005 г., устранил еще две аномалии, связанные с Палатой лордов. Во-первых, нормы нового закона предусматривали кардинальное изменение нетипичных для демократических государств прерогатив лорд-канцлера, который в прежней системе управления занимал уникальное положение. Он был единственным государственным чиновником высшего ранга, наделенным полномочиями во всех трех ветвях власти. Одновременно он выполнял функции председателя Палаты лордов, члена Кабинета и фактически руководил судебной системой страны. Согласно нормам нового закона из прежнего внушительного объема обязанностей лорд-канцлера в его ведении осталось лишь руководство Министерством юстиции. Функции спикера верхней палаты Парламента были возложены на избираемого пэрами сроком на 5 лет (с возможностью одного переизбрания), а после этого утверждаемого Короной, лорда спикера. Прежние полномочия лорд-канцлера в области руководства судебной системой перешли в руки лорда главного судьи. Во-вторых, этим же актом наконец-то решалась проблема совмещения пэрами законодательных и судебных функций. Его нормы предусматривали передачу всех судебных полномочий Палаты лордов в ведение специально созданного нового судебного органа – Верховного суда Соединенного королевства, который начал функционировать с октября 2009 г. Первыми судьями нового института стали действующие ординарные лорды по апелляциям, которые с этого момента, естественно, лишились своих мест в Парламенте.

Все вышеуказанные новации, конечно, имели существенное значение, способствовали более четкому разделению властей, углублению демократии, повышению эффективности работы законодателей. Однако вопрос о начале, а самое главное о конкретном содержании второго этапа обещанной еще в конце прошлого века комплексной реформы Палаты лордов так и оставался открытым. Правящая партия никак не могла определиться с тем, чего же конкретно она хочет. За первое десятилетие XXI века лейбористами по этому вопросу было издано две белых книги, организовано несколько внутри-, а также межпартийных дискуссий и консультаций, дважды проводились голосования в обеих палатах Парламента для выяснения, какой из вариантов формирования новой Палаты лордов предпочтительней, давались обещания вынести проблему на общенациональный референдум и т. д. Однако все это закончилось практически ничем. Никаких реальных шагов и законодательных предложений в рамках второго этапа комплексной модернизации так и не было сделано.

Надежда на возобновление процесса реформирования одного из старейших институтов центрального управления Соединенного королевства возродилась после формирования в мае 2010 г. коалиционного Правительства Дэвида Камерона. Консерваторам и либеральным демократам в условиях «подвешенного» Парламента удалось согласовать свои подходы к решению целого ряда непростых социально-экономических и политических проблем. В отношении будущего Палаты лордов в программе коалиции говорилось следующее: «Мы создадим комитет для подготовки предложений о полностью или частично избираемой верхней палате на основе пропорционального представительства... В переходный период назначение новых пэров будет осуществляться с учетом распределения голосов между политическими партиями на последних всеобщих выборах»¹⁹⁴.

Вместо всеобъемлющего, многоступенчатого и спорного проекта «новых лейбористов» Правительство Д. Камерона предложило вернуться к идее коррекции принципов формирования состава новой второй палаты. Менее чем через год после прихода к власти ему удалось подготовить проект Законопроекта о реформе Палаты лордов, который был пред-

¹⁹⁴ The Coalition: Our Programme for Government. – L., 2010. – P. 27.

ставлен на суд общественности 17 мая 2011 г. Основные пункты этого документа предполагают следующее:

- Общая численность новой Палаты лордов будет сокращена до 300 человек, 80 % которых будут избираться, а оставшиеся 20 % – назначаться монархом из числа экспертов в разных областях знаний.

- Новые члены будут избираться поэтапно. Начиная с 2015 г., каждые 5 лет будет избираться треть состава палаты. Срок полномочий избранных членов – 15 лет, без права повторного переизбрания.

- Выборы будут проводиться по пропорциональной избирательной системе в многомандатных округах, сформированных на основе административно-территориального деления страны.

- Выборы новых членов Палаты лордов будут проводиться в те же сроки, что и всеобщие парламентские выборы.

- Пэрские титулы останутся знаком почести и утратят непосредственную связь с членством в верхней палате Парламента.

- Численность духовных лордов будет сокращена с 26 до 12 человек.

- Функции и полномочия Палаты лордов на этом этапе останутся прежними.

Проект билля и соответствующая белая книга будут переданы в специальный совместный комитет палат Парламента для более детальной разработки и подготовки рекомендаций¹⁹⁵.

Выступая во время представления проекта законопроекта коалиционного Кабинета, заместитель премьер-министра и лидер либеральных демократов Ник Клегг особенно подчеркнул решительные намерения своих коллег по этому вопросу, противопоставив их сомнениям и осторожности лейбористов: «Правительства и политики, представлявшие разные партии, говорили о реформе Палаты лордов на протяжении более века, и сейчас **мы** намерены завершить этот процесс»¹⁹⁶. Время покажет, насколько это обещание сбудется, и сможет ли Палата лордов реально трансформироваться в демократический, представительный и эффективный элемент британского парламентского механизма.

¹⁹⁵ House of Lords Reform Draft Bill. – L., 2011. – P. 7–9.

¹⁹⁶ Proposals for a Reformed House of Lords Published // доступно на: <http://www.dpm.cabinetoffice.gov.uk/news/proposals-reformed-house-lords-published>

Проблемы социокультурной идентичности в эпоху глобализации

Яценко Д. Е.

магистрант исторического факультета МПГУ

Новый этап в развитии цивилизации делает чрезвычайно острой проблему человека в современном мире, его реальной роли в нынешнем социуме и перспектив существования в эпоху перехода к информационному обществу. Современная ситуация – переломный этап в общественном развитии, характеризующийся фундаментальными изменениями, кардинальными сдвигами в основах общества, что приводит в движение все основы бытия человека. В связи с этим в современной науке главенствует точка зрения о кризисе идентичности человека, являющимся следствием глобальных социокультурных изменений в современном обществе.

В современной науке сложилась традиция исследования феномена идентичности как психологического и социокультурного феномена. В структуре идентичности выделяют индивидуальный и социальный уровни. Если персональная идентичность представляет собой совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности, то социальная идентичность – результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды¹⁹⁷. Вследствие этого, индивиды тесным образом связаны с социокультурным окружением, и изменения их идентичности обусловлены социокультурными переменами. Особое видение феномена идентичности привнесла интерпретация современности как эпохи глобализации – процесса, который объективно снижает способность индивидов и обществ контролировать происходящее в мире. Сущность глобализации, основная тенденция ее развития – это формирование единого взаимозависимого мира, взаимодействие и взаимовлияние различных сообществ, культур и цивилизаций¹⁹⁸. Глобализация является сложным многоуровневым сочетанием целого ряда противоречивых процессов, в том числе между общечеловеческими интересами и национально-государственными специфическими требованиями, между движением к гомогенизации и диверсификацией, между тенденциями к объединению и к фрагментации. Глобализация порождает проблемы совместимости разных цивилизационных укладов и культур, экономические противоречия, связанные с неравномерным развитием и социальной поляризацией, разрыв между последствиями кризисных экологических явлений и неадекватными мерами по их ослаблению¹⁹⁹. Одновременно происходят революция в образовании, переход к креативной экономике, реформирование всей системы социальных связей. Малая родина социально и территориально начинает постепенно перерастать в большую²⁰⁰. Отсюда не только новые возможности, но и новые проблемы.

Идентичность в глобализирующемся мире становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Представители современной социологической мысли утверждают, что в процессе глобализации заново ставится вопрос о базисных ценностях чело-

¹⁹⁷ Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – М., Мысль, 2001. – С. 78.

¹⁹⁸ Буянов В. С. Глобализация: теоретико-методологические аспекты // Глобализация: многостороннее измерение / Под общ. ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. – М.: Книга и бизнес, 2004. – С. 21.

¹⁹⁹ Тимофеев Т., Яковцев Ю. Глобализация: противоречивые тенденции (интерпретации, шансы, риски) [Электронный ресурс]. URL: Internet: http://www.lawinrussia.ru/blogs/timur-timofeev/2011/04/18/globalizatsiya-protivorechivyetendentsii-interpretatsii-shansy-riski?quicktabs_13=1&quicktabs_14=2&quicktabs_11=2 (дата обращения: 2.10.2011).

²⁰⁰ Делокаров К. Х., Демидов Ф. Д. Глобализация и проблема нелинейности цивилизационного развития / Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М., КМК, 2005. – С. 56

века²⁰¹. Происходящие в мире изменения коснулись не столько технологий или принципов хозяйствования, сколько мироощущения людей и стереотипов поведения. Человек перестает чувствовать себя хозяином и творцом внешних условий своего существования. Под влиянием глобализации происходит резкое снижение, если не полная потеря, контроля индивидов над процессами и событиями, влияющими на судьбы людей. Мир перестает быть статичным, представляет собой сетку – пути ухода от определенностей, где нельзя выделить системную доминанту. Отсюда и преобладание множественной идентичности человека. Индивид, а точнее постмодернистский «дивид» как делимый на фрагменты, позиции и функции, переходит от одного жизненного проекта к другому под давлением различных обстоятельств, используя свой потенциал и отвечая на свои потребности. В современном мире делается проблематичным самоопределение человека. Этому способствуют две противоположные тенденции времени – растворение индивида в массе и всплеск индивидуализма, как повышенного внимания к собственному «Я». Но, несмотря на декларирование первичности личности, индивидуальности перед всеобщим, в его разнообразных проявлениях, безусловной ценности человеческой жизни, уникальности и неповторимости каждого индивида, глобальная реальность ставит сохранение индивидуальности под сомнение. И сублимированной реакцией на это становится нарочитая индивидуализация человеческого существования.

Известные европейские футурологи по-разному видят и выделяют современное состояние и место человека в новом построении социума. Так, немецкий философ Ю. Хабермас предлагает использовать термин «Я-идентичность» как совокупность личностной и социальной идентичностей, которые находятся в процессе постоянного взаимодействия. Социальная идентичность (горизонтальное измерение) – возможность выполнять различные требования в ролевых системах; личностная идентичность (вертикальное измерение) – связность истории жизни. Это два переплетенных, неразделенных измерения, в которых реализуется «балансирующая Я – идентичность». Установление баланса происходит с помощью техник взаимодействия. Осваивая различные техники, человек стремится соответствовать социальным нормам, сохраняя свою неповторимость. Ю. Хабермас утверждает, что «определяющей техникой является язык»²⁰².

Известный британский социолог Э. Гидденс предлагает исследование идентичности именно как проблемы современного мира. Гидденс представляет собственную гипотезу структуры идентичности. Идентичность – это два полюса, с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой, замкнутость на себя. Между полюсами социолог выделяет различные уровни структуры. По его мнению, для современной идентичности характерны следующие дилеммы: унификация – фрагментация, беспомощность – доминирование, авторитарность – неопределенность, личные потребности – рыночный индивид. На каждом уровне возможны патологические формы развития: традиционализм – конформизм, всемогущество – отчуждение, догматизм – радикальное сомнение, нарциссизм – полное растворение в мире товаров²⁰³. В целом, А. Гидденс является противником постструктуралистских и большинства постмодернистских теорий, предрекающих кризис способности современного человека обрести свою идентичность.

По мнению английского социолога З. Баумана, современное индивидуализированное общество основано на отрицании традиционных форм социальности. Как отмечает Бауман, «проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентич-

²⁰¹ Зайцева А. С. Проблемы идентичности в эпоху глобализации: автореф. дис.... канд. филос. наук. – М., 2007 – С. 15.

²⁰² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995. – С. 7.

²⁰³ Гидденс У. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – С. 58.

ность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность»²⁰⁴. Три основных черты характеризуют современное общество: утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, возрастающая в связи с этим неопределенность и незащищенность личности перед лицом перемен, возникающее в таких условиях стремление отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что, в конечном счете, приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. Поэтому глобализация, по мнению Баумана, принесла с собой нарастающую фрагментацию человеческого существования. В таких условиях социальность становится все менее значимой. И именно в этом кроется основная причина того, что современное гражданское общество пропитывается антигуманизмом и находится в кризисе, а современный человек становится все более дезориентированным, ограниченным и беспомощным.

Немецкий социолог Ульрих Бек утверждает, что новый глобальный порядок, складывающийся в современном мире, формируется не столько вследствие включения «в игру» неправительственных организаций, крупных компаний или международных институтов, сколько в силу радикального изменения роли личности в определении вектора развития цивилизации. Человек становится непосредственным участником и главным действующим лицом в процессах, которые долгое время считались уделом народов и государств. Именно это и вызывает к жизни космополитические теории, концепции, основанные на понимании одновременной принадлежности человека как к частному сообществу, так и к человечеству в целом²⁰⁵. Индивид, создавая собственную биографию, через миллионы частных решений формирует сферу «политики повседневной жизни». Межличностные взаимодействия становятся намного более активными и значимыми, чем отношения между государствами, возникает потребность в их упорядочении. На фоне этого укрепляются групповые идентичности и усиливаются требования меньшинства. Именно этим Бек объясняет стремительное усиление влияния доктрины «прав человека», которая создает ситуацию, когда международное право оказывается обращенным через голову государств непосредственно к индивидам, создавая тем самым юридическую базу для космополитического индивидуализированного общества.

В итоге можно отметить, что эпоха глобализации экономического, политического, культурного развития человечества породила столь же глобальный кризис идентичности. Эта проблема сегодня актуальна практически для любых обществ, независимо от интенсивности миграционных потоков и степени полиэтничности населения. Но исследования современных футурологов доказывают, что суть современного кризиса идентичности заключается не в фатальном упадке цивилизации, а в формировании новой модели социальной идентичности, обладающей множественностью, мобильностью, динамичностью в качестве основных характеристик.

²⁰⁴ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире. – М., Логос, 2005. – С. 185.

²⁰⁵ Бек У. Космополитическая Европа: реальность и утопия // Свободная мысль. – 2007. – № 3.

Модели неокорпоративной социальной политики

Медведева О. О.

старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории МПГУ

В 1970#1980#х гг. американское бизнес-сообщество перешло к новой стратегии корпоративной социальной политики. Причины этого явления были многогранны. Сказывались последствия структурного экономического кризиса, требующие оптимизировать производственный потенциал, стремительное распространение компьютерных технологий, разительно меняющих характер трудовой деятельности и всю систему производственного взаимодействия, влияние «неоконсервативной волны», направленной против политики «государства всеобщего благосостояния» и порожденного ею социального иждивенчества. Под влиянием этих факторов складывался пестрый «коллаж» разнообразных и подчас прямо противоположных тенденций, меняющих рынок труда, философию бизнеса, характер социальных отношений на производстве. Показательно, что именно в эти годы в США наблюдался пик интереса к так называемой теории стейкхолдеров. Основы ее были заложены в работе Р. Фримена «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон», где в роли стейкхолдеров рассматривались любые группы и индивиды, способные оказывать влияние на достижение стратегических целей организации²⁰⁶. Суть теории стейкхолдеров заключалась в том, что современную корпорацию необходимо рассматривать в качестве множественного коммуникативного пространства, сферы взаимодействия самых разнообразных субъектов, в том числе и внешнего окружения – от потребителей до социальных партнеров и органов государственной власти. Корпорация, способная учитывать интересы и требования всех этих субъектов, а, главное, добиваться их синтеза в качестве собственной «корпоративной миссии» и стратегии развития, получает исключительные конкурентные преимущества.

В реализации неокорпоративных моделей социальной политики уже с 1980#х гг. обозначились два основных вектора: один из них был сопряжен с вводом понятия «корпоративная социальная ответственность» (КСО), а второй формировался в русле «теории человеческого капитала».

Американское бизнес – сообщество трактовало задачи КСО весьма прагматично. В отличие от европейской практики, речь практически не шла о филантропии бизнеса или усилении «общественного контроля». Система КСО рассматривалась как особая модель взаимодействиями кампании с внешними стейкхолдерами, направленная на формирование позитивного корпоративного имиджа и укрепление деловой репутации²⁰⁷. Многочисленные примеры доказывали растущую значимость этих факторов в борьбе за конкурентные преимущества. Так, например, триумфальное восхождение на рынке сети кофеен Starbucks началось с рекламной кампании «справедливого» кофе (что означало изготовление продукции без использования детского труда и с соблюдением всех социальных и санитарных норм). А когда обсуждение проблемы «справедливых продуктов» стало угрожать деловой репутации и рыночной привлекательности систем «быстрого питания», сеть ресторанов McDonald's ответила на этот «вызов» путем разворачивания агрессивной «экологической кампании». Негативным примером катастрофического снижения продаж вследствие плохой

²⁰⁶ Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – New York: Harper Collins College Publishers, 1984. – 275 p.

²⁰⁷ Corporate Social Responsibility in the US / Case Study: NYC Responsible Business Summit, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.triplepundit.com/2011/03/case-study-corporate-social-responsibility/> (дата обращения: 30.06.2011011).

общественной репутации может служить опыт компании Nestle, которая в конце 1980#х гг. пострадала из-за политики продвижения молочных смесей в развивающихся странах.

Реализация концепций КСО в русле теории стейкхолдеров отражалась и на внутренней социальной политике компаний. Однако эта сфера оказалась в подчиненном положении и использовалась для решения той же стратегической задачи – формирования позитивного корпоративного имиджа. Основным инструментом стал ввод корпоративных этических кодексов. Уже к концу 1970#х гг. более 90 % крупных американских компаний имели подобные документы. Американская ассоциация менеджеров опубликовала в 1983 г. свод корпоративных этических кодексов с оценкой их эффективности. Исследования показали, что большинство кодексов связаны преимущественно с регламентацией внешних связей компании – с органами исполнительной власти, клиентами и партнерами, конкурентами, гражданскими и благотворительными организациями, вкладчиками и даже иностранными правительствами. Внутренние же предписания носили «имиджевый» и вполне риторический характер – запрещалось злоупотребление служебным положением, использование активов и внутренней информации фирмы в личных интересах, провозглашалось единство целей и ценностей сотрудников корпорации, дух сотрудничества и взаимной ответственности²⁰⁸.

Таким образом, реализация теории стейкхолдеров в системе КСО формировала образ бизнеса как «части объединенного моралью мира»²⁰⁹. Принципы толерантности, уважения к этнокультурным и конфессиональным отличиям, гендерной специфике вполне органично вписывались в такую концепцию корпоративной политики и придавали ей черты, близкие к социальной парадигме культурного плюрализма. Не случайно, что для обеспечения своего позитивного имиджа многие американские компании не только боролись против любых форм дискриминации, но и активно использовали «политику дружелюбия» в отношении «меньшинств». Частыми случаями в корпоративной практике стали семинары по проблемам правового положения «меньшинств», образовательные мероприятия по вопросам сексуальной ориентации, выплата пособий для гражданских партнеров сотрудников, в том числе для гомосексуальных пар, маркетинговые кампании с адресной направленностью на геев и лесбиянок. Сексуальные домогательства начали рассматриваться как одно из грубейших нарушений корпоративной этики. С начала 1990#х гг. Америку охватила целая волна судебных процессов, связанных с этой проблемой (причем, в качестве «домогательств» рассматривалось не только насилие или использование служебного положения, но и «нежелательное», «достаточно оскорбительное» поведение коллег). Влияние такой политики на укрепление корпоративной культуры и морального духа работников являлось неоднозначным. И, в целом, реализация корпоративных моральных кодексов на практике привела к выхолащиванию самой идеи активной социальной политики, направленной на укрепление и самореализацию человека. Этическая стандартизация, осуществляемая даже под лозунгами плюрализма и толерантности, превращалась в новую версию административного менеджмента. На этом фоне особое значение приобретала корпоративная социальная политика, реализуемая в русле теории «человеческого капитала».

В 1990#х гг. идеи теоретиков американского менеджмента Д. Макгрегора, Т. Шульца, Г. Беккера, П. Друкера относительно роли «человеческого капитала» приобрели особое звучание. В условиях развертывания «информационной революции» и становления инновационной «новой экономики» производственные процессы становятся вариативными, динамично меняющимися, требующими от работника не только применения широкого спектра знаний и навыков, но и быстрой адаптации к новым условиям, гибкой реакции и мобиль-

²⁰⁸ Тесакова Н. В. Миссия и Корпоративный кодекс. – М.: РИП-Холдинг, 2004 г. – 188 с.

²⁰⁹ Baker M. Corporate social responsibility – What does it mean? // Corporate, Social, Responsibility: Articles, Blogs, Info, Search. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mallenbaker.net/csr/definition.php> (дата обращения: 30.06.2011).

ности, способности к принятию самостоятельных решений. Как отмечал П. Друкер, «если сегодня все труднее удержать ценного сотрудника, играя на его жадности, то уже завтра нужно будет считаться с нематериальными ценностями людей, давая им социальное признание и социальное могущество»²¹⁰.

Представление о «постматериалистической мотивации» работников и креативности как основе профессиональной компетентности заставляли пересмотреть прежние приоритеты корпоративной социальной политики. Ее направленность на поддержание высокого уровня материального обеспечения и правовую защищенность работников оказывается недостаточным стимулом для инновационной активности. Но формирование новой корпоративной стратегии наталкивалось на два существенных затруднения. Во-первых, динамика общественных настроений в 1990#2000#х гг. показывала, что значительная часть общества осталась привержена прежним стереотипам социального потребления, и насильственная интеграция таких людей в инновационное пространство становится для них жестким стрессом. Во-вторых, сам «креативный класс» является очень специфическим объектом социального воздействия. Представление о том, что инновационная активность порождается «непрерывным образованием», разнообразием бонусных социальных программ или вводом гибкого графика рабочего времени, оказалось иллюзией. Креативное мышление не может быть стимулировано прямым управленческим воздействием. Человек подобного склада воспринимает окружающую реальность как многообразную, неорганизованную, хаотичную среду, лишенную предустановленных правил и жесткой внутренней логики. Ресурсом его мотивации является насыщенная и предельно изменчивая информационная среда, позволяющая «проигрывать» разные сценарии, «переписывать» собственную идентичность, а не сохранять лояльность корпорации и приверженность ее моральному кодексу²¹¹.

Решением этого противоречия может стать сетевая корпоративная модель. Она призвана превратить корпорацию в множественную, плюралистическую, сегментарную среду, способную удовлетворить любые типы социальной мотивации. Работник традиционного типа обретает в ее рамках ощущение стабильности и защищенности, а «креативный постматериалист» получает источник постоянно меняющихся впечатлений, «вызовов» и «рисков». Олвин Тоффлер предложил называть такую корпорацию «адаптивной», поскольку она «должна складываться из небольших полупостоянных “конструкций”, дополняемыми многочисленными небольшими временными “модулями”»²¹². Сетевая децентрализация позволяет ускорять и диверсифицировать не только производственный процесс, но и все формы взаимодействия сотрудников корпорации – вплоть до досуговых мероприятий и семинаров повышения квалификации. Инструментами сетевой диверсификации становятся «проекты» и «команды», формирующие собственный алгоритм решения поставленных задач. «Этот подход – важнейшая часть секрета инноваций, – отмечает специалист в области сетевого менеджмента Томас Малоун. – Организация воспитывает инновационную и творческую способность путем “перекрестного опыления”, свободного циркулирования информации в децентрализованных группах»²¹³.

Итак, теория и практика современного американского менеджмента доказывает целесообразность не отказа от традиционных «распределительных» форм корпоративной социальной политики, но включения их в более сложную и динамичную сетевую структуру. Внутренний плюрализм, структурная децентрализация и мотивационная множественность

²¹⁰ Друкер П. Управление в обществе будущего. – М.: «И. Д. Вильямс», 2007. – С. 37.

²¹¹ Пономарев М. В. Виртуальная среда как дискурс современного общественного сознания // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия социально-исторические науки. Сборник статей. – М.: Прометей, 2006. – С. 297–298.

²¹² Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе... – С. 459.

²¹³ Малоун Т. Труд в новом столетии. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. – С. 178–179.

являются важнейшими особенностями таких организаций. Сплоченность, взаимная ответственность, дисциплина, лояльность в качестве ключевых корпоративных ценностей сменяются гибкой коммуникативной культурой и корпоративной социальностью – «атмосферой открытости новым идеям, поощрения свободы самовыражения, обмена информацией, неформального взаимодействия»²¹⁴. Акцент переносится со стимулирования разнообразных «групп интересов» на формирование нелинейного пространства сотрудничества с широким многообразием «проектов», «команд», «групп» и «сообществ». Для характеристики такой корпоративной среды часто используется термин «мультилатеральность». Мультилатеральное качество корпоративного пространства – это не только его предельная «многосторонность», но и открытость, неравновесность, асимметричность, перманентная незавершенность. Распространение в современном обществе социальных сетей наглядно подтверждает, что мультилатеральная модель имеет широкие перспективы и помимо неокорпоративного менеджмента.

²¹⁴ Гоффи Р., Джонс Г. Что объединяет современную кампанию? // Управление персоналом / Harvard Business Review. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 13.

Синергетика и социально-историческое прогнозирование

Маркова Е. А.

магистрант исторического факультета МПГУ

Современная методология научного прогнозирования опирается на широкий спектр приемов, методов, способов. Все большую роль играет синтез различных дисциплинарных методик. Например, актуальны математические методы, которые применяются не только в пограничных между точными и гуманитарными науками областях (экономика, маркетинг), но и открывают новые возможности в обществоведческих, социологических и исторических исследованиях. Так, в частности, широкое применение находит SWOT-анализ, который может быть применен в исторических и социальных прогнозах.

При разработке социально-исторических прогнозов методологическая направленность исследования приобретает особое значение. И, в первую очередь, речь идет о дилемме линейного прогнозирования, основанного на классическом принципе каузального детерминизма, и неклассических методик, в контексте которых исторический процесс воспринимается как сложная и нелинейная последовательность «скачков», «отклонений» и «надломов». В контексте это противостояния очень перспективно выглядят циклические теории исторического процесса, которые объединяют черты обоих подходов. В качестве примера можно привести циклическую теорию И. М. Рыбкина²¹⁵, теорию 36-летних циклов автотонного развития В. И. Пантина и В. В. Лапкина²¹⁶. Обе эти концепции основаны на методе нелинейной экстраполяции: при формировании прогнозов исходят из статистически складывающихся тенденций изменения тех или иных количественных характеристик объекта. Преимущественно экстраполируются системные функциональные и структурные характеристики, причем, линейная экстраполяция тренда (процесса) за определенный период сочетается в данном случае с многофакторными (нелинейными) изменениями и колебаниями.

При использовании подобной методики особую важность представляет принцип холизма, согласно которому итоговый результат представляет собой нечто большее, чем простая сумма частей, составляющих изучаемый предмет. Данное явление обусловлено тем, что социально-исторические процессы представляют собой «живые организмы», которые функционируют под влиянием различных факторов, как объективных, так и субъективных, вступающих в различные формы взаимодействия с детерминантами системы. Прекрасно иллюстрирует данный подход концепция В. Г. Буданова²¹⁷, автор которой соотносит влияние архетипов как базовых характеристик развития общества и нелокальное социальное поле, представляющее собой результат интерактивного взаимодействия, применяя к ним метод ритмокаскадов.

В совершенно особом ключе принципы циклического анализа и прогнозирования социально-исторических процессов реализуются на основе синергетической методологии. Рассматривая данную проблему, целесообразно использовать приемы SWOT-анализа и выделить четыре категории анализа – сильные стороны синергетики применительно к социально-историческим прогнозам, слабые стороны, возможности и угрозы.

²¹⁵ Агапов П. В. Социальное прогнозирование: учеб. пособие/ П. В. Агапов, В. В. Афанасьев, Г. Н. Качура. – М.: Канон-Плюс, 2009.

²¹⁶ Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. – Дубна: Феникс+, 2006.

²¹⁷ Буданов В. Г. Ритмокаскады в истории и модель будущего России [электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/BudanovRitm.htm> (дата обращения: 17.09.2011).

Как писал один из основоположников синергетики Г. Хакен, «с одной стороны, это теория, объясняющая, почему и как у целого возникают свойства, которыми не обладают части, почему целое то «больше», то «меньше» своих частей, с другой стороны, развитие этого подхода требует творческого взаимодействия естественников, гуманитариев, математиков»²¹⁸. Таким образом, Хакен выделяет принцип холизма и междисциплинарный подход и качестве основы синергетической методологии. Принцип холизма позволяет исследователю получить более полную и объемную картину изучаемого явления, вынуждает не просто «складывать» различные данные, но рассматривать их взаимодействие, которое в итоге может создать качественно новые характеристики. Междисциплинарность также способствует развитию объемного, разностороннего видения проблемы. К плюсам этого подхода стоит отнести и тот факт, что «математические конструкции “сжимают” огромный массив информации и овладеть ими гораздо проще, чем гигантским багажом гуманитарных знаний»²¹⁹. Таким образом, применение инструментария и принципов других наук также носит утилитарный характер, который в себе скрывает как плюсы, так и минусы.

К базовым понятиям синергетики в применении к обществоведческим наукам относятся такие категории, как сложные самоорганизующиеся системы, нелинейная динамика, параметры порядка, нестабильность и т. д. Учет последнего из вышеперечисленных факторов, по мнению И. Р. Пригожина, позволяет «сблизить науки о природе и гуманитарные, лучше понять взаимное влияние естественных условий и человека»²²⁰. Причем, нестабильность социальных систем носит особый, субъективный, человеческий характер, часто парадоксальный. Излишняя увлеченность биологизмом и применение физических законов в отношении к обществу может утрировать изучаемые процессы, социальные системы. С другой стороны, важно помнить, что, как и в естественных условиях, «система определяется через единство различий внешней и внутренней среды. Граница системы в смысловом пространстве обеспечивает ее идентичность и целостность». Но отличительная особенность социальных систем заключается в том, что их преимущественно детерминируют не законы природы, а «смыслы и ценности как параметры порядка самого высокого уровня, определяющие социокультурную идентичность социальных субъектов как в настоящем, так и в будущем»²²¹. В природе же, как известно, морали нет.

При использовании синергетической методологии в качестве основы социально-исторического прогнозирования ключевое значение имеет постулат о нелинейности развития сложных самоорганизующихся систем. «Нелинейность означает парадоксальное, антиинтуитивное поведение изучаемых объектов (когда совместное действие нескольких причин или факторов могут дать новое качество, когда результат их действия нельзя вычислить как сумму результатов этих причин по отдельности). Для нелинейных систем характерно несколько сценариев развития, несколько вариантов будущего...»²²², что позволяет ученому создавать различные виды моделей желаемого, вероятностного развития событий. Таким образом, в русле синергетического подхода историк может использовать такие приемы, как создание сценариев, моделирование, масштабирование, проектирование.

Для анализа общественных систем и процессов актуальна категория неустойчивости, широко распространенная в синергетике. «Неустойчивость характерна для систем,

²¹⁸ Агеев А. И., Курдюмов В. С., Малинецкий Г. Г. Проектирование будущего. Кризис и идеи [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/agkurmal.htm> (дата обращения: 17.09.2011).

²¹⁹ Москалев И. Е. Управление будущим в контексте социальной реальности [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/mossskalev.htm> (дата обращения: 17.09.2011).

²²⁰ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.

²²¹ Катица С. П., Курдюмов В. С., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/siniproblem.htm> (дата обращения: 17.09.2011).

²²² Там же.

находящихся вдали от равновесия, и означает, что малые отклонения в таких системах могут нарастать, переводя изучаемый объект в иное состояние»²²³ (точки бифуркации). Но стоит отметить, что чрезмерное увлечение изучением различного рода «неопределенностей» и «неустойчивостей» чревато излишней казуистичностью. Научный прогноз не может строиться на случайных необъяснимых трансформациях, регрессах, «скачках». Поэтому нелинейность и неустойчивость системы могут и должны рассматриваться только в контексте причинно-следственных связей и их изменениях во времени. Генетический подход, являющийся методологической доминантой для составления социально-исторических прогнозов, может предостеречь исследователя от некорректного использования синергетической методологии.

Итак, синергетический подход несет в себе как оптимальные возможности для разработки качественных социально-исторических прогнозов, так и скрытые угрозы, с которыми может столкнуться исследователь. Нелинейность, нестабильность, холизм, междисциплинарность – рациональное использование этих принципов способно составить адекватную целям и задачам исследования методологическую базу социально-исторического прогноза. Вместе с тем, необходима реализация этих принципов в соответствии с условиями, заданными самим прогнозом. Процессуальность, субъективность некоторых факторов, социальные связи внутри системы требуют определенного характера корреляции с категориями синергетики. Важно помнить, что в случае социально-исторического прогнозирования «структурные элементы социальной системы – это рефлексирющие, мыслящие субъекты, строящие планы и прогнозы на основе своего восприятия и понимания текущей ситуации, а также определенных ожиданий»²²⁴.

Рассматривая методологические и методические основы теории самоорганизующихся систем, которые могут быть применены к социально-историческому прогнозированию, важно отметить и основные принципы «мышления будущего», основанные на категориях синергетики: анализ альтернативных перспектив, ориентация на достижимое будущее, понимание горизонта нашего видения будущего, целостное видение проблемы, контекста. Данные постулаты могут лечь в основу философии социально-исторического прогнозирования, альтернативистики и футурологии. Ориентация на достижимое, а не на желаемое будущее, позволит отойти от догматизма и предопределенности в прогнозировании, приблизит прогнозы к реальным условиям. Не менее важно в этой связи понимание исследователем границы собственного видения проблемы, осознание того, что социально-исторические процессы, как правило, глубже и неоднозначнее любых их моделей. И именно системный подход помогает ученому видеть не только узкий предмет и объект исследования, но и возможные уровни его взаимодействия с другими системами. Таким образом, возникает необходимость изучения явлений и процессов в коэволюции с другими факторами и явлениями, что способствует формированию целостной научной картины.

²²³ Там же.

²²⁴ Курдюмов С. П., Князева Е. Н. Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии [электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/knyazis.htm> (дата обращения: 17.09.2011).

Исторические события, явления и процессы: факты и интерпретации

Федор Черный в орде

Александров М. М.

соискатель кафедры истории России МПГУ

Эта эпопея, позволяющая по-иному взглянуть на русско-татарские отношения, давно привлекала внимание исследователей. Для ее оценки значимым представляется вопрос о том, в какой степени это описание отражает реальность, а в какой моделирует ее. Но в любом случае, с точки зрения изучения политической культуры, мы имеем ценнейший источник эпохи, в частности, дающий сведения о формировании представлений о царской власти и их связи с ордынской практикой.

Федору Ростиславичу Черному, князю Смоленскому и Ярославскому, сравнительно повезло со вниманием к нему его потомков: до нас дошло шесть кратких и пространных редакций его Жития (XV–XVII вв.), в части из которых использованы данные несохранившихся ярославских летописей²²⁵. Юбилеи канонизации князя в конце XIX и в конце XX вв. вызвали появление в свет серии посвященных ему публикаций, часть из которых продолжала агиографическую традицию. Фигура Федора обращала на себя внимание историков, начиная с Н. М. Карамзина. Тем не менее многие моменты его биографии по-прежнему спорны.

Согласно Житию, Федор Ростиславич провел в Орде многие годы, стал ханским зятем и с честью вернулся на Русь. Однако в вопросе, к какому точно времени относятся эти события, мнения исследователей расходятся.

До 1276 г. Федор отсутствует на страницах летописей. По-видимому, его княжение протекало спокойно. По мнению многих сторонников агиографической традиции²²⁶, именно к этому периоду относятся описываемые в Житии²²⁷ события: поездка Федора в Орду, смерть его княгини (за которой он и получил ярославский стол), отказ ярославцев впустить возвратившегося Фёдора в город и возведение ими, несмотря на ханский указ, на престол его сына, возвращение Федора в Орду и женитьба его на ханской дочери, длительное пребывание в Орде, рождение там двух сыновей, смерть нового ярославского князя и торжественное возвращение Федора в Ярославль.

В пользу этой версии говорит длительное правление хана Менгу-Тимура (1267–1280), что соответствует сообщению Жития о новом тесте ярославского князя. Аргументом служит и то, что веротерпимый язычник Менгу-Тимур скорее бы выдал дочь за христианина, чем хан-мусульманин. Однако веротерпимость Менгу-Тимура была довольно относительна: именно при нем (единственный в своем роде случай!) «за хулу на веру татарскую» был жестоко казнен рязанский князь Роман Олегович.

Однако в самом Житии рассказ о поездке князя в Орду приводится после сообщения о занятии им Смоленского стола (1279). В силу этого, вслед за большинством ученых предположим, что описываемые в Житии события относятся к более позднему времени.

²²⁵ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. – М., 1915. – С. 222–233.

²²⁶ Иоанн (Вендланд) митрополит. Князь Фёдор Чёрный: Исторический очерк. – Ярославль, 1990; Ермолин Е. А. Святой великий князь Фёдор Ростиславич Чёрный, Ярославский и Смоленский. Взгляд с порога III тысячелетия. – Ярославль, 1999.

²²⁷ Книга Степенная царского родословия// ПСРЛ. – СПб., 1908. – Т. 21. – С. 307–311.

После 1281 г. Федор также надолго исчезает со страниц летописей. Он вполне мог находиться в Волжской Орде, с которой у него установились тесные связи. Вероятно, в это время он и женится на царской дочери.

Относительно имени тестя Федора Ростиславича историки разошлись. Н. М. Карамзин предполагал таковым Ногай, биограф Федора Г. Н. Преображенский и А. Н. Насонов – Менгу-Тимура, Д. Александров – Тохту²²⁸. Можно рассмотреть и кандидатуры Туля-Буки (1287–1290) (хотя этому противоречит известие о молодости этого хана) и Туда-Менгу. Скорее всего, тестем Федора был именно последний. Известно, что жена Федора была крещена под именем Анна, а Туда-Менгу был мусульманином. Однако хан обратился в ислам лишь в 1283 г.²²⁹ и придерживался суфизма (иногда предполагающего широкую веротерпимость).

Для того, чтобы попытаться определить, в какой степени Житие князя отражает ордынские реалии, рассмотрим содержание эпизода более подробно.

1. Согласно Житию, взять Федора в зятя царя убеждает царица. Царь испытывает сомнения, поскольку Федор – его служебник и иноверец.

Однако выдавать дочерей за вассалов не считалось у монгольских правителей зазорным (это проблема скорее византийских василевсов). По вопросу о тесте Федора заметим, что колебания из-за иноверия Фёдора скорее могли быть у правителя-мусульманина, чем у шаманиста. Так или иначе, для царя князь – не ровня, однако, в царских силах решить и эту проблему.

2. Царь обращается к Константинопольскому патриарху и получает его благословение на брак и крещение дочери.

Решительно непонятно для чего это понадобилось: хан спокойно мог разрешить дочери креститься и без этой процедуры. В конце концов, у него под рукой был Сарайский епископ.

3. Царь вручает Федору венец, периодически облачает в свои (царские) одежды, сажает напротив себя, приказывает построить ему дворец, приказывает всем царям и вельможам одаривать его и воздавать честь. Дает ему в услужение русских князей и бояр.

Венец не принадлежал к главным символам ханской власти, хотя у них и известны наборные пояса, шапки-орбелге и жезлы (наследием такого рода была и шапка Мономаха). Позиция напротив царя – позиция подданного. Статус ханского зятя был достаточно высок, но был ниже, чем у члена династии и зависел от занимаемой должности.

4. Царь жалует Федору 36 городов, в том числе, видимо, особо значительные: Чернигов, Болгары, Кумане, Корсунь, Туру, Казань, Ареск, Гормир, Баламаты и полгорода, где сам царствует.

Чернигов – в это время надолго исчезает со страниц русских летописей. Предполагается, что он принадлежал в это время Брянскому князю.

Болгары – возможно, город Булгар, в это время бывший наряду с Сараем ханской резиденцией; возможно, это область Болгарии в целом. Менее вероятно – Дунайская Болгария (подвластная в это время Орде).

Кумане – название не города, а народа, кумане – половцы – кипчаки; возможно, область Дешт-и-кипчак – улус (вилайет) Орды, лежащий к востоку от Волги.

Корсунь – вероятно, Херсонес Таврический, хорошо известный русским греческий город в Крыму; был подчинён Орде, но юридический статус его в это время довольно туманен. Позднее был сильно разорён Ногаем. (Но нельзя полностью исключить и Корсунь под Киевом).

²²⁸ Александров Д. Н., Пчёлков Е. В. О происхождении ярославских князей от Чингисидов // Ярославская старина. – 1994. – Вып. 1.

²²⁹ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь – М., 1997. – С. 184.

Тура – возможно, Чимги-Тура, город, административный центр Сибири.

Казань – значительный город в Булгарии.

Ареск – (?) возможно связан с «Арским полем» под Казанью, или рекой Арысь в бассейне Сырдарьи на которой лежал город Зернук.

Гормир – возможно, Кырк-ер в Крыму.

Баламаты – (?)

«Пол града, где сам царствует» – вероятно, Сарая-Бату на Нижней Волге, зимняя резиденция хана.

Таким образом, пожалованные Федору земли располагались во всех концах и улусах-вилаятах Золотой Орды. Это отчасти соответствует практике предоставления членам династии уделов-инджу в разных частях империи, но такие пожалования обычно имели гораздо более скромный характер. Поэтому список больше похож на расшифровку сказочного «полцарства».

Вся эта картина – благословение патриархом, возложение царем на Федора венца и царских одежд, чествование вельможами, введение во владения землями Орды – обретает смысл, если воспринимать ее как картину назначения византийским императором (царем) младшего соправителя²³⁰. Ее, вероятно, и хотели создать авторы не дошедшей до нас летописи и использовавшего ее Жития. Предпочтение же в итоге Федором Ярославля уравнивает и даже превозносит обладание сим христианским градом над владением языческой империей.

5. *Царь «всегда веле ему предстояти к себе и чашу от руки его приимаше»*. Это сообщение коррелирует с распространенной в XIV в. византийской легендой о древних русских князьях как стольниках императора²³¹. С точки зрения ордынского церемониала это приобретает иной смысл. По рассказу Ибн Батуты, побывавшего при ханском дворе в 1333 г.: «Потом приносят золотые и серебряные сосуды для питья... Когда султан (хан Золотой Орды) захочет пить, то дочь его берет кувшин в руки, приседает и потом подает ему кувшин. Он пьет, а затем она берет другой кувшин и подает его старшей хатуну, которая пьет из него. Потом она подает остальным хатуням по старшинству их. Затем наследник престола берет кувшин, кланяется и подает его отцу, который пьет (из него), потом подает хатуням, и, наконец, сестре, кланяясь всем им. Тогда встает второй сын, берет кувшин, угощает брата своего и кланяется ему. Затем встают старшие эмиры (и) каждый из них подает пить наследнику престола и кланяется ему. Потом встают младшие эмиры и подают пить царевичу».²³²

Из этого следует, что, подавая царю чашу, Федор оказывается в положении наследника престола.

Таким образом, брак Федора с царевной оказывается симметричным первому браку с княгиней, принесшей ему в приданое этот ярославский стол. Однако конечным итогом второго брака оказывается не ханский трон, а все тот же Ярославль. При этом ханская легитимность не создаёт принципиально новой ситуации, но лишь подтверждает иную (в Ярославле Федор садится, узнав о смерти сына).

Интересно другое. Даже в таком «проордынском» источнике, как Житие, царь, как мы видели, – не столько ордынский хан, сколько несколько абстрагированный татарско-византийский «царь вообще».

²³⁰ Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования. // Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. – М., 1973. – С. 36.

²³¹ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев, 1992. – С. 125–126.

²³² Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды – СПб., 2001. – С. 82.

Таким же «царем вообще» становится со временем московский государь. Заимствуя определенные формы царской власти в Византии и Орде²³³, он лишь отчасти заимствует связанную с ней легитимность²³⁴, предпочитая отчинный миф об извечности своих прав, восходящих к киевским «царям» древности²³⁵.

²³³ Как показал А. Л. Юрганов, с ордынской традицией связано именование, по отношению к царю, подданного любого ранга: «холоп» «кул» «богол» (что в древней кочевой традиции приближалось к понятию «вассал»). Утверждается в Москве в 1480 – 90-е гг. // *Юрганов А. Л.* Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой Руси // *Отечественная история*. – 1996. – № 3; *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингисхана – М., 2006. – С. 250.

²³⁴ Речь идет о: концепции Москва – Третий Рим, Сказании о Дарах Мономаха, обосновании права на царство подчинением, а затем завоеванием Казани и Астрахани, приемом на службу царевичей.

²³⁵ *Горский А. А.* Представления о «царе» и «царстве» средневековой Руси (до середины XVI в.) // *Царь и царство в русском общественном сознании*. – М., 1999.

Приказы в XVII веке: Штаты и особенности делопроизводства. некоторые перспективы дальнейшего изучения приказной системы

Безъев Д. А.

заведующий сектором ГУК «Музейное объединение “Музей Москвы”»

Введение

Каждое государственное образование имеет свой аппарат управления, причем аппарат этот складывается, как правило, в течение весьма длительного периода, проходит определенные стадии эволюции и приобретает некоторые специфические черты, именно ему присущие. Иногда случаются и исключения, например, новая система общественных отношений и соответствующий ей государственный аппарат могут быть навязаны завоевателями или возникнуть в результате внутреннего социального переворота, последнее случилось и в отечественной истории в XX в. Но, в принципе, каждое национальное (или многонациональное) государство постепенно формирует свою систему органов государственной власти и управления, соответствующую уровню социально-экономического развития данного социума и традициям национальной культуры в самом широком понимании термина «культура». Более того, от степени соответствия уровня развития государственного аппарата задачам, стоящим перед данным национальным государством, зависит возможность его социально-экономического прогресса да и просто выживаемость этого общества в соседстве с конкурирующими национально-государственными образованиями.

В России на протяжении весьма длительного периода (с середины XV по середину XVII вв.) складывается специфическая система центрального управления, включавшая в себя помимо верховного правителя – Великого князя – Боярскую думу и постепенно складывающуюся систему приказных учреждений. Вообще, вопрос о времени складывания системы приказов является дискуссионным, но в общем и целом эта система наиболее интенсивно развивается из органов Дворцово-вотчинного управления Великих князей Московских в период между концом XV века и концом века XVI. «Сам термин «приказ» произошел от глагола «приказывать» и означал приказание, то есть поручение Великого князя или царя тому или иному доверенному лицу. Поначалу такие поручения были разовыми. Когда они становились постоянными, то появлялись и соответствующие должности: казначей, печатник, посольский, поместный, ямской и другие дьяки. Затем должностным лицам стали придаваться помощники, выделяться специальные помещения, а также необходимые материалы и средства»²³⁶. Таким образом, стал складываться приказной аппарат. Постепенно к середине XVI в. приказы перерастают масштабы канцелярий Великокняжеского дворцового управления и становятся полноценными органами центрального государственного управления.

Здесь следует определить, какие же признаки указывают нам на то, что данное учреждение становится полноценным государственным органом. При этом еще раз подчеркнем, что становление приказной системы в России отнюдь не одномоментный акт, а сравнительно длительный процесс, «в котором следует выделить развитие трех факторов: во-первых, наделение ведомств административными общегосударственными полномочиями; во-вторых, развитие делопроизводства; в-третьих, складывание штата учреждения. Последнее – реша-

²³⁶ Государственность России: идеи, люди, символы. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 127.

ющий фактор для складывания постоянных ведомств»²³⁷. Под понятием «штат учреждения» мы будем понимать «совокупность должностей с юридически закрепленными субординационными отношениями между ними»²³⁸. «Должность» же, по определению А. Д. Градовского, есть «постоянное установление, предназначенное к непрерывному осуществлению целей государства», и характеризуется следующими признаками: непрерывностью действия, определенностью обязанностей и ответственности²³⁹. Наличие же третьего признака – явным образом выделяемого по наличию определенных трафаретов в оформлении деловых бумаг и их содержания, «делопроизводства», – позволяет нам делать выводы о компетенции, внутренней структуре и внешних связях органа государственного управления, а также и о степени развития в конкретный временной интервал отрасли, входящей в его ведение.

Штаты приказов Структура и уровни компетенции должностных лиц приказов

Рассмотрим должности и соответствующие им уровни компетенции, которые входили в штат приказов в период «расцвета» их деятельности, то есть во второй половине XVII в.

«Высшей должностью в приказах являлась судейская. Судьи назначались царским указом из представителей слоя служилых людей по отчеству: ...из бояр, окольных, знатных дворян»²⁴⁰, – читаем мы в статье И. А. Устиновой «Приказная бюрократия допетровской Руси». Далее автор, ссылаясь на исследования местнических дел, проведенные Ю. М. Эскиным и Г. В. Талиной, пишет, что «служба в приказе не считалась почетной, представители знатных родов пытались уклониться от такого назначения, и нередко царский указ закреплял изъятие приказной службы из местнической сферы. Кроме того, исполнение должности судьи в приказе одним лицом редко было долговременным, и за ним следовал перевод на более престижную военную или дипломатическую службу, являвшуюся для родовитых людей основной...»²⁴¹. Здесь следует заметить, что, во-первых, престижной для родовитых людей дипломатической службой ведал Посольский приказ и целый ряд подчиненных ему «второстепенных» приказов, постоянно или временно подчинявшиеся его судьям: Малороссийский, Литовский, Смоленский, Полоняничный, Владимирская четверть, Галицкая четверть, Приказ Великой России, Новгородская четверть; во-вторых, военными делами ведали такие приказы, как Разрядный, Иноземский, Мушкетного дела, Рейтарский, Пушкарский, Полковых дел, Ратных дел, Стрелецкий; в-третьих, многие представители знатных родов исполняли должности приказных судей сравнительно продолжительные сроки (при том, что, вообще, текучесть кадров судей была значительной). Например: боярин князь Борис Михайлович Лыков исполнял обязанности судьи Сибирского приказа с 1636 по 1642 гг.²⁴², боярин князь Алексей Никитич Трубецкой ту же должность исполнял с 1645 по 1662 гг.²⁴³, и таких примеров можно для различных приказов привести довольно много. Здесь же стоит добавить, что иногда в одном приказе было два и более судьи одновременно, а во многих прика-

²³⁷ Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция и нормативное обеспечение деятельности. – М. – СПб.: Альянс – Архео, 2005. – С. 9.

²³⁸ Там же. – С. 31.

²³⁹ Там же. – С. 30.

²⁴⁰ Устинова И. А. Приказная бюрократия допетровской Руси // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 4. – С. 10.

²⁴¹ Там же. – С. 11.

²⁴² Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 157–158.

²⁴³ Там же. – С. 158.

зах должности судей исполняли не только бояре, думные дьяки, окольничьи, но служащие в ранге дьяка, а в исключительных случаях и подьячие (например, в 1652 г. в Приказе Соборного дела судьей служил подьячий Афанасий Копылов)²⁴⁴.

Следующая вниз по приказной иерархической лестнице должность – дьяки. Как уже упоминалось выше, эта категория делилась на дьяков думных, которые принимали непосредственное участие в заседаниях Боярской думы и часто назначались на должность судей, и дьяков приказных, которые «выполняли основную делопроизводственную работу в приказах и являлись профессиональными служащими, вся жизнь которых была связана с этой деятельностью»²⁴⁵. Следует отметить, что «среди московского дьячества была также категория «не у дел», представители которой составляли кадровый резерв»²⁴⁶. Эти дьяки часто выполняли отдельные разовые поручения, ожидая вакансии в каком-либо приказе.

Подьячие составляли основную массу приказных штатов. Они делились на следующие категории: старые подьячие («со справою», «с приписью» – то есть с правом подписи), которые были непосредственными помощниками и заместителями дьяков, контролировали работу низших категорий подьячих; средние подьячие и молодые подьячие, на долю которых выпадала основная, рутинная канцелярская работа. Кроме того, существовали еще и площадные подьячие, которые дежурили на площади в Кремле перед зданием приказов и «оказывали услуги населению», составляя челобитные.

Кроме того, в штат приказов входили «технические» работники: приставы, переводчики, переписчики, картографы, истопники, сторожа, даже «алхимики» (в Аптекарском приказе) и т. д.

Численность Судей во второй половине XVII в. составляла примерно 30–40 человек, дьяков: 80–90 человек; подьячих всех категорий в 1698 г. насчитывалось 2637 человек²⁴⁷.

Говоря о штате учреждений, нельзя обойти во все времена насущный вопрос об оплате труда «работников пера и чернильницы».

Материальное обеспечение приказных служащих

Основные категории служащих приказов (судьи, дьяки, подьячие) обеспечивались двумя основными видами «жалованья»: поместными и денежными окладами. Причем, «размеры и содержание этого жалования отличались значительной пестротой, находясь, не смотря на это, в определенном соответствии с иерархической структурой всей группы»²⁴⁸. Индивидуальные поместные и денежные оклады служащих приказов складывались из следующих составляющих: из «новичных» окладов, соответствующих определенному разряду служащих, и «придач» к первоначальному окладу, назначавшихся в качестве награждения и поощрения за успехи на служебном поприще²⁴⁹. Например, поводом к получению «придач» к поместному окладу могло быть участие дьяка или подьячего в военном походе в качестве полкового писаря или интенданта.

Поскольку рассматриваемый нами период времени относится к эпохе феодализма, то рассмотрение окладов приказных людей мы начнем с их землевладения и дворовладения.

Совершенно очевидно, что землевладение приказных судей было весьма значительным, так как в эту категорию государственных служащих входили многие представители

²⁴⁴ Там же. – С. 160.

²⁴⁵ Устинова И. А. Указ. соч. – С. 11.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. – С. 12.

²⁴⁸ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – С. 90.

²⁴⁹ Там же. – С. 90.

российской аристократии: князья, бояре. Думные дьяки также «по определению» являлись крупными землевладельцами, хотя бывали и исключения. Эта высшая категория государственных служащих имела землевладение, основанное как на вотчинном, так и на поместном праве. Здесь следует только напомнить, что вотчины могли быть получены в наследство, дарованы правительством за службу, куплены или получены в приданое (см. соответствующую главу «Соборного Уложения» 1649 г.).

Землевладение приказных дьяков также могло быть вотчинным и поместным, хотя «далеко не все дьяки владели землей, тем более на вотчинном праве»²⁵⁰. Для них «новичные оклады начала века (XVII – Б. Д.) колебались от 500 до 800 четей, при этом оклады в 500 четей бывали очень редко. ... Как правило, новичный оклад дьячества, происходившего из городского дворянства или служившего ранее в жильцах, составлял на протяжении всего века 700 четей. Выше были новичные дьячьи оклады, служивших до назначения по московскому списку, которые равнялись обычно 800, а в отдельных случаях 1000 четям»²⁵¹. Дворовладение дьячества составляло, как правило, от 1 до 30 крестьянских дворов²⁵².

Здесь уместно сравнить дьячьи поместные оклады с воеводскими. «В то же время, в 1633 г., поместные оклады воевод (глав местной администрации) имели следующие размеры: 1000 четвертей (оклад И. Ф. Еропкина), 1000 четвертей (оклад князя М. Г. Козловского), 900 четвертей (оклад князя В. Г. Ромодановского), 700 четвертей (оклад князя С. И. Великого Гагина), 700 четвертей (оклад Г. К. Юшкова)»²⁵³.

«“Придачи” или прибавки к новичным окладам производились периодически от 1 до 3 раз на протяжении службы каждого дьяка и колебались между 80 и 300 четями. Наиболее распространенными были придачи в размерах 100 или 150 четей. ... С середины века в качестве повода для повышения поместного оклада дьяков все более выдвигается длительная «приказная служба»²⁵⁴.

Таким образом, несмотря на то, что часть дьяков не имела поместных земель, в целом эта категория государственных служащих относилась к категории наиболее крупных землевладельцев того времени.

Землевладение приказных подьячих, также как и дьяков, могло быть основано на вотчинном и поместном праве. Но вотчинное землевладение у этой категории служащих встречалось довольно редко. «Значительно большую роль ... играло наделение подьячих поместными владениями. Однако количество их также ограничивалось правительственной политикой, направленной на сохранение земельной базы военной службы дворянства. Эта политика нашла свое выражение в известной регламентации общих размеров поместных окладов, приходившихся на каждый из приказов, с учетом которых устанавливались уже индивидуальные оклады»²⁵⁵. Поместный оклад подьячего состоял, как и у дьяка, из новичного и придачи. Но здесь надо заметить, что, как правило, подьячий получал только новичный оклад и тот не сразу при поступлении на службу, а значительно позже. Со второй половины века новичные поместные оклады назначались в основном только старым подьячим, реже – подьячим средней статьи. При этом они рассматривались руководством приказов как поощрение за долголетнюю службу, или за особые заслуги»²⁵⁶. Размеры этих новичных окладов сохранялись практически неизменными в течение всего XVII в. и имели величину

²⁵⁰ Там же. – С. 91.

²⁵¹ Там же. – С. 94.

²⁵² Там же. – С. 102.

²⁵³ Петров К. В. Указ. соч. – С. 78.

²⁵⁴ Демидова Н. Ф. Указ. соч. – С. 94–95.

²⁵⁵ Там же. – С. 105–106.

²⁵⁶ Там же. – С. 106.

от 100 до 300 четей, как правило, размер оклада колебался между 200 и 300 четьми земли²⁵⁷. Размеры придач к земельному окладу для подьячих составляли 50 или 100 четей земли. В целом, размеры подьяческих поместий редко превышали 400, а в редчайших случаях 500 четей²⁵⁸.

Большинство подьячих не имело земельных пожалований вовсе. Если в начале XVII в. поместья имели примерно 25 % приказных подьячих, то к середине века верстанные поместьями подьячие составляют всего около 5 % от общего числа государственных служащих данной категории²⁵⁹.

Дворовладение подьячих в среднем составляло 6 – 10 крестьянских дворов, максимальное – до 32 дворов. Велик был процент подьячих, имевших всего 1 крестьянский двор²⁶⁰.

Несколько иначе обстояло дело со служащими Посольского приказа. Ко второму десятилетию XVII в. все «молодые» посольское подьячие были поверстаны поместным окладом в 200 четей²⁶¹. При этом «средние» подьячие этого приказа имели поместья размером от 250 до 350 четей, а «старые» подьячие – от 400 до 500 четей²⁶². То есть обеспечение поместным окладом служащих Посольского приказа было заметно лучше, чем в среднем у данной категории госслужащих российского государства.

В заключение рассмотрения темы землевладения служащих приказов отметим, что землю они получали в пределах Московского уезда²⁶³, что говорит об их привилегированном положении среди российских помещиков.

Помимо поместного оклада приказные служащие основных категорий (судьи, дьяки и подьячие) жаловались и денежным окладом, который, также как и поместный оклад, состоял из новичного оклада и придач.

«Дьяки, старые подьячие и некоторые другие служащие приказов получали годовое жалование из государственной казны (от 250 рублей у думных дьяков, до 20 рублей у старых подьячих). Выдачей жалования заведовали специальные четвертные приказы (преимущественно Устюжная и Новгородская четверти). Низшие служащие приказов (например, младшие подьячие) вообще не получали жалования, кормясь от службы»²⁶⁴. В монографии К. В. Петрова приводятся следующие данные по оплате труда приказных людей: «Среднее обычное жалованье подьячих в XVII в. составляло 5–7 рублей в год для “молодых” подьячих, 7 – 12 рублей – “средних” подьячих, 10–15 рублей – для “старых” подьячих. Денежное жалованье дьяков (приказных – Б. Д.) было значительным – 50 – 100 рублей»²⁶⁵. Например, в Разрядном приказе из 132 подьячих, работавших там в 7185 году от Сотворения Мира (сент. 1676 – сент. 1677 гг. от Рождества Христова) денежным окладом в 40 рублей был поверстан 1 человек, 35 рублей – 1 человек, 32 рубля – 2 человека, 30 рублей – 2 человека, 25 рублей – 1 человек, 21 рубль – 1 человек, 20 рублей – 3 человека, 18 рублей – 1 человек, 16 рублей – 2 человека, 15 рублей – 2 человека, 13 рублей – 3 человека, 12 рублей – 2 человека, 10 рублей – 10 человек, 8 рублей – 1 человек, 7 рублей – 9 человек, 6 рублей – 1 человек, 5 рублей – 10 человек, 4 рубля – 8 человек, 3 рубля – 11 человек, 2 рубля – 8 человек, 1 рубль – 3 человека, 35 человек были вообще не верстаны денежным жалованьем, о 15 людях нет сведений, но,

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. – С. 107.

²⁶⁰ Там же. – С. 106.

²⁶¹ *Рогожин Н. М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 134–135.

²⁶² Там же. – С. 132.

²⁶³ *Петров К. В.* Указ. соч. – С. 78.

²⁶⁴ *Устинова И. А.* Указ. соч. – С. 10.

²⁶⁵ *Петров К. В.* Указ. соч. – С. 78.

вероятно, они также были либо неверстанными, либо получали жалованье в других приказах, а к Разряду были прикомандированы временно²⁶⁶.

Во вновь восстановленном в 1701 г. Монастырском приказе (первоначально был создан в 1653 г. и упразднен в 1677 г.) максимальный оклад старого подьячего (Семен Бурлаков) составлял 25 рублей. Остальные старые подьячие получали по 20 рублей, подьячие второй статьи – 15 и 10 рублей, основная масса молодых подьячих – по 3 и 2 рубля, четыре человека – по 5 рублей, десять человек – по 4 рубля, и 16 человек по 1 рублю в год²⁶⁷.

В Посольском приказе денежное жалованье было несколько более высоким, чем в среднем у служащих других аналогичных центральных учреждений. Например, у думных дьяков-судей оно «колебались от 200 до 300 рублей», а у Л. Д. Лопухина – 350 рублей²⁶⁸, у дьяков оно было (в зависимости от размеров придач) от 80 до 130 рублей²⁶⁹. Старые подьячие получали 40–50 рублей, средние подьячие имели жалованье в пределах 25–35 рублей²⁷⁰, а младшие подьячие довольствовались окладом от 10 до 22 рублей²⁷¹. В целом же денежное содержание подьячих Посольского приказа «было в 3–5 раз выше, чем в большинстве других приказов», где оно «колебалось от 1 до 50 рублей»²⁷².

После прочтения всего вышенаписанного по поводу материального вознаграждения труда приказных служащих может возникнуть вопрос: за счет чего могли физически существовать младшие подьячие, да и средние тоже, ведь многие из младших подьячих не были верстаны ни денежным, ни поместным окладом, а подавляющее большинство средних подьячих не верстались окладом поместным. Ответ достаточно прост: «правовые обычаи допускали «кормление от дел»²⁷³, что было очень просто реализовать на практике, так как «все без исключения приказы обладали судебной властью»²⁷⁴. Современные исследователи деятельности приказов выделяют две формы подношений приказным служащим «почесть» и «поминки». «Причем “почесть” и “поминки” – не единоразовое подношение. Они должны были оказываться несколько раз, в зависимости от церковных или семейных праздников дьяков или подьячих и т. д. (Практически они оказывались «нужным» приказным служащим постоянно, пока была необходимость иметь с ними дело – Б. Д.). Насколько можно судить по источникам, основное отличие «почестей» и «поминок» заключилось, во-первых, в их добровольном характере со стороны дарителя, а во-вторых, в отсутствии каких-либо конкретных требований дарителя в отношении подготовки, рассмотрения и решения его дела в приказе. Именно эти два условия позволяли отграничить допустимые обычаем подношения служащим приказов от взяток (“посулов”)²⁷⁵. Подробнее эта, до сих пор чрезвычайно актуальная тема рассмотрена, например, в статье П. В. Седова «Подношения в Московских приказах XVII века». Автор раскрывает тему статьи, опираясь на Расходные книги монастырских московских служб, а также на отписки из Москвы монастырских стряпчих, где описан ход дел в приказах и взаимоотношения монахов с приказными людьми и даны сведения о даче им всевозможных подношений. По мнению автора, «почесть» не всегда имела только материальный аспект: «Подношение икон, церковных книг, освященной воды,

²⁶⁶ Новохатко О. В. Разряд в 185 году. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – С. 88 – 106.

²⁶⁷ Амосова И. В. Центральное государственное управление России во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: Монастырский приказ: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – С. 105.

²⁶⁸ Рогожин Н. М. Посольский... – С. 92.

²⁶⁹ Там же. – С. 98 – 101.

²⁷⁰ Там же. – С. 132.

²⁷¹ Там же. – С. 134.

²⁷² Там же. – С. 115.

²⁷³ Петров К. В. Указ. соч. – С. 79.

²⁷⁴ Там же. – С. 56.

²⁷⁵ Там же. – С. 79.

пасхальных яиц наиболее точно выражает нематериальный характер почести»²⁷⁶. Вместе с тем имел место быть и грубо материальный характер «почести». «Крупные монастыри, у которых были свои рыбные ловли, ежегодно раздавали в Москве “в почесть” изрядное количество рыбы. Существовало выражение: бить челом “сковороткою рыбки”. Когда-то это было, действительно, небольшое количество рыбы. Со временем размер “сковоротки” значительно вырос: в 1674 г. Иверский монастырь бил челом А. С. Матвееву “сковородочкой свежие рыбки на двух возках”: на одном была отборная крупная рыба, на втором – 5000 покупных сельдей. ... Почесть носила характер своеобразного соглашения – в обмен на нее приказные люди как бы брали на себя обязательство благожелательно отнестись к челобитчику. Даже “законная” рыба к празднику, как это сознавалось обеими сторонами, не могла не влиять на ход дела в приказе»²⁷⁷. Также монастыри, имевшие свои соляные промыслы (до тех пор, пока им не было запрещено вести самостоятельный соляной промысел), раздавали приказным людям в почесть значительное количество соли. Например, тот же Иверский монастырь раздавал от 600 до 1000 пудов соли в год (рыночная цена пуда – 18 копеек)²⁷⁸. «К разряду “почести” можно отнести и весьма частое кормление дяков и подьячих обедами. Обеды были рассчитаны на нескольких приказных и включали ведро вина. Полные траты на такие обеды составляли полтора – два рубля»²⁷⁹. Если приказные люди не получали вовремя причитающуюся им «почесть», то последствия, как правило, не заставляли себя долго ждать. Например: «В 1669 г. стряпчий Иверского монастыря подробно описал такого рода эпизод: в Стрелецком приказе “дьяк и подьячие, рняся, что им от нас почести не бывало, а посулено было преже того ... и они нам паче возъярились и велели” монастырского слугу “держать в приказе”. Тогда монахи “отвезли им почесть и дьяку да подьячему, а иных напоили и накормили ... слугу выручили”»²⁸⁰. При этом приказной этикет требовал, чтобы «постоянные клиенты» «почесть» подносили всем приказным, причастным к их делам, а не только старшим по должности.

Другая категория подношений приказным людям была связана с расходами на ведение и оформление дел. Платили за все: за прием и регистрацию челобитной, за изготовление выписок по делу (самые большие траты), за написание «памятей», за постановку «справы» – старым подьячим, за «помету» – дьяку; до суда приказных желательно было отдельно «почтить» и так далее²⁸¹. Таким образом, «плата за ведение дел могла в 5 – 10 раз превышать годовой денежный оклад приказных (разумеется, тех, у кого он вообще имелся)»²⁸². Кроме того, приказные люди могли брать «посулы» – прямые взятки за решение дела с нарушением закона и попранием справедливости, но это уже, так сказать, криминальная сторона деятельности конкретных должностных лиц. Вообще же «грань между более или менее законной “почестью” и незаконным “посулом” зачастую была очень зыбкой. Общим для различных видов подношений было то, что они являлись составными частями содержания приказных»²⁸³.

Теперь мы понимаем, почему служащие Посольского приказа были лучше своих коллег из других аналогичных учреждений обеспечены поместным и денежным окладом. Не обеспечивать их надлежащим образом материально – значит толкать на получение «поче-

²⁷⁶ Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // ОИ. – 1996. – № 1. – С. 140.

²⁷⁷ Там же. – С. 140–141.

²⁷⁸ Там же. – С. 141.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же. – С. 142–143.

²⁸² Там же. – С. 148.

²⁸³ Там же. – С. 146.

стей» и «посулов» от иностранных держав. «Дьяки и подьячие Посольского, Казенного и других приказов, где было мало или вовсе не было “челобитчиковых” дел, ежегодно получали из казны компенсацию, носившую название “праздничных денег”. ... Пожалование “праздничных денег” из казны лишь в незначительной степени компенсировало отсутствие доходов от “челобитчиковых” дел»²⁸⁴. «Праздничные деньги» выдавались «на Пасху, Рождество Христово или Богородицы, именины царя, царицы, или царевича – “государева ангела”»²⁸⁵. Ставки «праздничных дач» для подьячих Посольского приказа не имели строгого тарифа и носили сугубо индивидуальный характер (вроде современных «денег в конверте»). «Подьячим из “больших” статей – от 8 до 5 рублей; второй статьи – по 5 и 4 рублей; третьей – от 4 до 1 рубля»²⁸⁶. «Праздничные дачи» дьяков Посольского приказа были, естественно, несколько выше, чем у «первостатейных» подьячих. Например, дьяк Матюшкин Максим Григорьевич (1624–1641) «в 1631–1633 годах получал на Рождество Христово, Рождество Богородицы, Пасху, на день государева “ангела” и на именины членов царской семьи по 10 рублей»²⁸⁷. Вообще же «праздничные дачи» могли в сумме превышать размер годового оклада, особенно у подьячих низших категорий. Кроме того, чины Посольского приказа, отправляясь за границу, получали «даchi на выполнение приказной работы», которые могли многократно превышать годовой оклад подьячего и достигали размера оклада дьяка. Например, подьячий Афонасей Денисов при отправлении его к Богдану Хмельницкому в 1653–1654 гг., получил «в подмогу» 100 рублей, при том, что его годовой денежный оклад составлял всего 18 рублей²⁸⁸. В Посольском приказе подьячие получали дополнительные выплаты и в натуральной форме. Например, с 1671–1672 гг. они начали получать «хлебное жалованье» в размере по 3,5 пуда ржи и овса на каждый рубль денежного оклада; «соляное жалованье» в размере 10 пудов – старые подьячие, 3–5 пудов – средние, и 1–3 пуда – молодые»; «пожалование материей на кафтаны» за успешное выполнение посольских поручений. Выплачивались и единовременные пособия: «транспортные дачи» для подьячих, переведенных в Посольский приказ «из дальних городех» на переезд в Москву; «даchi на избное строение» для всех верстанных подьячих данного приказа; «даchi на пожарное разорение»; «даchi на свадьбу»; «даchi на лечение»; «выдачи денег вдовам подьячих по случаю смерти мужей»²⁸⁹. Таким образом, перечень разовых выплат, предусмотренных для подьячих Посольского приказа, представляет своего рода «социальный пакет» той эпохи. Получали служащие Посольского приказа в случае необходимости и «даchi по случаю походной службы», составлявшие порой весьма существенные суммы. Здесь необходимо отметить, «что даchi на походную и посольскую службы не являлись привилегией подьячих Посольского приказа, на них имели право служащие и других приказов»²⁹⁰. Так, например, по случаю посылки в армию «в 177 (1668 г. от Р. Х. – Б. Д.) году “безмесному” подьячему П. Аверкиеву в Разряде был назначен новый оклад в 10 рублей и 10 же рублей дано в приказ, “всего 20 рублей”; в 181 году (1671 г. от Р. Х. – Б. Д.) неверстанным подьячим Поместного приказа П. Лыкову, Монастырского приказа И. Мореву было дано по 10 рублей в приказ»²⁹¹.

Таким образом, рассмотрев различные формы оплаты труда служащих центральных органов управления, мы определили, что приказные служащие Российского государства

²⁸⁴ Там же. – С. 143–144.

²⁸⁵ Рогожин Н. М. Посольский... – С. 139.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. – С. 101.

²⁸⁸ Там же. – С. 153.

²⁸⁹ Там же. – С. 150–153.

²⁹⁰ Там же. – С. 154.

²⁹¹ Новохатко О. В. Разряд... – С. 175.

обеспечивались поместным и денежным окладами (молодые подьячие могли не иметь ни того, ни другого); единовременными выплатами по случаю откомандирования за границу, или в военный поход; «кормились от дел». Служащие Посольского приказа имели значительно лучшее материальное обеспечение по сравнению с их коллегами из других ведомств, что легко объясняется спецификой их службы и чрезвычайной важностью ее для государства («неверстанные» подьячие массово появляются там только начиная с 1668 г., что является скрытой формой увеличения штата)²⁹².

Приказное делопроизводство

Типы приказной документации, способы ее систематизации, порядок и время рассмотрения дел

«Первоначально наиболее распространенной формой деловой документации было столбцовое делопроизводство. В XVII в. все более увеличивается значение в правительственном делопроизводстве книг, особенно в 1660-е гг. Внешний признак столбца – соединение, склейка отдельных документов в единое “дело” в виде свитка. Документы писали на листах бумаги, разрезанных пополам. ... Эти полосы подклеивались одна к другой. Места склеек, а также составные части такой бумажной ленты называли “составы” (т. е. составы, связи)»²⁹³. На «составе» подьячий или дьяк, подклеивающий следующий лист, ставил свою подпись для удостоверения подлинности документа. «По окончании дела к столбцу могли подклеить (в том же или в другом учреждении, куда его передали) столбцы других дел – и такой столбец становился уже комплексом (сборником) “дел”. Длина некоторых столбцов достигала десятков и даже сотен метров. Столбцы писались – в подавляющем большинстве случаев, – только с одной стороны листа. ... Обратная сторона составов столбца служила для “рукоприкладств” лиц, привлеченных к рассмотрению дела»²⁹⁴. Такая форма делопроизводства, как мы понимаем, была не слишком удобной во многих отношениях и была окончательно отменена в 1700 г.²⁹⁵ Более удобной оказалась сшивка листов дела в тетрадь, а отдельных тетрадей в книги. Оформленные таким образом дела гораздо удобнее хранить, да и работать с ними сподручнее. С начала XVIII в. такая форма ведения дел окончательно вытесняет столбцовую. Разрозненные материалы («рознь»), которые не входили в конкретные «дела», также особым образом классифицировались и объединялись в соответствии с каким-либо логически выделенным признаком. Например, «рознь» в Посольском приказе объединялась в особые «дела» по государственной принадлежности: «дацкая», «аглинская», «галанская» и др.²⁹⁶.

Вообще же, образцы составления документов помещались в специальных «образцовых книгах»; так же отдельные типы деловых бумаг и писем приводились в азбуках и «письмовниках», которые предназначались для чтения и переписывания т. е. в качестве учебных пособий²⁹⁷.

Рассмотрим подробнее некоторые отдельные типы документов, использовавшиеся в делопроизводстве приказов в XVII в.

²⁹² Рогожин Н. М. Посольский... – С. 149–150.

²⁹³ Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. – М.: МГИАИ, 1985. – С. 15.

²⁹⁴ Там же. – С. 16.

²⁹⁵ Там же. – С. 17.

²⁹⁶ Око всей великой России. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 34.

²⁹⁷ Шмидт С. О., Князьков С. Е. Указ. соч. – С. 27.

«Широкое распространение имели документы, носившие названия грамоты. Они были чрезвычайно многообразны как по форме, так и по содержанию и не всегда имели историко-правовую форму: могли означать и акт (как документ с определенной юридической нормой), и деловое письмо, и другие документы, создававшиеся в государственных учреждениях. ... Грамотами признавали и делопроизводственные документы, исходящие от частных лиц, в которых фиксировались привилегии, имущественные или иные права и обязанности, условия сделки. Особо выделяются указные грамоты или указы. Это распоряжения от имени царя»²⁹⁸.

Некоторые документы, содержавшие решение по тому или иному вопросу, выработанному коллективным органом (царем с Боярской думой, Земским собором), назывались «приговором».

Распоряжения должностному лицу, правительственные инструкции оформлялись в виде документа именуемого «наказом», или «наказной памятью». А такой же документ, выданный проверяющему, посланному для инспектирования кого- или чего-либо, назывался «доезжей памятью».

«Памятью» называли документ текущей переписки между равными по статусу учреждениями, например: приказами, воеводами и пр.²⁹⁹

«Отписки» – обязательная форма письменных сношений должностных лиц с государем или центральными учреждениями, донесения (сообщения) представителей местной правительственной администрации (воеводы, губные старосты, таможенные головы и др.)³⁰⁰.

Отчеты должностных лиц, посланных для сбора информации по поводу чего-либо, назывались «обысками».

Объяснения частных и должностных лиц несудебного характера – «сказки».

«Речами» же назывались показания отдельных лиц. Внесудебный характер могли иметь и так называемые «расспросные речи» – отчеты должностных или частных лиц о выполнении ими поручений³⁰¹.

«Различные прошения, заявления, жалобы назывались “челобитными” или “челобитьем” (от слов “челом бить” – кланяться). Челобитные обычно подавали частные лица или корпорации»³⁰².

Поскольку все приказы русского государства имели судебные функции, то особенно отметим такие типы судебно-следственных материалов относящимся к «речам», как «расспросные речи», но уже судебные; «сыскные речи» – показания свидетелей на допросе; «пыточные речи» – из названия которых ясно, при каких обстоятельствах они записывались³⁰³.

Многие виды деловых записей в XVII в. делались в специальные книги. В учреждениях велись, например, «приходные книги» и «расходные книги» – важнейшие документы «бухгалтерской» отчетности того времени. Сохранились книги хозяйственного описания земель, переписей населения, податных окладов, составленные в основном в целях организации налогового обложения («писцовые», «переписные», «дозорные», «платежные», «книги сошного письма», «межевые книги», «даточные книги» – книги записей пожалований земель-

²⁹⁸ Там же. – С. 32.

²⁹⁹ Там же. – С. 36–38.

³⁰⁰ Там же. – С. 39.

³⁰¹ Там же. – С. 40.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. – С. 47.

ных владений служилым людям, и другие типы подобным образом оформленных служебных записей³⁰⁴.

В приказах XVII в. существовал весьма точно определенный порядок прохождения деловых бумаг. Рассмотрим, например, как проходила по приказным инстанциям челобитная. «При поступлении в приказ челобитной от частного лица документ направляли дьяку, рассматривавшему права данного лица на обращение в приказ по данному вопросу. При положительном решении дьяк ставил подпись на обороте челобитной (иска, жалобы) и писал фамилию “старого” подьячего, которому надлежало оформить и подготовить дело к рассмотрению по существу требования, давал непосредственные указания своим подчиненным о проведении определенных действий: наведении справок, подготовке конкретных выписок из книг и других документов, необходимости отправления “памятей” в другие приказы и т. д. После того, как “старый” подьячий решал, что дело полностью готово к рассмотрению, дело поступало дьяку. Последний, если соглашался с мнением подьячего о готовности дела, ставил помету “к вершенью”, если же приходил к мнению о необходимости дополнительной работы с делом, он ставил помету “к розыску”. Дела с пометами “к вершенью” в определенные дни поступали на рассмотрение судей приказа. Дьяк устанавливал очередность рассмотрения дел, он же давал необходимые пояснения по существу дела и рекомендации по его решению. Окончательное решение дела зависело от судей, однако резолюции о решении проставлялись дьяком от имени судей»³⁰⁵.

Трудно не согласиться с мнением О. В. Новохатко, что «одним из основных критериев эффективности работы любого учреждения является скорость прохождения информации внутри этого учреждения, по его вертикальным и горизонтальным уровням, то есть скорость прохождения документов, оперативность принятия решений руководством и исполнения этих решений подчиненными»³⁰⁶. Так какова же была скорость рассмотрения дел в приказах? Оказывается, что оперативность рассмотрения дел зависела от их важности для российского государства (как ее понимали государственные служащие того времени). На примере документооборота Разрядного приказа О. В. Новохатко проследила скорость прохождения бумаг разных типов. «Ответы на грамоты, в которых сообщалось о нападениях на южные рубежи, составлялись в максимально короткие сроки. Информация городских воевод о нападении ... почти всегда доводилась до сведения верховной власти, поэтому в сроки от 3 до 8 дней, за которые в Разряде готовили ответы на отписки воевод, непременно входил и доклад царю и Думе, а также нередко подготовка выписки. Если же о содержании отписки не докладывали “в верх”, то решение по отписке принималось в Разряде в день ее получения, а ответную грамоту отправляли на следующий день или через день после указания руководства Разряда. ... По менее срочным вопросам укрепления южных рубежей распоряжения Разряда направлялись в города в сроки от недели до месяца»³⁰⁷. Скорость обработки информации внутри системы органов центрального управления была такой, что ей можно позавидовать и в век всеобщей компьютеризации и Интернета: «памяти из Разряда в другие приказы по «пограничным» делам направлялись в день получения отписки»³⁰⁸.

Здесь мы подошли к вопросу о том, какие дела считались срочными, а какие – нет. Главный принцип был таков: безусловное превалирование государственных интересов над частными. Частные обращения, даже если они были связаны с исполнением государственной

³⁰⁴ Там же. – С. 42–43.

³⁰⁵ Петров К. В. Указ. соч. – С. 85.

³⁰⁶ Новохатко О. В. Документооборот в приказах второй половины XVII века // Известия Уральского государственного университета. Серия 2., Гуманитарные науки. – Екатеринбург. – 2008. – выпуск 16. – № 59. – С. 38.

³⁰⁷ Там же. – С. 40.

³⁰⁸ Там же. – С. 41.

службы, рассматривались во вторую очередь. Например: «составление выписок по челобитным подьячих об отставке от полковой службы занимало в приказе 4 дня, по челобитным о выдаче денежных пособий для полковой службы – от 5 до 14 дней; памяти в приказы о выдаче денежных субсидий подьячим направляли из Разряда в течение 1–7 дней»³⁰⁹.

Таким образом, мы, вслед за автором выше цитируемой статьи, можем сделать весьма обоснованный вывод о том, что понятие «приказная волокита», закрепившееся в сознании русского народа, относится к исполнению приказами их судебных функций в отношении частных лиц. Во-первых, это, по представлениям того времени, дела не срочные, которые могут и подождать, а, во-вторых, искусственное затягивание таких дел, позволяло вытянуть из челобитчиков дополнительные подношения как легального, так и нелегального характера. А, как мы помним, подношения частных лиц, и даже монастырей, составляли существенную часть содержания приказных служащих, не говоря уже о «неверстных» «молodyх» подьячих. Вот, потому-то и дошли до нас в большом количестве жалобы на приказных вроде той, которую подали провинциальные дворяне царю во время Земского собора 1642 г.: «А разорены мы, холопи твои, пуще турецких и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов»³¹⁰.

Таким образом, в XVII в. в отечественном приказном делопроизводстве мы наблюдаем обширную типологию документов; разработанные алгоритмы обработки документации; выработанную дифференциацию по времени обработки дел в зависимости от их важности. Все это указывает на существенное развитие институтов государственно-управленческого аппарата, сформированность централизованного русского государства как такового.

Особенности делопроизводства в Посольском приказе

Как уже упоминалось выше, основной формой фиксации дипломатической информации первоначально были «столбцы», которые на протяжении XVII в. постепенно вытесняются «книгами», представлявшими собой связки (сшивки) тетрадей, содержавшие посольскую документацию близкую по содержанию, месту и времени составления.

В состав таких тетрадей могли входить документы, относящиеся к «Грамотам». «Верющие» (верительные) грамоты послов; «докончания» – перемирные грамоты (позднее получившие названия «договоров»); «любительные» грамоты, адресованные правительствам третьих стран, для обеспечения мирного проезда посольства через их территорию; «указные» («подорожные») грамоты для воевод российских городов, с указанием им обеспечивать посольство всем необходимым при проезде его через территорию, находящуюся под их юрисдикцией. С другими учреждениями с аналогичным правовым статусом Посольский приказ вел переписку при помощи уже упомянутых ранее «памятей», получая в ответ «памяти» и «отписки». Отправляясь за границу, служащие посольского приказа получали «наказы», который составляют значительный объем многих из посольских книг. С момента отправления посольства откомандированные в него служащие самым тщательным образом вели так называемый «статейный список» данного посольства. В нем фиксировались все события, происходившие во время посольства, особенно подробно описывались происходившие дипломатические церемонии, ход переговоров, состояние экономики и вооруженных сил тех государств, где побывало посольство и так далее. Статейные списки посольств часто занимают весь объем книги. Некоторые посольские книги являются результатами работы комиссий по демаркации после очередного «докончания» и содержат подробное словесное описание местности, по которой проходит линия государственной границы. После

³⁰⁹ Там же. – С. 42.

³¹⁰ Цит. по Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII веках. – М.: Наука, 1978. – С. 182.

завершения посольства и заслушивания царем и Боярской думой отчета его главы производился тщательный допрос его участников, с целью выявления всех нарушений, особенно дисциплинарного характера, имевших место быть. Вся информация фиксировалась в «расспросных речах», которые также подшивались в посольские книги. Материалы визитов иностранных посольств сводились в две группы документов «приезд» и «отпуск», и также заносились в посольские книги³¹¹.

Ранние сборники документов Посольского приказа, оформленные в виде «столбцов», впоследствии переписывались в книги. «Известно, что первоисточники посольских книг – подлинники документы (грамоты, договоры, письма, челобитные т. д.) и столбцы – не уничтожались, а сохранялись в архиве Посольского приказа. Они служили дополнительным справочным материалом при составлении наказов, финансировании посольств и так далее»³¹². Всего до настоящего времени в РГАДА сохранилось 610 посольских книг по связям России с 17 иностранными государствами и более 150 книг – по связям с народами, позднее вошедшими в состав российского государства³¹³. В XVII в. в Посольском приказе периодически проводились описи архива. Известны материалы по крайней мере 4 таких описей 1614, 1626, 1632 и 1673 гг.³¹⁴ При сличении материалов данных описей с наличием посольских книг в настоящее время выяснено, что значительное количество их было утрачено. Например, утрачен комплекс книг по взаимоотношениям России с Астраханским и Тюменским ханствами, исчезли тетради «гирейские» о взаимоотношениях России с Крымом времен правления дома Гиреев, книги «шамохейские» с материалами посольств «шамохейских князей с великим князем Иваном и великим князем Василием, «книги цысаревых послов и французского магистра вулфтянковых послов отписки», относительно освобождения из русского плена магистра Ливонского ордена Вильгельма Фюрстенберга за 1562–1566 гг., и некоторые другие книги и отдельные тетради³¹⁵.

В XVII в. объем документации, выработанной Посольским приказом, был поистине колоссальным: составлены 231 книга по отношениям с Речью Посполитой, 122 книги по отношениям со Швецией, 61 – по отношениям с Крымом и так далее³¹⁶.

Таким образом, на примере работы российского дипломатического ведомства мы можем представить себе не только масштабы внешних отношений российского государства в XVI–XVII вв., но и объемы фиксируемой информации по международным связям того периода времени. И то и другое указывает на то, что, несмотря на относительную изолированность от европейских государств, Россия играла весьма значительную политическую роль в восточной части Европы, причем влияние это постоянно возрастало, исключая, пожалуй, период Смутного времени.

Проблема классификации приказов

Начало изучения приказов как феномена отечественной системы государственного управления относится к концу XVIII в., когда отечественная историческая наука только зарождалась. Первые же в современном понимании серьезные исследования этой темы появились в конце века XIX. С тех пор предпринимались неоднократные попытки каким-либо образом классифицировать эти учреждения по определенным критериям: предмету

³¹¹ Око... – С. 34–47.

³¹² *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII веков. – М.: Институт российской истории РАН, 1994 – С. 53.

³¹³ Око... – С. 35.

³¹⁴ *Рогожин Н. М.* Посольские... – С. 53.

³¹⁵ Там же. С. 53–54.

³¹⁶ *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть указано... – М.: Издательство РАГС, 2002. – С. 57–58.

ведения, территории, на которую распространялась юрисдикция приказа и так далее. «До сегодняшнего дня в исторической науке нет единого мнения по вопросу о классификации приказов XVII в. Проблема эта носит скорее полемический и прикладной характер, однако остается нерешенной»³¹⁷. Действительно, наверное, невозможно выделить какие-либо существенные параметры, по которым можно было бы четко провести разграничительные линии между различными учреждениями этого типа. Все они имели административно-распорядительные и судебные (хотя бы в отношении собственных служащих) функции, все имели финансовые функции, подчинялись самой монархии и Боярской думе, имели определенные закрепленные за ними территории (хотя бы те, за счет сборов с которых содержался конкретный приказ), имели сходную внутреннюю структуру (могли делиться на «столы» или «повытья») и так далее.

«К. А. Неволин считал возможным классифицировать приказы в соответствии с двумя критериями: территориальным и функциональным. А. С. Лаппо-Данилевский обосновывал территориально-сословный принцип разграничения компетенции приказов ... И. И. Вернер: дворцовые и государственные приказы. ... А. В. Чернов, подвергнув критике концепцию Вернера, предложил, тем не менее, выделять государственные, дворцовые и патриаршие приказы. А. К. Леонтьев выделяет пять групп приказов: 1. административные и судебно-полицейские; 2. областные; 3. военные; 4. финансовые; 5. дворцовые»³¹⁸.

Остановимся на наиболее принятой в настоящее время в историческом сообществе системе классификации приказов, но вначале обозначим примерное число таких учреждений, существовавших в XVI–XVII вв. Таковых учреждений насчитывают около 80, причем «количество одновременно функционировавших самостоятельных приказов никогда не превышало полусотни»³¹⁹. «Наиболее приемлемым является разделение приказов на общегосударственные, дворцовые и патриаршие. ... Общегосударственные приказы обыкновенно делят на ведомственные и территориальные»³²⁰. Ведомственные приказы делят в свою очередь на «государствообразующие» (Разрядный, Посольский, Поместный и другие), «финансовые» (к ним относят приказы Большого прихода, «четвертные», Кабацкий, Большой казны и другие), «судебные» (Разбойный, Земский двор, «судные» приказы, Приказ Холопьяго суда, Челобитный, Преображенский), «военно-сословные» (Стрелецкий, Пушкарский, Иноземный, Казачий, Рейтарский). Кроме того, для выполнения конкретной временной работы создавались экстраординарные, «временные» приказы (Сбора пятинных и запросных денег, Доимочный, Записной и другие)³²¹. К территориальным приказам относятся например: Казанского дворца, Сибирский, Смоленский, Малороссийский, Литовский и другие. «Отдельной группой были патриаршие приказы. Приказов, составлявших патриарший двор, было всего три: Патриарший Дворец, Патриарший Разряд и Патриаршая Казна»³²².

³¹⁷ Амосова И. В. Центральное... – С. 15.

³¹⁸ Петров К. В. Указ соч. – С. 54.

³¹⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства XVI–XVII веков // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 10 – С. 28.

³²⁰ Там же. – С. 28.

³²¹ Там же. – С. 29.

³²² Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.